

АЛЕКСАНДР
БЛОК

АЛЕКСАНДР БЛОК

3

1880 · 1980

АЛЕКСАНДР БЛОК

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ШЕСТИ ТОМАХ

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ

М.А.ДУДИНА

В.Н.ОРЛОВА

А.А.СУРКОВА

ЛЕНИНГРАД • «ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ • 1981

АЛЕКСАНДР БЛОК

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ШЕСТИ ТОМАХ

ТОМ 3

Т Е А Т Р
1906•1919

ЛЕНИНГРАД • «ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ • 1981

ББК 84.3Р1

Б70

СОСТАВЛЕНИЕ И ПРИМЕЧАНИЯ
ВЛ. ОРЛОВА

ПОДГОТОВКА ТЕКСТА
И. ИСАКОВИЧ

ОФОРМЛЕНИЕ ХУДОЖНИКА
Н. НЕФЕДОВА

Б 70600-054 подписное 4702010100
028(01)-81

© Примечания, оформление.
Издательство «Художественная литература», 1981 г.

ДРАМАТИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

БАЛАГАНЧИК

*Посвящается
Всеволоду Эмильевичу
Мейерхольду*

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Коломбина.

Пьеро.

Арлекин.

Мистики обоего пола в сюртуках и модных платьях,
а потом в масках и маскарадных костюмах.

Председатель мистического собрания.

Три пары влюбленных.

Паяц.

Автор.

Обыкновенная театральная комната с тремя стенами, окном и дверью. У освещенного стола с сосредоточенным видом сидят мистики обоего пола — в сюртуках и модных платьях. Несколько поодаль, у окна, сидит Пьеро в белом балахоне, мечтательный, расстроенный, бледный, безусый и безбровый, как все Пьеро.

Мистики некоторое время молчат

Первый мистик

Ты слушаешь?

Второй мистик

Да.

Третий мистик

Наступит событие.

Пьеро

О, вечный ужас, вечный мрак!

Первый мистик

Ты ждешь?

Второй мистик

Я жду.

Третий мистик

Уж близко прибытие:

За окном нам ветер подал знак.

Пьеро

Неверная! Где ты? Сквозь улицы сонные
Протянулась длинная цепь фонарей,
И, пара за парой, идут влюбленные,

Согретые светом любви своей.
Где же ты? Отчего за последней парюю
Не вступить и нам в назначенный круг?
Я пойду бренчать печальной гитарюю
Под окно, где ты пляшешь в хоре подруг!
Нарумяню лицо мое, лунное, бледное,
Нарисую брови и усы приклею.
Слышишь ты, Коломбина, как сердце бедное
Тянет, тянет грустную песню свою?

Пьеро размечтался и оживился. Но из-за занавеса сбоку вылезает
обеспокоенный Автор.

Автор

Что он говорит? Почтеннейшая публика! Спешу
уверить, что этот актер жестоко насмеялся над моими
авторскими правами. Действие происходит зимой в
Петербурге. Откуда же он взял окно и гитару?
Я писал мою драму не для балагана... Уверяю вас...

Внезапно застыдившись своего неожиданного появления, прячется
обратно за занавес.

Пьеро (*Он не обратил
внимания на Автора. Сидит и мечтательно вздыхает*)
Коломбина!

Первый мистик

Ты слушаешь?

Второй мистик

Да.

Третий мистик

Приближается дева из дальней страны.

Первый мистик

О, как мрамор — черты!

Второй мистик

О, в очах — пустота!

Третий мистик
О, какой чистоты и какой белизны!

Первый мистик
Подойдет — и мгновенно замрут голоса.

Второй мистик
Да. Молчанье наступит.

Третий мистик
Надолго ли?

Первый мистик
Да.

Второй мистик
Вся бела, как снега.

Третий мистик
За плечами — коса.

Первый мистик
Кто ж она?

Второй наклоняется и что-то шепчет на ухо первому.

Второй мистик
Ты не выдашь меня?

Первый мистик *в неподдельном
ужасе)*

Никогда!

Автор опять испуганно высовывается, но быстро исчезает, как
будто его оттянул кто-то за фалды.

Пьеро (*по-прежнему,
мечтательно*)
Коломбина! Приди!

Первый мистик
Тише! Слышишь шаги!

Второй мистик
Слышу шелест и вздохи.

Третий мистик

О, кто среди нас?

Первый мистик

Кто в окне?

Второй мистик

Кто за дверью?

Третий мистик

Не видно ни зги.

Первый мистик

Посвети. Не она ли пришла в этот час?

Второй мистик поднимает свечу.

Совершенно неожиданно и непонятно откуда появляется у стола необыкновенно красивая девушка с простым и тихим лицом матовой белизны. Она в белом. Равнодушен взор спокойных глаз. За плечами лежит заплетенная коса.

Девушка стоит неподвижно. Восторженный Пьеро молитвенно опускается на колени. Заметно, что слезы душат его. Все для него — неизречно.

Мистики в ужасе откинулись на спинки стульев. У одного беспомощно болтается нога. Другой производит странные движения рукой. Третий выкатил глаза. Через некоторое время очнувшись, громко шепчут:

- Прибыла!
- Как бела ее одежда!
- Пустота в глазах ее!
- Черты бледны, как мрамор!
- За плечами коса!
- Это — смерть!

Пьеро услышал. Медленно поднявшись, он подходит к девушке, берет ее за руку и выводит на середину сцены. Он говорит голосом звонким и радостным, как первый удар колокола.

Пьеро

Господа! Вы ошибаетесь! Это — Коломбина! Это — моя невеста!

Общий ужас. Руки всплеснулись. Фалды сюртуков раскачиваются. Председатель собрания торжественно подходит к Пьеро.

Председатель

Вы с ума сошли. Весь вечер мы ждали событий. Мы дождались. Она пришла к нам — тихая избавительница. Нас посетила смерть.

Пьеро (*звонким детским
голосом*)

Я не слушаю сказок. Я — простой человек. Вы не обманете меня. Это — Коломбина. Это — моя невеста.

Председатель

Господа! Наш бедный друг сошел с ума от страха. Он никогда не думал о том, к чему мы готовились всю жизнь. Он не измерил глубин и не приготовился встретить покорно Бледную Подругу в последний час. Простим великодушно простеца. (*Обращается к Пьеро.*) Брат, тебе нельзя оставаться здесь. Ты помешаешь нашей последней вечере. Но, прошу тебя, взглядишь еще раз в ее черты: ты видишь, как бела ее одежда; и какая бледность в чертах; о, она бела, как снега на вершинах! Очи ее отражают зеркальную пустоту. Неужели ты не видишь косы за плечами? Ты не узнаешь смерти?

Пьеро (*по бледному лицу
бродит растерянная улыбка*)

Я ухожу. Или вы правы, и я — несчастный сумасшедший. Или вы сошли с ума — и я одинокий, непонятый вздыхатель. Носи меня, вьюга, по улицам! О, вечный ужас! Вечный мрак!

Коломбина (*идет к выходу
вслед за Пьеро*)

Я не оставлю тебя.

Пьеро остановился, растерян. Председатель умоляюще складывает руки.

Председатель

Легкий призрак! Мы всю жизнь ждали тебя! Не покидай нас!

Появляется стройный юноша в платье Арлекина. На нем серебристыми голосами поют бубенцы.

Арлекин (*подходит
к Коломбине*)

Жду тебя на распустьях, подруга,
В серых сумерках зимнего дня!
Над тобою поет моя вьюга,
Для тебя бубенцами звеня!

Он кладет руку на плечо Пьеро. — Пьеро свалился навзничь и лежит без движения в белом балахоне. Арлекин уводит Коломбину за руку. Она улыбнулась ему. Общий упадок настроения. Все безжизненно повисли на стульях. Рукава куртуков вытянулись и закрыли кисти рук, будто рук и не было. Головы ушли в воротники. Кажется, на стульях висят пустые куртуки. Вдруг Пьеро вскочил и убежал. Занавес сдвигается. В ту же минуту на подмостки перед занавесом выскакивает взъерошенный и взволнованный Автор.

А в т о р

Милостивые государи и государыни! Я глубоко извиняюсь перед вами, но снимаю с себя всякую ответственность! Надо мной издеваются! Я писал реальнейшую пьесу, сущность которой считаю долгом изложить перед вами в немногих словах: дело идет о взаимной любви двух юных душ! Им преграждает путь третье лицо; но преграды наконец падают, и любящие навеки соединяются законным браком! Я никогда не рядил моих героев в шутовское платье! Они без моего ведома разыгрывают какую-то старую легенду! Я не признаю никаких легенд, никаких мифов и прочих пошлостей! Тем более — аллегорической игры словами: неприлично называть косой смерти женскую косу! Это порочит дамское сословие! Милостивые государи...

Высунувшаяся из-за занавеса рука хватает Автора за шиворот. Он с криком исчезает за кулисой. Занавес быстро раздергивается. Бал. Маски кружатся под тихие звуки танца. Среди них прогуливаются другие маски, рыцари, дамы, паяцы. Грустный Пьеро сидит среди сцены на той скамье, где обыкновенно целуются Венера и Тангейзер.

П ь е р о

Я стоял меж двумя фонарями
И слушал их голоса,
Как шептались, закрывшись плащами,
Целовала их ночь в глаза.

И свила серебристая вьюга
Им венчальный перстень-кольцо.
И я видел сквозь ночь — подруга
Улыбнулась ему в лицо.

Ах, тогда в извозчицьи сани
Он подругу мою усадил!

Я бродил в морозном тумане,
Издали за ними следил.

Ах, сетями ее он опутал
И, смеясь, звенел бубенцом!
Но, когда он ее закутал, —
Ах, подруга свалилась ничком!

Он ее ничем не обидел,
Но подруга упала в снег!
Не могла удержаться сидя!..
Я не мог сдержать свой смех!..

И, под пляску морозных игол,
Вкруг подруги картонной моей —
Он звенел и высоко прыгал,
Я за ним плясал вкруг саней!

И мы пели на улице сонной:
«Ах, какая стряслась беда!»
А вверху — над подругой картонной —
Высоко зеленела звезда.

И всю ночь по улицам снежным
Мы брели — Арлекин и Пьеро...
Он прижался ко мне так нежно,
Щекотало мне нос перо!

Он шептал мне: «Брат мой, мы вместе,
Неразлучны на много дней...
Погрустим с тобой о невесте,
О картонной невесте твоей!»

Пьеро грустно удаляется. Через некоторое время на той же скамье
обнаруживается пара влюбленных. Он в голубом, она в розовом,
маски — цвета одежд.

Они вообразили себя в церкви и смотрят вверх, в купола.

О н а

Милый, ты шепчешь — «склонись...»
Я, лицом опрокинута, в купол смотрю.

Он

Я смотрю в непомерную высь —
Там, где купол вечернюю принял зарю

Она

Как вверху позолота ветха.
Как мерцают вверху образа.

Он

Наша сонная повесть тиха.
Ты безгрешно закрыла глаза.

Поцелуй.

Она

...Кто-то темный стоит у колонны
И мигает лукавым зрачком!
Я боюсь тебя, влюбленный!
Дай закрыться твоим плащом!

Молчание.

Он

Посмотри, как тихи свечи,
Как заря в куполах занялась.

Она

Да. С тобою сладки нам встречи.
Пусть я сама тебе предалась.

Прижимается к нему.

Первую пару скрывает от зрителей тихий танец масок и паяцов. В средину танца врывается вторая пара влюбленных. Впереди она в черной маске и вьющемся красном плаще. Позади — он — весь в черном, гибкий, в красной маске и черном плаще. Движения стремительны. Он гонится за ней, то настигая, то обгоняя ее. Вихрь плащей.

Он

Оставь меня! Не мучь, не преследуй!
Участи темной мне не пророчь!
Ты торжествуешь свою победу!
Снимешь ли маску? Канешь ли в ночь?

Она

Иди за мной! Настигни меня!
Я страстней и грустней невесты твоей!
Гибкой рукой обними меня!
Кубок мой темный до дна испей!

Он

Я клялся в страстной любви — другой!
Ты мне сверкнула огненным взглядом,
Ты завела в переулок глухой,
Ты отравила смертельным ядом!

Она

Не я манила, — плащ мой летел
Вихрем за мной — мой огненный друг!
Ты сам вступить захотел
В мой очарованный круг!

Он

Смотри, колдунья! Я маску сниму!
И ты узнаешь, что я безлик!
Ты смелá мне черты, завела во тьму,
Где кивал, кивал мне — черный двойник!

Она

Я — вольная дева! Путь мой — к победам!
Иди за мной, куда я веду!
О, ты пойдешь за огненным следом
И будешь со мной в бреду!

Он

Иду, покорен участи строгой,
О, вейся, плащ, огневой проводник!
Но трое пойдут зловещей дорогой:
Ты — и я — и мой двойник!

Исчезают в вихре плащей. Кажется, за ними вырвался из толпы кто-то третий, совершенно подобный влюбленному, весь — как гибкий язык черного пламени.

В среде танцующих обнаружилась третья пара влюбленных. Они сидят посреди сцены.

Средневековые. Задумчиво склонившись, она следит за его движениями. — Он, весь в строгих линиях, большой и задумчивый, в картонном шлеме, — чертит перед ней на полу круг огромным деревянным мечом.

Он

Вы понимаете пьесу, в которой мы играем не последнюю роль?

Она *(как тихое
и внятное эхо)*

Роль.

Он

Вы знаете, что маски сделали нашу сегодняшнюю встречу чудесной?

Она

Чудесной.

Он

Так вы верите мне? О, сегодня вы прекрасней, чем всегда.

Она

Всегда.

Он

Вы знаете всё, что было и что будет. Вы поняли значение начертанного здесь круга.

Она

Круга.

Он

О, как пленительны ваши речи! Разгадчица души моей! Как много ваши слова говорят моему сердцу!

Она

Сердцу.

Он

О, Вечное Счастье! Вечное Счастье!

Она

Счастье.

Он *(со вздохом облегчения
и торжества)*

Близок день. На исходе — эта зловещая ночь.

Она

Ночь.

В эту минуту одному из паяцов пришло в голову выкинуть штуку. Он подбегает к влюбленному и показывает ему длинный язык. Влюбленный бьет с размаху паяца по голове тяжким деревянным мечом. Паяц перегнулся через рампу и повис. Из головы его брызжет струя клюквенного сока.

Паяц (*пронзительно кричит*)

Помогите! Истекаю клюквенным соком!

Поболтавшись, удаляется.

Шум. Суматоха. Веселые крики: «Факелы! Факелы! Факельное шествие!» Появляется хор с факелами. Маски толпятся, смеются, прыгают.

Хор

В сумрак — за каплей капля смолы
Падает с легким треском!
Лица, скрытые облаком мглы,
Озаряются тусклым блеском!
Капля за каплей, искра за искрой!
Чистый, смолистый дождь!
Где ты, сверкающий, быстрый,
Пламенный вождь!

Арлекин выступает из хора, как корифей.

Арлекин

По улицам сонным и снежным
Я таскал глупца за собой!
Мир открылся очам мятежным,
Снежный ветер пел надо мной!
О, как хотелось юной грудью
Широко вздохнуть и выйти в мир!
Совершить в пустом безлюдьи
Мой веселый весенний пир!
Здесь никто понять не смеет,
Что весна плывет в вышине!
Здесь никто любить не умеет,
Здесь живут в печальном сне!
Здравствуй, мир! Ты вновь со мною!
Твоя душа близка мне давно!
Иду дышать твоей весною
В твоё золотое окно!

Прыгает в окно. Дать, видимая в окне, оказывается нарисованной на бумаге. Бумага лопнула. Арлекин полетел вверх ногами в пустоту. В бумажном разрыве видно одно светлеющее небо. Ночь истекает, копошится утро. На фоне занимающейся зари стоит, чуть колеблемая дорассветным ветром, — Смерть, в длинных белых пеленах, с матовым женственным лицом и с косой на плече. Лезвие серебрится, как опрокинутый месяц, умирающий утром.

Все бросились в ужасе в разные стороны. Рыцарь споткнулся на деревянный меч. Дамы разроняли цветы по всей сцене. Маски, неподвижно прижавшиеся, как бы распятые у стен, кажутся куклами из этнографического музея. Любовницы спрятали лица в плащи любовников. Профиль голубой маски тонко вырезывается на утреннем небе. У ног ее испуганная, коленопреклоненная розовая маска прижалась к его руке губами.

Как из земли выросший Пьеро медленно идет через всю сцену, простирая руки к Смерти. По мере его приближения черты Ее начинают оживать. Румянец заиграл на матовости щек. Серебряная коса теряется в стелющемся утреннем тумане. На фоне зари, в нише окна, стоит с тихой улыбкой на спокойном лице красивая девушка — Коломбина.

В ту минуту, как Пьеро подходит и хочет коснуться ее руки своей рукой, — между ним и Коломбиной просовывается торжествующая голова Автора.

А в т о р

Почтеннейшая публика! Дело мое не проиграно! Права мои восстановлены! Вы видите, что преграды рухнули! Этот господин провалился в окошко! Вам остается быть свидетелями счастливого свиданья двух влюбленных после долгой разлуки! Если они потратили много сил на преодоление препятствий, — то теперь зато они соединяются навек!

Автор хочет соединить руки Коломбины и Пьеро. Но внезапно все декорации взвиваются и улетают вверх. Маски разбегаются. Автор оказывается склоненным над одним только Пьеро, который беспомощно лежит на пустой сцене в белом балахоне своем с красными пуговицами.

Заметив свое положение, Автор убегает стремительно.

Пьеро (приподнимается и говорит жалобно и мечтательно)

Куда ты завел? Как угадать?
Ты предал меня коварной судьбе.
Бедняжка Пьеро, довольно лежать,
Пойди, поищи невесту себе.

(Помолчав.)

Ах, как светла — та, что ушла
(Звенящий товарищ ее увел).

Упала она (из картона была).
А я над ней смеяться пришел.

Она лежала ничком и бела.
Ах, наша пляска была весела!
А встать она уж никак не могла.
Она картонной невестой была.

И вот, стою я, бледен лицом,
Но вам надо мной смеяться грешно.
Что делать! Она упала ничком...
Мне очень грустно. А вам смешно?

Пьеро задумчиво вынул из кармана дудочку и заиграл песню о своем
бледном лице, о тяжелой жизни и о невесте своей Коломбине.

1906

КОРОЛЬ НА ПЛОЩАДИ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Король — на террасе дворца.

Зодчий — старик в широких и темных одеждах. Чертами лица и сединами напоминает Короля.

Дочь Зодчего — высокая красавица в черных шелках.

Поэт — юноша, руководимый на путях своих Зодчим, влюбленный в его Дочь.

Шут — прихлебатель сцены и представитель здравого смысла. Иногда он прикрывает свое расшитое золотом брюхо священнической рясой.

Влюбленные, Заговорщики, Придворный, Продавщица роз, Рабочие, Франты, Нищие, Лица и Голоса в толпе.

Слухи — маленькие, красные, шныряют в городской пыли.

ПРОЛОГ

Городская площадь. Задний план занят белым фасадом дворца с высокой и широкой террасой; на массивном троне — гигантский Король. Корона покрывает зеленые, древние кудри, струящиеся над спокойным лицом, изборожденным глубокими морщинами. Тонкие руки лежат на ручках трона. Вся поза — величавая. В самом низу — у рампы — под высоким парапетом набережной — скамья; к ней с двух сторон спускаются лестницы. Скамья на берегу моря, которое узкой полосой подходит издали, слева огибая мыс с площадью и дворцом, и сливается с оркестром и театром, так что сцена представляет из себя только остров — случайный приют для действующих лиц. Солнце не взошло еще. Почти в полном мраке Шут, в качестве Пролога, подплывает с моря, привязывает свою лодку у берега, вынимает из нее удочку и узелок и садится на скамью.

Ш у т

Еще и солнцу лень светиться,
А я — на берегу
Светила могут не трудиться,
А я вот — не могу.

Но я без них нашел дорогу
И вот, приплыл сюда,
Чтоб здоровьем своей немного
Смягчить вас, господа.

Вот здесь — дворец на темном фоне,
И на террасе — трон.
Король, как видите, в короне,
И стар и удручен.

Перед дворцом гуляет всякий,
Кто хочет отдохнуть.
Лишь демократу и собаке
Здесь не показан путь.

Здесь — чистой публике дорога,
Здесь для нее — скамья.
И только на правах Пролога
На ней присел и я.

Передо мной — в оркестре — море,
Волна его темна,
Но если солнце встанет вскоре,
Увижу всё до дна.

Мой долг был — только вас понудить
Взглянуть на этот вид.
А рыбу в мутных водах удить
Мне здравый смысл велит.

Шут садится верхом на рампу и закидывает удочку в оркестр. Во время действия его большую частью не видно за боковой занавесью — он появляется только в отдельных сценах.

ПЕРВОЕ ДЕЙСТВИЕ

УТРО

Ночь борется с утром. Над берегом чуть видны в сумерках двое неизвестных. Первый — в черном — прислонился к белому камню дворца. Другой сидит на берегу. Третьего не видно: он где-то близко, и слышен только его голос — прерывистый и зловещий.

Первый

Вот и день забелел.

Второй

Тяжко, когда просыпается день.

Голос Третьего

Отчаянья не предавайте. Смерти не предавайте.

Первый

Мне нечего предавать, товарищ, я больше ни во что не верю. Но я боюсь за других.

Второй и голос Третьего (вместе)

За нас не бойся.

Первый

За вас я не боюсь. Город страшит меня. Все жители сошли с ума. Они строят свое счастье на какой-то сумасшедшей мечте. Они ждут чего-то от кораблей, которые придут сегодня.

Второй *(хватаясь за голову)*

Боже мой, боже мой! Корабли с моря! Да ведь это безумие! — Если они верят в это, значит уж больше не во что верить! — Страшное время!

Первый

Смешно говорить: страшное время. Если дать себе волю — всякий сойдет с ума. Найдем в себе силу дожить этот день до конца, чтобы потом — умереть.

Второй

Какое счастье — умереть.

Голос Третьего

Он говорит о счастье. Пойдем одни — жечь и разрушать.

Первый

Пусть говорит. Это ничего. Его отчаянье также безмерно.

Молчат.

Второй

Ни крова, ни семьи. Негде приклонить голову. Страшно.

Первый

Чего бояться тому, кому ничего не жаль?

Второй

Утренних сумерек. Смертной тоски.

Голос Третьего

Жечь. Жечь.

Второй

Страшно. Жалко.

Голос Третьего

Умирай, если жалко.

Молчат. Медленно светает.

Второй

Скажи мне, товарищ, ведь и ты когда-то верил в добродетель?

Первый

Вот тебе моя рука. И я искал благополучия. И я любил уюты, где пахнет духами, где женщина ставит на стол хлеб и цветы.

Второй

Ты любил детей?

Первый

Оставим это. Я любил детей. Но больше не жаль и детей.

Второй

Скажи мне последнее: веришь ли ты, что разрушение освободительно?

Первый

Не верю.

Второй

Спасибо. И я не верю.

Молчат.

Первый (*смотрит на Короля*)

Вот он дремлет над нами. Красота его древних кудрей правит миром. Ибо могут ли править миром такие дряхлые руки?

Второй

И ты боишься чего-то. Мы сильны только твоей силой. Но если и ты только призрак, — то мы растаем в этом бродячем утреннем свете. Люди не пойдут за нами. Люди боятся обмана.

Первый

Все пойдут за нами. Настанет час — и все пойдут за нами.

Второй

У них — семьи, дома.

Первый

Их семьи растленны. Дома пошатнулись.

Второй

В них нет места огню.

Первый

Всё равно — всё сгорит. Тяжелое и легкое, сухое и сырое. От сырого больше дыму.

Второй

И старик сгорит?

Первый

В нем нечему гореть. Всё окаменело.

Второй

Так он останется цел!

Голос Третьего

Развеем по ветру. Бросим в море.

Второй

И никто не вспомнит о нем?

Первый

Вспомнит тот, кто любит.

Молчат. День разгорается.

Первый

Во всем городе я знаю двух живых. Все боятся старого Зодчего.

Второй

И ты боишься?

Первый

Нет, он не помешает нам. Толпа слишком мелка для того, чтобы слушаться воли титана.

Второй

Кто же другой?

Первый

Другой? — Его Дочь.

Второй

Смешно! Ты боишься женщины! Твой голос дрогнул!

Первый

Не смейтесь. Я не боюсь ни здравости, ни воли, ни труда, ни грубой мужской силы. Я боюсь безумной фантазии, нелепости — того, что звали когда-то высокой мечтой.

Второй

Ты боишься религии, поэзии? Мир давно перешагнул через них. Мир забыл о пророках и поэтах.

Первый

Так было. Но в смертный час всем вспоминается прекрасное, что было забыто. — Она заразит их своей безумной красотой. Незримо и таинственно — теперь она правит городом. Она хочет вдохнуть новую жизнь в Короля.

Второй

Разве это возможно? — Разве это остановит разрушение?

Первый

Да. Они припадут к стопам ее. Они сделают ее королевой. Они станут поклоняться ей в храмах.

Второй

Старые мечты не возрождаются.

Первый

Но к безумствам все готовы вернуться. Они способны венчать свое безумие, когда утрачены все надежды и все добродетели.

Второй

Ты бредишь. Ты сошел с ума.

Первый

Пусть так. Без меня вы бессильны. Верьте мне, в ней творческий хмель ее отца и гнев последних поколений!

Второй

Что же нам делать?

Первый

Переждать этот день. Сегодня вечером она будет говорить с народом и Королем.

Второй

Еще целый день! Пустой и светлый! Лучше умереть!

Первый

Клянусь вам: мы все умрем к ночи!

Голос Третьего (как эхо)

Умрем.

Совсем рассвело. Город просыпается — всё слышнее музыка утренних шумов. Издали, со стороны моря, ветер доносит стук топоров.

Второй

Слышишь? Они еще не потеряли надежды. Топорики стучат.

Первый

Стучат и строят. Будут строить до последней минуты.

Второй

Они украшают мол. Воздвигают какие-то сооружения для встречи кораблей.

Первый

Пусть надеются. Мы погибнем одни, если придут корабли, или осуществится ее высокая мечта.

Голос Третьего

Корабли не придут. Их уничтожит буря. Горячий ветер разносит смерть.

Они расходятся. Третий вынырнул из-за камня. Сухими чертами лица и костлявым телом он больше всех похож на птицу. На площади перед дворцом начинается гулянье. Проходят взад и вперед несколько Франтов. Идут двое запоздалых Рабочих.

Первый рабочий

Работа началась. Иди скорей.

Второй рабочий

Вчера один из них приходил говорить с нами. Он запрещает строить. Говорит, что буря разнесет всё.

Торопливо проходят. Ветер гонит струйки пыли. Бледная женщина продает розы. Невдалеке от нее останавливаются Юноша и Девушка.

Девушка

Взоры свои к небесам подними.
Солнечный день утолит твою грусть.

Юноша

Вечно плывут и плывут облака,
Белые башни роняют в моря.

Девушка

Грустно тебе — посмотри мне в глаза.
Радость свиданья с тобою прочти.

Юноша

Вижу, твои посинели глаза.
К ночи влечет тебя юность твоя.

Девушка

К веселью! К веселью! Моря запевают!
Я слышу, далеко идут корабли!

Юноша

Я слышу, как ропщут далекие волны,
Я вижу, как ветер погнал облака.

Девушка

Лучи маяков проникают туманы,
Над молом поставят на стражу огни.

Юноша

Смотри — буревестники рыщут над пеной,
На гребне волны их качает судьба.

Девушка

Над бурей взлетит золотая ракета
Навстречу веселым моим кораблям!

Юноша

Я вещей душой проникаю в напевы,
Сулящие нам неизбежную ночь.

Девушка

Душистые розы у девушки бледной —
Невинный залог безмятежного дня.

Подходит к Продавщице роз.

Девушка

Отчего ты бледна? Отчего ты шатаешься?

Продавщица роз

Я умираю от горячего солнца, от пыли, от усталости, от голода.

Девушка

Ты умираешь?

Продавщица роз

Я задушу тебя цветами, если ты не дашь мне хлеба.

Девушка (даёт деньги)

Дай мне розы. Уходи скорее.

Продавщица роз уходит.

Голодная! — Утро погибло.

Наверху встречаются два Франта.

Первый

Скажите, отчего, в самом деле, так ждут этих кораблей?

Второй

Право, я сам не знаю. Да не всё ли равно?

Первый

Я рад встретиться со здоровым человеком. Все так возбуждены, только и говорят, что о кораблях. И знаете, сам начинаешь верить.

Второй

Да, что ни говорите, влияния толпы отрицать нельзя. Это заразительно.

Первый

Чем нелепей, тем заразительней.

Второй

Пора бы рассеять все эти толки энергичными мерами. Правительство...

Проходят.

Девушка

Как жалки отрывки сытых речей!
Как страшны цветы у нищих в руках!
Я больше не верю моим кораблям!

Юноша

Больше не думай о них.
Смотри на цветы.

Девушка

Мне душно от белых цветов!

Юноша

Забудем цветы. Смотри мне в глаза,
Тяжелые розы сжигают тебя.

Девушка

Я брошу их в море. Забудем о них.

Они спускаются к морю.

Девушка

Забудем о страшном,
Запомним, что любим.
Плывите, плывите, плывите, цветы.

Она бросает розы в воду. Юноша грустным взором следит за легкими движениями возлюбленной.

ВТОРОЕ ДЕЙСТВИЕ

СРЕДИНА ДНЯ

Та же декорация — только краски потускнели и линии сожжены зноем. Море неподвижно. Горизонт в парах. На площади немного гуляющих. Иногда проходят стороной Рабочие и оборванцы. Топоры слабо, но непрерывно стучат вдали.

Первый рабочий

С часу на час дожидаются кораблей.

Второй рабочий

Спросить бы, чего ждут от них. Торопят строить, заставляют петь песни, чтобы веселее работали.

Первый рабочий

Строят, строят, а всё еще не достроили.

Проходят. Издали доносится заунывная песня рабочих. Идут два Франта.

Первый

Кто-то сказал, что корабли уже видны с мола.

Второй

Ложный слух! Это рыбацьи суда огибали мыс.

Первый

Ах, да не всё ли равно! Дались им эти корабли. Кто придумал всю эту глупость, хотел бы я знать?

Проходят. Шут бредет с удочкой в руках.

Шут

Скверная погода. Даже рыба не клюет. Никто не хочет идти на удочку здравого смысла. Все сошли с ума. Вот наконец идут самые сумасшедшие, — авось клюнет.

Уходит за зачавес. На скамью садятся Зодчий и Поэт.

Поэт

Больше никто не спит ночей. На всех лицах тревога, все ждут чего-то. Научи меня бороться с тоской.

Зодчий

Ты сам не знаешь, о чем твоя тревога.

Поэт

Если бы знать! Голодный добывает хлеб трудом. Оскорбленный мстит. Любовник говорит женщине: будь моею. Но я сыт, и никто не оскорбляет меня. В женщинах я люблю только тонкие волосы, струнные голоса и мечту о невозможном. Мне нечего достигать — я обречен на тоску.

Песня рабочих едва слышна.

Зодчий

Знай, что тревога напрасна. Не думай о невозможном. Пока этот берег омывает море, пока городом правит король — ничто не изменится, кроме твоих блуждающих мыслей.

Поэт

Сознание мешает мне жить. Я знаю, что жизнь города так же призрачна, как моя. Море кажется мне стеклянным, люди — куклами.

Зодчий

Ты болен.

Поэт

Мне часто кажется, что и король...

Зодчий (прерывая)

Ты болен. Живи проще. Ты — поэт — бессмысленное певучее существо, — и, однако, тебе суждено выражать мысли других; они только не умеют высказать всего, что говоришь ты. Горе тебе, если ты подсказешь людям их тайные, сумасшедшие мысли.

Отдаленный грохот и крики, как будто что-то тяжелое упало в воду. Через площадь бегут Рабочие.

Рабочий

Леса сорвались! Десять человек упали в море!

Другой рабочий

А семья без хлеба!

Третий рабочий

Скажи его жене, чтобы бежала к морю; может быть, еще можно спасти.

Поэт

Сегодня, я чувствую, готовится что-то неслыханное.
Слишком горяч воздух. Слишком пуста душа.

Зодчий

Ты думаешь, что перевернется мир? Может быть,
и ты ждешь кораблей?

Поэт (*восторженно*)

Корабли придут!

Зодчий

Безумный! Ты бичуешь их семьи, ты бичуешь их
пошлость! Но все они лучше тебя. Ты изломан, ты не
можешь дышать ни морем, ни пылью. Они умеют по
крайней мере дышать желтой зловонной пылью — пре-
клоняй же перед ними колени!

Поэт

Ты убиваешь меня.

Зодчий

Несчастный! Может быть, слишком много нищих
наползло сегодня из дальних кварталов, и они растрево-
жили гнусавыми голосами нервы белоручек; может
быть, много детей умерло, и матери плачут слишком
громко; может быть, просто горячий ветер разнес по
городу слухи и сплетни. Вот — вся твоя тоска.

Поэт

Оставь, ты убиваешь во мне последнее...

Зодчий

Вот твой конец мира! Где-то грызутся собаки, или
женщины сплетничают и визжат! Ты мечтаешь о послед-
нем дне! Рядом с тобой будут трудиться, голодать,
умирать, — а ты только к вечеру очнешься от бреда.

Стук топоров возобновляется.

Поэт

Слова твои стучат, как топоры, в самое сердце.

Зодчий

Я не отнимаю у тебя надежды. Но подумай о том, что я сказал. Слушай, слушай, как стучат топоры — пусть бьют тебя сильнее. Иначе сердце твое заглухнет и опустеет. Я отвернусь от тебя. Я верю только тем, кто различает добро и зло. Прощай.

Уходит. Порыв ветра взметает его широкую одежду. Облако желтой пыли застилает площадь, дворец и Короля. Видно, как из клубов пыли выскакивают маленькие красные Слухи. Они прыгают и рассыпаются во все стороны. Кажется, что ветер свистит, когда они заливаются смехом. Сию же минуту в толпе гуляющих раздаются тревожные голоса.

Голоса в толпе

Король болен! При смерти!
Заговорщики хотят сжечь дворец!
Король взят под стражу!
Нас обманули! Разве это — Король?

Пыль рассеялась. По-прежнему виден дворец и спокойная фигура старого Короля. Толпа затихает. Гулянье продолжается. Вместе с тем в воздухе проносятся освежительные струи, как будто жар спал. Плавню и медленно выступает из толпы Дочь Зодчего — высокая красавица в черных тугих шелках. Она останавливается на краю, прямо над скамьей, где сидит убитый тоскою Поэт, — и смотрит на него сверху.

Дочь Зодчего

Слышишь ты меня?

Поэт (*смотрит вверх*)

Слышу музыку. Море повеяло солью.

Ветер остановился, и стук топоров затих. Некоторое время слышна отдаленная музыка моря, которую прерывает ворчание Шута.

Шут

Начинается. Только что клюнула большая рыба. Влюбленные глупцы спугнут всю мою рыбу.

Молчание. В то время как Дочь Зодчего медленно сходит вниз, сцена завлакивается туманом, который оставляет видимым только островок скамьи, где находятся Дочь Зодчего и Поэт.

Дочь Зодчего

Когда опускается пыль,
И прячутся красные Слухи
В полдневные норы свои,

Рождается музыка в море,
Под ветром свежее душа.

Поэт

Прозрачный нисходит туман.
И белой влюбленностью тает,
Но древнее море не может
Напевом своим заглушить
Пронзительный голос Шута.

Дочь Зодчего

Ты говоришь как во сне,
Певучую душу твою узнаю.
И темные речи люблю.

Поэт

Я смутное только могу говорить.
Сказанья души — несказанны.

Вдыхает море, влача туман.

Поэт

Парус белый тает вдали.

Дочь Зодчего

Моим виденьем полон ты.

Поэт

Вижу вдали корабли, корабли...

Дочь Зодчего

Кладу заветы — будь верен ты.

Поэт

Я вижу берег новой земли...

Дочь Зодчего

Снимаю чары. Свободен ты.

Как будто подул ветер и подвинулся туман — уже нет больше молочной белизны. Откуда-то проникло солнце. Но всё еще видна только скамья.

Поэт

Брызги пены морской ослепили меня.
Над морем движешься ты,
И тень кораблей за тобою встает.

Дочь Зодчего

Ты всех верней мне детской душой.
Ты будешь петь, когда я с тобой,
Когда я погибну — ты будешь петь.

Поэт

Будь со мной! Мои крылья растут!
Я слаб, когда бушует толпа,
Я слаб, когда говорит твой отец,
Сердце открыто только тебе —
Темным напевам душа предана.

Молчанье снова прерывается ворчливым голосом Шута.

Шут

Право, всё это слишком известно. Что бы она ни сказала, — всё ему понравится, потому что он влюбленный дурак. А старую гримзу, отца ее, он, конечно, не станет слушать.

Шут вылезает из-за занавеса. Его мерзкий профиль с удочкой на мгновение закрывает влюбленных от театра. Потом он поднимается по лестнице вверх и пропадает в тумане.

Поэт

В серебристые ризы тумана оделась тоска.

Дочь Зодчего

Сердце тумана пронзили дневные лучи.

Поэт

Голос тоски прозвенел.

Дочь Зодчего

Это волны хрипели у берега.

Поэт

Как звóнок пронзительный голос тоски.

Дочь Зодчего

Солнце пронзит ее ризу и сердце —
ты будешь свободен.

Поэт

Солнце закатится скоро.

Дочь Зодчего
На закате ты будешь свободен.

Поэт
Сказки твои о свободе пленяют меня.

Дочь Зодчего
Сказка — вся жизнь для тебя.
Слушай же сонной душой
Сказку о жизни вечерней,
Ты, очарованный мной.

Поэт
Да, говори, королевна,
Так, чтобы яркие сны предо мною текли,
Яркие сны небывалой страны.

Дочь Зодчего
Знаю великую книгу о светлой стране,
Где прекрасная дева взошла
На смертное ложе царя
И юность вдохнула в дряхлое сердце!
Там — над цветущей страной
Правит высокий Король!
Юность вернулась к нему!

Во время предыдущей сцены море поет всё громче. При последних словах туман совсем рассеивается и начинает носиться пыль, в которой шмыгают красные Слухи. Сквозь возрастающий гул толпы, собирающейся у дворца, снова явственно доносится стук топоров.

Дочь Зодчего
Жизнь уходила на миг,
Снова вернулась она!
Слышишь, как строят одни?
Слышишь, как ропщут другие?
Видишь, как Слухи смущают толпу!

Поэт
Чужды виденья, и чужды слова.
Сказкой твоею дышу —
Не уходи от меня.

Дочь Зодчего

Нет, не могу оставаться с тобой!
Сказку мою я должна воплотить.
Жди меня к вечеру здесь,
Будь верен душой Королю.
К вечеру будешь свободен.

Она поднимается наверх и смешивается с толпой, которая всё время глухо ропщет в клубах пыли. Поэт, задумчивый, остается внизу.

Голоса в толпе

Ты слышал, ночью пришли корабли!
Король кивал сегодня головой..
Король отдал приказ! Корабли ушли обратно!
Смотрите наверх: Короля уже нет!
Король здесь! Ничего не видно в пыли!

Голоса прерываются странными звуками — точно кто-то всхлипывает. Сквозь пыль можно разглядеть Шута, который прильнул брюхом к парасету набережной, над самой скамьей, и обоими кулаками зажимает рот, чтобы сдержать хохот.

Шут (кричит сквозь гул)

Ваша милость! Чем могу быть полезным?

*Поэт (быстро поднимаясь,
смотрит на Шута вверх)*

Я уже видел тебя во сне. Где твоя удочка?

*Шут (покатывается
со смеху)*

Здесь, здесь, вот она, со мной! Я ловец человеков!

Поэт

Помоги мне! Спаси от тоски!

Шут

Пока вы объяснялись, тут приготовился целый политический переворот!

Поэт

Корабли близко?

Шут

Какие корабли? Вы рехнулись? Примкните к партии!
Нельзя валандаться без дела!

Поэт

Что делать? Говори.

Шут

Выбирайте скорей. Я привел двух на выбор.

Из-за спины Шута высовываются с обеих сторон двое похожих на птиц: один в черном, другой в золотом. Они сбегают к Поэту.

Черный

Пора! Иди за нами! Пой нам песни! Город стосковался без песен!

Поэт

Кто ты?

Черный

Не теряй времени! Пой о свободе! Толпа возбуждена — она пойдет за тобой!

Поэт

Ты против Короля?

Черный

Смерть ему!

Поэт

Оставь меня. Она не позволит тебе коснуться святыни.

Черный убегает с проклятиями.

Шут (*кричит*)

Говори с другим!

Толпа гудит. Золотой кланяется Поэту.

Золотой

Я счастлив говорить с вами. Нельзя терять ни минуты. Толпа в ваших руках.

Поэт

Кто ты, золотая птица?

Золотой

Верный слуга Короля. Придворный. Ваш поклонник.

Поэт

Чем я могу?

Золотой

Петь о святыне. Сохранить Короля от буйной черни,
Каждый миг дорог.

Поэт

Я буду петь. Веди.

Быстро всходит наверх. Золотой бежит впереди вприпрыжку. Толпа
гудит.

Шут (*покатываясь со смеху*)

Поймал! Поймал! Хоть один здравомыслящий! Беспартийный! Сторонник правительства!

Шут вмещивается в толпу. Поэт, восходя над толпой, на одну из ступеней террасы, говорит среди затихающей народной бури.

Всё как во сне.

Обращается лицом к толпе. Она безмолвна и готова внимать его песням.

ТРЕТЬЕ ДЕЙСТВИЕ

НОЧЬ

Та же декорация. Вечереет. Свинцовые тучи бегут по небу. Издали доносится усиленный стук топоров. Через сцену, не переставая, идут люди к морю, огибая дворец. Жесты оживленные, глаза блестят, волнение достигло крайней степени. На всех лицах тревога и жадная надежда. Один из толпы останавливается и опирается на перила набережной. К нему присоединяется второй.

Второй

Ты совсем ослабел.

Первый

Да, сумасшедшая тревога сказалась. Сердце не выдержит, если это продлится еще хоть один день. Неужели корабли не придут и сегодня?

Второй

Сегодня они должны быть здесь. Иначе — мы погибли. Народ уверен, что корабли принесут спасение. Если они не придут и сегодня — терпенье лопнет.

Первый

Последние, последние часы! — Смотри, они все идут к молу и будут ждать до ночи. Что, если не дождутся?

Второй

Буря загонит их в дома.

Первый

Буря только раззадорит их. Всю ночь будут жечь и грабить. Тогда — всему конец.

Второй

Кто поселил в нас надежду? — Только приготовления торжественной встречи, обещания вечного счастья.

Первый *(низко склоняется к перилам)*

У меня бывают минуты просветления. Как перед смертью. Куда нас несет? Что нас заставило поверить?

Второй

Только хватание за жизнь. Верить в это — значит хвататься за соломинку.

Первый

Топоры, топоры стучат. Стучат без отдыха. Куда деваться от стука топоров?

Второй

С утра и до вечера стучат. Строят башню, чтобы пустить ракету, когда появится в море первый корабль.

Первый *(плачет)*

Гнутя колени. Я не спал столько ночей! Отдыха! Отдыха!

Второй

Потерпи. Может быть, ждать недолго.

Ответа нет. Первый низко склонился на перила. В эту минуту подходит нищая с ребенком на руках.

Нищая

Помогите ради бога. Мой муж утонул в море. Подайте на хлеб.

Второй, не обращая на нее внимания, пристально вглядывается в лицо Первого. Тот совсем склонился на перила и свесил голову. Люди идут мимо.

Нищая

Добрые люди, помогите ради ребенка.

Молчание.

Нищая

Сегодня всем будет весело. Корабли придут. Только я — без хлеба.

Ребенок начинает плакать. Нищая укачивает его, с удивлением отступая. Второй охватывает руками Первого, склонившегося на перила. Тело падает на колени. На чугунной перекладине лежит мертвая голова.

Второй (*опускаясь над трупом, тихо говорит нищей*)

Он умер. Слышите. Мертвые не подают.

Нищая крестится, пьтится и уходит. Люди идут мимо. Среди них — Шут в священнической рясе и капюшоне. Он с любопытством приближается к трупу, над которым беспомощно склонился Второй.

Шут (*строго*)

Пьяный?

Второй (*серьезно*)

Мертвый.

Шут

Причина смерти?

Второй

Разрыв сердца. Тревожные события этих дней.

Шут (*качая головой*)

Всё обошлось бы благополучно, если б он обратился ко мне.

Второй

Кто же вы такой?

Шут

Врач духовный.

Порыв ветра распахивает рясу и срывает капюшон с головы Шута.

Второй (*сомнительно качает головой*)

Врач духовный не носит красного колпака. Врач духовный не нашивает золотых позументов на красное брюхо...

Щеки Шута вздрагивают от смеха. Он быстро запахивает рясу Тихо вечерет.

Шут (*строго*)

И вы смеетесь? Смеетесь, когда умер ваш друг?

Вокруг них собирается кучка людей из проходящей толпы. Все с любопытством стараются взглянуть поближе.

Второй (*с изумлением смотрит на Шута*)

Я где-то видел твою ханжескую рожу. Не помню где, — я много видел на своем веку: в суде, где ты внушал присяжным смертные приговоры; или в церкви, где ты проповедовал смирение; или... да! здесь, на берегу, ты доказывал людям, что им не надо свободы.

На лицах окружающих просыпается ненависть.

Шут

Братья, скорбные дела творятся здесь. Идите своим путем. Успокойтесь. Именем божьим...

Голоса в толпе

Новая ложь! Не поминай напрасно имени божьего! Истины! Истины! Под рясой скрывается лукавое сердце!

Шут мгновенно распахивает рясу. Он как бы вырастает в красной с золотом одежде. Над толпою качается его дурацкий колпак.

Ш у т

Вам надо истины? Вот истина! Стекайтесь, люди! Смотрите на меня с кровель, приветствуйте меня на улицах, кланяйтесь мне до земли!

Страшное волнение среди прибывающей толпы. Шут потряхивает колпаком, бубенцы звенят.

Голоса в толпе

В такую ночь маски на улицах! — Где мы? Где мы? — Ночь близка!

Ш у т

Вам надо истины? Она пред вами, люди! Смотрите на меня! Я — сама Истина — в красной и золотой наготе! Убирайте трупы с ваших улиц!

Голоса в толпе

Страшно! — Это призрак над мертвецом! Ветер насылает привидения! — Слухи весь день носились в пыли! — Маленькие вертели под ногами, красные кричали в уши, пыльные разносили тревогу! — Слухи овладели толпой! — Это один из них! — Смотрите, как разнесло его к ночи! — Ночь близка! — Это голос народа, это молва! Ветер несет ее по всей земле! Внимайте, внимайте!

Ш у т

Я — голос молвы! Я многолик, но во всей вселенной ношу одно имя! Здравый Смысл — имя мое!

Голоса

Слушайте! Здравый Смысл говорит с нами!

Ш у т

Бедные овцы без пастыря! Пусть успокоится сердце ваше! Я — пастырь добрый! Не медлите над местом, где веет скорбь! Минует эта тревожная ночь! Не медлите — возвращайтесь к вашим оставленным семьям!

Голоса

Верим тебе! Сердца открыты! Говори!

Шут

Буду пасти вас, стада мои, жезлом железным! Если вы не послушаетесь меня, страшная кара падет на вас! Море захлестнет безумцев! Свинцовые тучи погребут под собою смятенный город! Так говорит Здравый Смысл! Он карает возмущенных душой! Мое красное золото весело поет пред вами! Но веселое красное золото принесет вам смерть и пожары, если вы будете испытывать Здравый Смысл!

Голоса

Тише! Успокойтесь! Страшно! Горе безумным! В путь! К морю! К морю! Навстречу кораблям!

Толпа шелестит и расходится: Мертвого уносят. Замирают отдельные восклицания. Шут, завернувшись в рясу, снова держит путь в толпе. Скоро на сцене не останется никого. Отсталые торопливо проходят к молу, где смолкает стук топоров. На площади появляется Зодчий.

Зодчий

Они кончают свое строительство.

Он стоит среди площади и смотрит на Короля. Справа медленно выходит Поэт, направляясь за толпою к морю.

Зодчий

И ты идешь за толпой?

Поэт

Ты отвлека преграждаешь мне путь, хотя наш город поглощает и разделяет всех.

Зодчий

Да, город всех сбивает с пути. Но мне легко находить дорогу, ибо я чужд всем вам. Вы жадно смотрите друг другу в глаза. Я смотрю через ваши головы и ясно вижу мой синий путь.

Поэт

Тебя называют колдуном. Про тебя ходят разные слухи.

Зодчий

Маленькие Слухи погубят вас. Они рождаются в сухой и желтой пыли и проникают вместе с нею в мятежные сердца. Сойдет небесная гроза и прибьет пыль, и вы погибнете вместе с пылью.

Зодчий смотрит на клубящиеся тучи.

Поэт

Я не хочу больше видеть тебя. Я хотел научиться от тебя мудрости, но ты горд и стар. Ты не любишь меня.

Зодчий

Ты не встретил бы меня, если бы я не любил тебя.

Поэт (ломая руки)

Что же мне делать?

Зодчий

Останься здесь. Не ходи за толпою. Не пой для нее мятежных песен. С ночью останься повелеваю тебе. Да будет спасен одинокий, произнесший в такую ночь слова о любви.

Зодчий удаляется. Поэт спускается к морю и садится на скамью. Сумерки быстро сгущаются. Рог ветра трубит, пыль клубится, гроза приближается, толпа глухо ропщет вдали, на моле, откуда видны сигнальные огни. Вверху, над скамьей, вырастает Дочь Зодчего. Ветер играет в ее черных волосах, среди которых светлый лик ее — как день.

Поэт

Слышу, слышу твое приближение.
Ты снова восходишь над пылью,
Как виденье, мгновенна.
В новой пыли ты исчезнешь,
Новый ветер тебя унесет.

Дочь Зодчего

В последний раз схожу я к тебе.
Недобрые вести дошли до меня.
Как черные птицы, в желтой пыли
Замыслов новых носятся клочья.

Поэт

Близится ночь.
Над морем краснеет заря.
Свинцовые тучи несутся.
Спящая юность проснулась во мне!

Дочь Зодчего

Стекло морей разбито ветром!
В твоей душе расплеснулось море!
Слышишь крик зловещих птиц?
Слышишь плеск свинцовых волн?

Ветер рвет ее черные шелка и мечется в ее волосах. Мрак стучается.

Поэт

В час зловещий, в час последний, быть может,
Дай прильнуть устами к руке,
Под черной тучей белеет она!

Дочь Зодчего

В последний раз к руке прикоснись.

Поэт

В эту ночь впервые тебя узнаю.

Дочь Зодчего

В последний раз ты видишь меня.

Поэт

Зачем так ярко вспыхнула юность?
Разве скоро жизнь догорит?
Разве юность прошла, королевна?

Дочь Зодчего

Я над жизнью твоей властна.
Кто со мною — будет свободен.
Королевой меня не зови,
Я — дочь безумной толпы!

Поэт

Так же свистел осенний ветер,
Так же летела тучами пыль,
Когда я увидел впервые
Твой легкий, твой странный образ!

Дочь Зодчего

Я искала в тебе героя.
Я грядущему в очи смотрю.

Поэт

Ты сходила ко мне из высоких покоев.
Ты смотрела, как смотришь теперь, на зарю!

Дочь Зодчего

Прошедшего нет.

Бледная молния.

Поэт

Но ветер играл в очертаниях сонных,
И я пред тобою — был светлый поэт,
Овеянный ветром твоим.
И в глазах твоих склоненных
Я прочел, что тобою любим.

Дочь Зодчего

Забудь о прошедшем. Прошедшего нет.

Поэт

Но ты рукою коснулась меня!
Я к этой руке устами приник!
И в темных твоих волосах
Королевский вспыхнул венец!

Дочь Зодчего

Я никогда не была королевной!
И как мне пышность узнать?
Я — нищая дочь толпы.

Поэт

В последний раз — в одичалом мраке —
Я вижу — горит королевский венец
В темных твоих волосах!
Или молнии свет скользнул?
Как озарилось твое лицо!

В бледном свете молнии кажется, что ее черные шелка светятся.
В темных волосах зажглась корона. Она внезапно обнимает его...
Из дальних кварталов, с дальних площадей и улиц несется воз-

растающий вой прибывающей толпы. Кажется, сама грозовая ночь захлебнулась этим воем, этим свистом бури, всхлипыванием волн, бьющих в берег, в дрожащем, матовом, пресыщенном грозой блеске.

Дочь Зодчего (внезапно выпрямляясь, отпалкивает его от себя)

Видишь, море швыряется в берег?
Видишь, зажглись лампы молний?
Братья ждут меня! Прощай!

Он остается один, в непроглядном мраке, между прибоем моря и хлынувшей над ним на площадь толпы.

Она поднимается по ступеням и вступает на площадь. Дикий вой.

Человек с факелом (несется в толпе и кричит на бегу, как бы подхваченный ветром)

С мола дали знак! Кто-то видел корабль с башни!

Появляются новые факелы, распространяя дымный красноватый свет. Высокая фигура в черном на одной из ступеней террасы.

Человек в черном

Вы собрались здесь все. Ночь наступает. Истекли последние сроки, которые вам назначены для прихода этих несчастных кораблей.

Рев и визг в толпе.

И вот — кораблей нет! Берегитесь, голодные! Берегитесь, страдалцы! Вас будут обманывать еще! Вам сулят невозможное счастье! В твоих руках, оскорбленный народ, месть тому, кто равнодушно смотрит на твою гибель, вон там, над моей головой!

Поднимает руку, указывая на Короля. Толпа разрывает воздух воплем. В эту минуту рядом с черной фигурой появляется Дочь Зодчего. Она стоит молча и неподвижно смотрит на толпу.

Голоса в толпе

Колдунья! Зачем она пришла?

Вдруг прорывается женский вопль:

Святая!

Другие голоса (подхватывая, раскатываются по площади)

В тебе защита! Исцели наши раны!
Освободи! Помоги! Дай нам новую жизнь!

Черная фигура заговорщика исчезает. Дочь Зодчего медленно поднимается по ступеням на террасу. Толпа затихает.

Чей-то голос (слишком обыденный, чтобы ясно слышать его, говорит)

В истории известны примеры, когда женщины...
И я не удивлюсь...

Где-то в толпе мелькает красный колпак. Шута, и слышен сдержанный хохот его, покрываемый шипеньем. Дочь Зодчего появляется на террасе и останавливается в нескольких шагах от Короля. Толпа совершенно безмолвна. Над городом, как бы умершим от восторга ожидания, возвышаются только двое: Она и Король.

Она (прерывает молчание низким и грудным голосом, который медленно несется сверху, как вздох благовеста)

Король! Грядущее в руках моих. Твой народ передал мне твою власть над собою.

Молчание.

Король! Во мне довольно силы, чтобы сейчас сразить тебя. Никто не заплачет над твоим старым прахом, если исполнится моя воля.

Молчание. Голос становится ярче и тревожнее, как в последний раз вспыхнувший костер.

Король! Я не хочу убивать тебя. Если ты угаснешь, угаснет и вон та узкая полоса зари. Я могу больше, чем угащать свет. Я возвращу тебе прежнюю силу и отдам тебе прежнюю власть. Вот — я отдаю тебе мое нетронутое тело, Король! Бери его, чтобы от юности моей вспыхнула юность в твоём древнем разуме.

Молчание не нарушается ни одним звуком. Бледнеет красная полоска зари. Дочь Зодчего двинулась вперед. На расстоянии одного шага от Короля она опускается на колени и прикасается устами к королевской мантии, складками лежащей на полу.

Она поднимается с бледным лицом и глухо говорит сверху.

Не прикасайтесь. Дайте ему дремать и смотреть на звезды. Я узнала в нем печать Отца.

И покорным движением, спокойная, садится у ног его, обняв гигантские колени. Она кажется теперь ребенком у ног царственного Отца.

Толпа всё ещё очарована.

Носятся удивленные шепоты.

Женщины тихо плачут.

Шут пробирается сквозь толпу к морю — с удочкой и узелком. Красный колпак его дрожит от ветра.

Шут (бормочет)

Я говорил, что море слишком мутно сегодня. Я уже никому не нужен здесь. Кто послушается здравого смысла, когда все потеряли голову. Подождите, вы еще хватитесь меня, да только поздно. А пока здравому смыслу остается одно средство — эмиграция...

Спускается к морю и уходит во мрак — искать свою лодку. Плачет ребенок. Испуганно баюкает его нищая мать, но плач не смолкает. Тогда нищая пронзительно вопит, поднимая ребенка над толпой.

Нищая

Ребенок умирает!

Голос нищего (присоединяется)

Помогите! Умираю...

Многие голоса

Хлеба! Нас обманули! Долой Короля! Долой дворец!

Тот же обиденный голос

Фантазиями людей не накормишь. Пора самим дело делать, когда власти бездействуют.

Смятение. На сцену, со стороны моря, бегут люди, впереди стремительно бежит Золотой.

Золотой (кричит)

Корабли пришли! Счастье! Счастье!

Вдали взвизывает ракета, за ней другая, — ракеты летят всё чаще.

Голоса в толпе

Поздно! Поздно!

На ступени террасы выскакивает Черный — костлявый, как птица.

Черный

Здравый смысл покинул вас! Смотрите, вы без пищи и без крова, вы во власти Слухов, среди вас мечутся

золотые и красные черти! Жгите, разрушайте всё, вы не можете ручаться за завтрашний день!

Из мрака снизу появляется Поэт. Его восторженное лицо горит над площадью. На один миг он останавливается среди толпы.

Поэт

Счастье с нами! Корабли пришли! Свободен!

Он начинает свое последнее восхождение по ступеням террасы. С каждым шагом его растет ярость толпы. С каждым шагом Дочь Зодчего сверху приветствует его взорами.

Поэт (восходя)

Роза небесная! Иду к тебе!

Дочь Зодчего (у ног Короля)

Ты идешь к Отцу.

Поэт (выше)

Смотри, осыпаются дождем ракеты — лепестки небесных роз!

Дочь Зодчего

Ты свободен.

Поэт (еще выше)

Твое лицо озарено!

Дочь Зодчего

Ближе! Ближе!

Поэт (на последней ступени)

Здравствуй, небо!

Дочь Зодчего

Выше! Выше! Минуй меня, ты идешь к Отцу!

В тот же миг разъяренная толпа хлынула на ступени за Поэтом. Снизу расшатываются колонны. Вой и крики. Терраса рушится, увлекая за собою Короля, Поэта, Дочь Зодчего, часть народа. Ясно видно, как в красном свете факелов люди рыщут вниз, разыскивая трупы; поднимают каменный осколок мантии, каменный обломок торса, каменную руку. Слышатся крики ужаса: «Статуя! — Каменный истукан! — Где Король?»

Зодчий

*(появляется над грудой обломков и неподвижно
ждет, пока смолкнет толпа)*

Я послал вам сына моего возлюбленного, и вы убили его. Я послал вам другого утешителя — дочь мою. И вы не пощадили ее. Я создал вам власть, я обтесал твердый мрамор — и каждый день вы любовались красотой этих древних кудрей, вышедших из-под моего резца. Вы разбили мое создание, и вот остается дом ваш пустым. Но завтра мир будет по-прежнему зелен, и море будет так же спокойно.

Отдельные померкшие голоса

Кто же накормит нас? Кто вернет нам мужей и детей?
Кто утишит нашу боль?

Зодчий

Вас накормит Тот, Кто движет светилами, Тот, Кто поит черную землю дождями, Тот, Кто собирает тучи над морем. Вас накормит Отец.

Он медленно спускается с обломка дворца и пропадает во мраке. За картиной разрушения нет больше ни одного огня. Над мысом господствует бледный мрак. Ропот толпы усиливается и сливается с ропотом моря.

О ЛЮБВИ, ПОЭЗИИ И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЕ

Диалог

УЧАСТНИКИ ДИАЛОГА

Влюбленный поэт.

Шут — здравомыслящий человек неизвестного
звания.

Придворный.

Несколько нищих.

Место действия городская площадь на берегу моря. Над водою сидит с удочкой Шут. К нему подходит Поэт в задумчивости.

Поэт. Не раз замечал я, что вы удите рыбу в здешних водах. По всей видимости, вы — бедный рыбак?

Шут. На ваш гамлетовский вопрос я могу ответить: да, господин. Особенно удачна ловля в такие дни, как сегодня: море мутно, пыль столбом; добыча слепнет и прямо бросается на удочку.

Поэт. И что же, хороший бывает улов?

Шут. Как когда. Вот недавно мне удалось поймать огромную рыбу. Я уверен, что она останется довольна мной.

Поэт. Рыба довольна вами?

Шут. Тут нет ровно ничего удивительного. Я долго учил ее здравому смыслу и политической экономии. А иногда вся рыба какая-то бешеная: так заносчива, что ни за что не пойдет на мою удочку.

Поэт. Не понимаю ваших слов. Вы говорите о рыбах, точно о людях.

Шут. О, да, господин. Такому шутнику и добряку, как я, свойственен некоторый аллегоризм: по заветам Писания, я уловляю чело­ве­ков.

Поэт. Право, с вами весело разговаривать. Что же вы делаете с вашими рыбами?

Шут. Я выпускаю их на свободу дрессированными: они больше никогда не тоскуют, не ропщут, не тревожатся по пустякам, довольны настоящим и способны к труду.

Поэт. Слова ваши дышат горячим убеждением. О, если бы и мне узнать вашу науку. Но боюсь, что вы

увлекаетесь: море обширно, а всех рыб всё равно не переучить.

Шут. О, нет, я твердо надеюсь на них. Наука моя — заразительная, веселая наука.

Поэт (*в сторону*). Однако, он читал Ницше!

Шут. Одна рыба научит другую. А я сам поспею, где угодно, на моей легкой лодочке здравого смысла.

Поэт. Ваша жизнерадостность заставляет меня задумываться...

Шут (*восторженно*). О, да, я оптимист. Смело, положив руку на сердце, скажу вам и еще: я идеалист. Я патриот. Я участвую в культурном строительстве. Всякий, кто последует за мной, будет пользоваться равенством, довольством и здоровьем, ибо на знамени моем начертано: здравый смысл. Я и прогресс — одно.

Поэт. Не поделитесь ли со мною вашим опытом?

Шут. С радостью, господин. Охотно бросаю удочку, чтобы поговорить с вами.

Поэт. Но кто же вы такой? Чтобы довериться вам, я должен узнать вас ближе.

Шут. Умалчивая по скромности, что я — самый нужный человек в городе, могу отрекомендоваться аллегорически: я — благоразумнейший из участников нашего диалога, и потому — чувствую свою ответственность перед читателем. Если вы будете удлинять беседу праздными раздумьями, — гнев читателей падет на меня: вы — первый любовник, который всегда выходит сух из воды, а я — простой прихлебатель и дорожу своим временем и спиной.

Поэт (*в раздумьи*). Этот человек говорит неспроста. Его грубая народная мудрость легко ложится на мою тоскующую душу.

Шут. Решайтесь же поскорее, господин. А то, скучно читать ваши мысли.

Поэт. Вы правы, друг. От ваших слов веет здоровьем. Но почему вы заговорили о читателях?

Шут. Я, господин, просто говорю, что пора оставить лишние разговоры и перейти к делу. По некоторым признакам я вижу, что сам сочинитель нашего разговора — большой путаник. Без меня дело не обойдется — здравый смысл всегда придет на помощь авторской фантазии.

Поэт. Окончательно ничего не понимаю. Но знаю, что корни народной мудрости — темны и узловаты. Вы возбуждаете во мне доверие. Будьте поверенным моей души. Знаете ли вы, кто я?

Шут. Отлично знаю. Вы — поэт, тоскующий в окружающей пошлости. Жалобы свои вы изливаете в стихах, хотя и прекрасных, но непонятных, так как дух ваш, вероятно, принадлежит иным поколениям.

Поэт. Клянусь, это так!

Шут. Сверх того, вы еще — прекрасный юноша, страстно влюбленный в не менее прекрасную даму.

Поэт. Ни слова больше! Вы — сердцеведец! Скажите прежде всего, как мне вести себя с прекрасной дамой?

Шут. Советую вам, прежде всего, посвятить ей одно из ваших стихотворений. Или, еще лучше, — целый том.

Поэт. О, это уже давно сделано!

Шут. В таком случае, вам следует проводить с нею часы над морем, намекая, что ваша любовь так же широка, как оно.

Поэт (*полубессознательно*).

В одну любовь, широкую, как море,
Что не вместят земные берега...

Шут. Или, наконец, расталкивать перед ней народ на площади, хотя бы подвергаясь обвинениям в неумный вести себя на улице.

Поэт. О, все эти средства испытаны, милый друг.

Шут. И все-таки, ваша дама остается непреклонной?

Поэт. К сожалению, да. Она смотрит на меня, но как бы не замечает меня. Взор ее всегда устремлен в даль.

Шут. Судя по вашим словам, господин, ваша дама очень эксцентрична. Не страдает ли она наклонностью к либерализму?

Поэт. Я убежден, что она выше всех ходячих формул. Но ей дорога свобода — не так ли вы хотели выразиться?

Шут. Извините, что грубо выразился; служение ближним заставляет быть грубым на словах, хотя и нежным душою. Итак, мой последний совет вам — написать гражданские стихи.

Поэт. Вы правы, я напишу гражданские стихи! Обличительные стихи!

Шут. Но только раз, только раз, господин! Не советую вам вообще пускаться в обличительную литературу. Это — не ваша область, вы — чистый художник. Ваши туманные образы всегда найдут с десяток чутких ценителей. Неужели вам приятнее действовать на низшие инстинкты толпы, чем услаждать вкус избранных?

Поэт. Из духа вашей же мудрости я почерпаю глубокую идею: литература должна быть общественной! Напрасно упрекать толпу в невнимании к утонченной поэзии! Толпа по-своему чутка и знает, что ей нужно! Литература должна быть насущным хлебом!

Шут. Вы всё еще неверно толкуете мои слова. Напрасно вы стараетесь вырвать из души вместе с плевелами — глубокие истины. Презрение к толпе — вот отличие высокого ума. Толпа не чутка, а только падка на приятное, потому общественная литература ей вредна. Литература развивает фантазию? Фантазия — мать бездны. Бездельники и взбалмошные головы вредны для народного благосостояния, как это достаточно показали герои Горького. Да, литература положительно вредна. И в этом-то разговоре я участвую только затем, чтобы он скорее кончился.

Поэт. Какое остроумие! Да вы — символист! Я и сам не поклонник Горького...

Шут. Что значит — «человек слова»? Вы так восхитились моей речью, что как будто совсем забыли о даме. А между тем моя прямая цель — содействовать тому, чтобы вы скорейшим образом добились ее руки.

Поэт. Но я вовсе не добиваюсь ее руки... Я люблю ее нездешней любовью...

Шут. О, господин, сколько же времени мы потеряли зря? Ведь я даю советы только в реальных делах, когда дело идет о браке, о протекции, о заключении торговой сделки...

Поэт. Я прощаю вашу грубость; она искупается глубиной и мудростью ваших слов. Делайте что хотите, только излечите меня от тоски!

Шут. Нечего вам тосковать, лучше найдите себе какое-нибудь дело. А главное — не говорите так мед-

ленно и задумчиво, а лучше помолчите пока. Я замечаю, что вокруг нас собираются нищие: полагаю, что их скоро разгонят; мы насладимся благородным зрелищем восстановления порядка.

Появляется Придворный, вышедший на прогулку. Его окружает несколько нищих. Видя, что всё равно не уйти, он обращается к ним с речью.

Придворный. Господа, я готов дать полезные указания. Стоя на страже интересов страны, мы, придворные, чутко прислушиваемся к народному голосу. Прошу вас излагать ваши мысли возможно короче и точнее.

Нищий. Я голоден.

Придворный. Гм. Это кратко, но неточно.

Шут. Позвольте обратить внимание Вашей светлости на неразвитость этого человека. Он будет выражаться грубо, пока образование не коснется его.

Придворный. Все силы правительства устремлены на просвещение. Но не беспокойтесь — в наше время приходится выслушивать ещё более оскорбительные вещи. Позвольте узнать, с кем имею дело?

Шут. В настоящий момент — я слуга Вашей светлости и народный трибун.

Придворный. Более чем приятно слышать. Я всегда ждал появления людей, которые рассеют недоразумения между народом и правительством. Помоему, для этого стоит только обладать здравым смыслом.

Шут. Всю жизнь я служу здравому смыслу и устраняю всякое трение, препятствующее сближению как частных лиц, так и общественных сил.

Придворный. В таком случае, чтобы испытать вас, я попрошу вас передать народу, что требуется в данном случае.

Шут (обращаясь к нищим). Господа, ваши просьбы, надеюсь, вполне законны. В частности, желание этого человека будет рассмотрено в ближайшем будущем. Правительство, без сомнения, не меньше вас печется о народной сытости. Но, как люди заинтересованные, вы сами можете рассудить, что на это понадобится время. В настоящий момент правительство занято неотложными делами.

Нищие не могут ничего возразить. Придворный сочувственно жмет руку Шута. Поэт отводит Шута в сторону.

Поэт. Неужели здравый смысл велит поступать так?

Шут. Да, мы поступили вполне согласно с его указаниями.

Поэт. Неужели нельзя накормить этих нищих?

Шут. Ваша прямолинейность удивляет меня. Разве вы не видите, что мы делаем всё, что можем.

Поэт. Вы откладываете дело в долгий ящик.

Шут. Вы всё еще не понимаете сути дела. До чего вы несовременны! Здравый смысл хорош тогда, когда он согласуется с требованиями политической экономии.

Поэт. Никакая наука не заставит людей голодать!

Шут. Кроме самой тонкой науки. Осмелюсь упрекнуть вас в незнакомстве с положением дела: если вы накормите одного нищего, явится десять других. Если дадите послабление одним, вы поставите в рискованное положение других. Это — выше всех частных стремлений.

Поэт. Это — мерзость, а не здравый смысл!

Шут. Благородное негодование может даже выдвинуть человека. Только пользуйтесь им в меру. Тогда всякий увидит, что вы приносите личные интересы на алтарь обществу.

Придворный (*окруженный нищими, говорит речь*). Я ручаюсь, господа, что все вы, так или иначе, будете удовлетворены. Лозунг правительства свободной страны — начала твердой законности. Начала эти уже сами по себе плодотворны. (*Голос его становится проникновенным.*) Из них, как из хлебного зерна, вырастет пышная жатва. Основой современного государства служит уже не темный произвол правителей, но зыждительный труд и гуманное отношение между подданными и правительством.

Поэт (*Шуту*). Удивляюсь терпению этого болтуна.

Шут. Клянусь вам, что удивляться решительно нечему. Сто раз уже повторялись диалоги нищих и придворных. Сочинитель диалога, в который я затесался, пойдет, по-видимому, по проторенной дорожке. Ему выгодно выставить всякого придворного в глупом виде.

Поэт. Опять вы говорите символами. Неужели можно забыть, что существуют богатые и бедные?

Шут. Позвольте вам заметить, что говорить пошлости и сентиментальничать неприлично поэту. Здравый смысл помог бы вам быть выше всех этих мелких интересов, в которые вы уходите с головой. Неудивительно, что вам некуда деваться от тоски.

Поэт. Я понимаю, вы учите меня народной мудрости. Но если я не в силах переносить вечной трагедии? Что, если я разобью себе голову о то, что вы называете пошлостью и сентиментальностью?

Шут. Глубоко современны ваши идеи. Нашим веком они унаследованы от девятнадцатого. Но вспомните только, что Федор Михайлович Достоевский, певец униженных и оскорбленных, был вместе с тем поклонником самодержавия, — и вы поймете меня.

Поэт. Всё-таки я напишу обличительные стихи...

Шут. Опять! Вы приводите меня в ужас! Увольте меня, я больше не буду давать вам советов. Подойдите лучше к господину Придворному и постарайтесь устроить себе карьеру.

Поэт гордо, но послушно, направляется к Придворному. Придворный милостиво смотрит на Поэта.

Придворный. Мне кажется, вы имеете ко мне дело, молодой человек. Судя по платью и манерам, я заключаю, что вы принадлежите к порядочному обществу и обладаете воспитанием достаточно тонким, чтобы не затруднять деловых людей щекотливыми просьбами. Если не ошибаюсь, вы поэт?

Поэт (*несколько польщенный*). Да, до сегодняшнего дня я писал стихи, но не ожидал их широкого распространения. Тем более неожиданно для меня ваше знакомство с ними.

Придворный. О, я прекрасно знаю ваши стихи, молодой человек. Вы найдете во мне истинного ценителя субъективной лирики. Если не ошибаюсь, вы, как некогда Петрарка, в мистических исканиях ваших создали интимный культ женщины и женской любви?

Поэт. Это не совсем так... Но, конечно...

Придворный. О, простите, если я не вполне

понял вас. Постоянные государственные заботы, как хотите, делают человека менее чутким к прекрасному. Но наградой за некоторую утрату личности служит зато сознание свято исполненного долга. Занятому человеку не приходится слишком много раздумывать и сожалеть.

Поэт. Последние ваши слова очень важны для меня. Меня привело к вам именно желание пожертвовать своей фантазией общественному благу.

Придворный. О, молодость, как я люблю тебя! Ты вся — в этих крайностях! В ваши годы и я был такой же горячей головой, молодой человек. Откровенно скажу вам, что и я когда-то писал стихи...

Поэт. О, неужели?..

Придворный. *(строго прерывая)* ...Но мне показалось, что поэтическая фантазия будет помехой моему призванию. И теперь, навеки отдавшись чужому благу и утратив личную жизнь (как видите, мне и гулять не дают спокойно), я порою раскаиваюсь, что перестал писать стихи... Быть может, во мне погиб поэт. *(Сморкается.)* Итак, ссылаясь на свой личный опыт, я спешу предупредить вас, что зарывать талант — грех.

Поэт. Я согласен с вами.

Придворный. Субъективная лирика — великое дело, молодой человек. Она дает избранным часы эстетического отдыха и позволяет им, хоть на минуту, забыть голос капризной черни. О, я готов желать, чтобы вся литература была подобна вашим стихам! Такая поэзия не развращает нравов. Непосвященным ведь недоступно ничего, кроме разнузданных желаний: есть, иметь крышу над головой — вот всё, что им нужно, как вы могли сами убедиться сейчас. Зато избранные, отирая потное чело, могут коснуться устами нетронутых краев священной чаши. *(Чрезвычайно доволен своей речью.)*

Поэт. Мне лестно ваше внимание к Музам. Ваши слова оживили меня. Тем более, встречая столь разностороннего человека, как вы, я хотел бы воспользоваться вашими указаниями. Считаю долгом ответить вам откровенностью на откровенность: долгое служение Музам порождает тоску. Под ногами разверзаются бездны. Двойственные видения посещают меня. Я хочу

твердой воли, цельных желаний, но не годен для жизни. В женщинах меня влечет и отталкивает вместе — их нежность и лживость. Я ищу человека, который бросит живые семена в мою растерзанную, готовую для посева душу.

Придворный. Ваше признание хватает меня за сердце. Особенно запомнилось мне то, что вы говорили о женщинах. Это так остроумно и так глубоко. О, как мне это знакомо. Любить одну, но не уметь предпочесть ее другой... *(С улыбкой напоминает что-то.)*

Поэт. Я говорил не совсем так. Я хотел сказать не о двух, а об одной...

Придворный. В таком случае это еще остроумней и тоньше, молодой человек. Красноречие ваше — редкая черта в людях нашего века.

Поэт *(загрустил)*.

Придворный. Теперь так мало действительно полезных и нужных людей, что я, не шутя, имею на вас виды; не имеете ли вы ко мне какой-нибудь специальной просьбы?

Поэт. Мне кажется иногда, что я избавился бы от тоски на государственной службе...

Придворный. Это всё, что я хотел слышать от вас, молодой человек! Мне нечего возразить вам — в наших симпатиях и вкусах мы вполне солидарны. Надеюсь, вы не откажетесь принять мои предложения. Ваши речи о двойственности создали в моем уме блестящую комбинацию: мы будем готовить вас к дипломатической карьере.

Шут *(поздравляет Поэта, который еще грустит)*.

Придворный *(Шуту)*. Вы также оказали мне неоценимые услуги. У меня найдется и для вас поручение. *(Таинственно указывает на нищих, которые все еще стоят невдалеке.)*

Шут *(делает знак, что понял)*.

Придворный *(обращаясь к нищим)*. Господа, мы рассмотрели ваши просьбы. Я счастлив сказать вам, что сегодня народ не обманул надежд своего правительства. Близко соприкоснувшись с вами, я нашел двух слуг для государства. Это ясно свидетельствует о том, что силы народные не оскудевают. Так же не оскудеет и наше попечение о вас. *(Быстро уходит.)*

Шут (*Поэту*). Итак, мое разумное вмешательство принесло вам пользу. Да здравствует отечественная поэзия и государственная служба! А главное, да здравствует примиривший их здравый смысл!

Бежит вослед удаляющемуся Поэту. Через некоторое время за сценой слышна отчаянная потасовка. Шут выбегает, растрепанный.

Шут. Каков поэтический темперамент! Он вырвал у меня клочок волос и кричал, что не хочет быть дипломатом! Напрасно я принял участие в его судьбе! Взгляните, как пострадал я за правду, и выслушайте мою благородную мораль: никто, никогда и нигде...

Не досказав, бросается искать удочку, так как приближаются новые жертвы здравого смысла.

1906

НЕЗНАКОМКА

На портрете была изображена действительно необыкновенной красоты женщина. Она была сфотографирована в черном шелковом платье, чрезвычайно простого и изящного фасона; волосы, по-видимому темно-русые, были убраны просто, по-домашнему; глаза темные, глубокие, лоб задумчивый; выражение лица страстное и как бы высокомерное. Она была несколько худя лицом, может быть, и бледна...

Достоевский

— А как вы узнали, что это я? Где вы меня видели прежде? Что это, в самом деле, я как будто его где-то видела?

— Я вас тоже будто видел где-то?

— Где? — Где?

— Я ваши глаза точно где-то видел... да этого быть не может! Это я так... Я здесь никогда и не был... Может быть, во сне...

Достоевский

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Незнакомка.

Голубой.

Звездочет.

Поэт.

Посетители. кабачка

и гостиной.

Два дворника.

ПЕРВОЕ ВИДЕНИЕ

Уличный кабачок. Подрагивает бело-матовый свет ацетиленового фонаря в смятом колпачке. На обоях изображены совершенно одинаковые корабли с огромными флагами. Они взрезают носами голубые воды. За дверью, которая часто раскрывается, пуская посетителей, и за большими окнами, украшенными плющом, идут прохожие в шубах и девушки в платочках — под голубым вечерним снегом.

За прилавком, на котором водружена бочка с гномом и надписью «Кружка-бокал», — двое совершенно похожих друг на друга: оба с коками и проборами, в зеленых фартуках; только у хозяина усы вниз, а у брата его, полового, усы вверх. У одного окна, за столиком, сидит пьяный старик — вылитый Верлен, у другого — безусый бледный человек — вылитый Гауптман. Несколько пьяных компаний.

РАЗГОВОР В ОДНОЙ КОМПАНИИ

Один

Купил я эту шубу за двадцать пять рублей. А тебе, Сашка, меньше тридцати ни за что не уступлю.

Другой *(убедительно
и с обидой)*

Да врешь ты!.. Да вот поди ж ты... Я тебе...

Третий *(усатый, кричит)*

Молчать! Не ругаться! Еще бутылочку, любезный. Половой подбегает. Слышно, как булькает пиво. Молчание. Одиноким посетителем поднимается из угла и неверной походкой идет к прилавку. Начинает шарить в блестящей посудине с вареными раками.

Хозяин

Позвольте, господин. Так нельзя. Вы у нас всех раков руками переберете. Никто кушать не станет.

Посетитель, мыча, отходит.

РАЗГОВОР В ДРУГОЙ КОМПАНИИ

Семинарист

И танцевала она, милый друг ты мой, скажу я тебе, как небесное создание. Просто взял бы ее за белые ручки и прямо в губки, скажу тебе, поцеловал...

Собутыльник (*визгливо
хохочет*)

Эка, эка, Васинька-то наш, размигнулся, заалел, как маков цвет! А что она тебе за любовь-то? За любовь-то что?.. А?..

Все визгливо хохочут.

Семинарист (*совсем красный*)

И, милый друг ты мой, скажу тебе, нехорошо смеяться. Так бы вот взял ее, и унес бы от нескромных взоров, и на улице плясала бы она передо мной на белом снегу... как птица, летала бы. И откуда мои крылья взялись, — сам полетел бы за ней, над белыми снегами...

Все хохочут.

Второй собутыльник

Ты, Васька, смотри, того, по первопутку-то не очень полетишь...

Первый собутыльник

Тебе бы по морозцу-то легче, а то с твоей милой как раз в грязь угодишь...

Второй собутыльник

Мичтатель.

Семинарист (*совсем ословел*)

Эх, милые друзья, в семинарии не учась, скажу я вам, вы нежных чувств не понимаете. А впрочем, еще бы пивца...

Верлэн (*бормочет громко,
сам с собою*)

Каждому свое. Каждому свое...

Гауптман делает выразительные знаки половому. Входят рыжий мужчина и девушка в платочке.

Девушка (половому)

Бутылку портеру, Миша. *(Продолжает быстро рассказывать мужчине.)* ...только она, милый мой, вышла, хватать — забыла хозяйку пивом угостить. Сейчас — назад, а уж он комод открыл, да и роется, всё перерыл, всё перерыл, думал — не скоро вернется... Она, милый мой, кричать, а он, милый мой, ей рот зажимать. Ну, всё-таки хозяйка прибежала, да сама кричать, да дворника позвала; так его, милый мой, сейчас в участок... *(Быстро прерывает.)* Дай двугривенный.

Мужчина хмуро вынимает двугривенный.

Девушка

Тебе нешто жалко?

Мужчина

Пей, да помалкивай.

Молчат. Пьют. Вбегает молодой человек и радостно бросается к Гауптману

Молодой человек

Костя, друг, она у дверей дожидает!..

Гауптман

Ладно. Пошляется еще. Давай выпьем.

Верлен *(громко бормочет)*

И всем людям — свое занятие... И каждому — свое беспокойство.

Входит Поэт. Подзывает полового.

Поэт

Угостить вас?

Половой *(прирожденный юморист)*

Великая честь-с... От знаменитого лица-с...

Убегает за пивом. Поэт вынимает записную книжку. Тишина.

Ацетилен шипит. Похрустывают бублики.

Половой приносит Поэту бутылку пива и садится на край стула против него.

Поэт

Вы послушайте только. Бродить по улицам, ловить отрывки незнакомых слов. Потом — прийти вот сюда и рассказать свою душу подставному лицу.

Половой

Непонятно-с, но весьма утонченно-с...

Срывается со стула и бежит на зов посетителя. Поэт пишет в книжке.

Девушка (*напевает*)

Как люблю я ее...

А она за любовь...

Половой возвращается к Поэту.

Поэт (*пьет*)

Видеть много женских лиц. Сотни глаз, больших и глубоких, синих, темных, светлых. Узких, как глаза рыси. Открытых широко, младенчески. Любить их. Желать их. Не может быть человека, который не любит. И вы их должны любить.

Половой

Слушаю-с.

Поэт

И среди этого огня взоров, среди вихря взоров, возникнет внезапно, как бы расцветет под голубым снегом — одно лицо: единственно прекрасный лик Незнакомки, под густой, темной вуалью... Вот качаются перья на шляпе... Вот узкая рука, стянутая перчаткой, держит шелестящее платье... Вот медленно проходит она... проходит она...

Жадно пьет.

Верлен (*бормочет*)

И всё проходит. И каждому — своя забота.

Семинарист (*заплетаящимся языком*)

Танцевала она, как небесный, скажу вам, ангел, а вы, черти и разбойники, не стоите ее мизинца. А впрочем, выпьем.

Собутыльник

Мичтатель. Оттого и пьешь. И все мы — мичтатели. Поцелуй меня, дружок.

Обнимаются.

Семинарист

И никто ее так не полюбит, как я. И будем мы на белом снегу свою грустную жизнь доживать. Она — плясать, а я — на шарманке играть. И полетим. И под самый серебряный месяц залетим. И туда, черт возьми, скажу я вам, дурацким вашим грязным носам, милые друзья, не соваться. И всё-таки я очень вас люблю и высоко ставлю. Кто из одной бутылки не пивал, тот и дружбы не видал.

Все хохочут.

Собутыльник

Ай да Васька! Уж очень складно! Поцелуемся, дружок.

Молодой человек (*Гауптману*)

Однако ж будет. Что ей столько на морозе дожидать? Замерзнет совсем. Пойдем, брат Костя.

Гауптман

Брось. Если женскому нраву потакать, так от мужчины ничего не останется — только ему в рожу плюнуть. Пусть пошляется, а мы еще посидим.

Молодой человек послушался. Все посетители пьют и хмелеют. Человек в желтом трепаном пальто, сидевший отдельно, встает и обращается к честной компании с речью.

Человек в пальто

Государи мои! Есть у меня небольшая вещица — весьма ценная миниатюра. (*Вытаскивает из кармана камю.*) Вот-с, не угодно ли: с одной стороны — изображение эмблемы, а с другой — приятная дама в тюнике на земном шаре сидит и над этим шаром держит скипетр: подчиняйтесь, мол, повинуйтесь — и больше ничего!

Все одобрительно смеются. Некоторые подходят и рассматривают камю.

Поэт (захмелевший)

Вечная сказка. Это — Она — Мировправительница. Она держит жезл и повелевает миром. Все мы очарованы Ею.

Человек в пальто

Рад служить русской интеллигенции. Дешево продам, хотя досталось не дешево, но уж, как говорится, только по дружбе. Вижу, что любитель. Ну, так по рукам.

Поэт дает ему монету. Берет камео, рассматривает ее. Человек в пальто садится на свое место. Разговор продолжается только между двумя, сидящими за отдельным столиком.

Первый (берет юмористический журнал)

А теперь пришло время нам повеселиться. Ну, Ваня, слушай (*торжественно разворачивает журнал и читает*): «Любящие супруги. Муж: — Ты, милочка, зайди сегодня к мамаше и попроси ее...»

Заранее отчаянно хохочет.

Второй

Ишь, черт возьми, здорово!

Первый (продолжает читать)

«...И попроси ее... подарить Катеньке куколку...»

Страшно хохочет.

Первый (читает)

«Жена: — Что ты, милочка! Катеньке уж скоро двадцать лет. (*Еле может прочесть от смеха.*) Ей уж не куколку, а женишка пора подарить».

Громовой хохот.

Второй

Вот так здорово!

Первый

Что называется, отбрила!

Второй

Черт их дери, ловко пишут!..

И опять одинокий посетитель шарит в посудине. Он вытаскивает красных раков за клешни. Подержит и положит. И опять хозяин отгоняет его.

Поэт (*рассматривает камю*)

Вечное возвращение. Снова Она объемлет шар земной. И снова мы подвластны Ее очарованию. Вот Она кружит свой процветающий жезл. Вот Она кружит меня... И я кружусь с Нею... Под голубым... под вечерним снегом...

Семинарист

Танцует... Танцует... Я на шарманке, а она под шарманку... (*Делает пьяные жесты, как будто что-то лозит.*) Вот, не поймал... опять не поймал... но и вам, черти, не поймать, если уж мне не поймать...

Медленно, медленно начинают кружиться стены кабачка. Потолок наклоняется, один конец его протягивается вверх бесконечно. Корабли на обоях, кажется, плывут близко, а всё не могут доплыть. Сквозь смутный общий говор человек в пальто, уже присоседившийся к кому-то, кричит.

Человек в пальто

Нет-с, я любитель! Люблю острый сыр, знаете, такой круглый! (*Делает кругообразные жесты.*) Забыл название.

Его собеседник (*неуверенно*)

А вы... пробовали?

Человек в пальто

Что пробовал? Вы думаете, нет? Я рошефор кушал!

Собеседник (*под которым качается стул*)

А знаете... люксем-бургский... так пахнет нехорошо... и шевелится, шевелится... (*Чмокает губами, шевелит пальцами.*)

Человек в пальто (*вдохновенно встает*)

Швейцарский!.. Вот что-с! (*Щелкает пальцами.*)

Собеседник (*мигает и сомневается*)

Ну, этим не удивите...

Человек в пальто (*громко,
как ружейный залп*)

Бри!

Собеседник

Ну это... это... знаете...

Человек в пальто (*угрожающе*)

Что знаете?

Собеседник (*уничтожен*)

Всё вертится, кажется, перевернется сейчас. Корабли на обоях плывут, всплывая голубые воды. Одну минуту кажется, что всё стоит вверх ногами.

Верлэн (*бормочет*)

И всему свой черед... И всем пора идти домой...

Гауптман (*орет*)

Шлюха она, ну и пусть шляется! А мы выпьем!

Девушка (*поет в ухо
мужчине*)

Прощай, желанный мой...

Семинарист

Снег танцует. И мы танцуем. И шарманка плачет. И я плачу. И мы все плачем.

Поэт

Синий снег Кружится. Мягко падает. Синие очи. Густая вуаль. Медленно проходит Она. Небо открылось. Явись! Явись!

Весь кабачок как будто нырнул куда-то. Стены расступаются. Окончательно наклонившийся потолок открывает небо — зимнее, синее, холодное. В голубых вечерних снегах открывается —

ВТОРОЕ ВИДЕНИЕ

Тот же вечер. Конец улицы на краю города. Последние дома, обрываясь внезапно, открывают широкую перспективу: темный пустынный мост через большую реку. По обеим сторонам моста

дремлют тихие корабли с сигнальными огнями. За мостом тянется бесконечная, прямая, как стрела, аллея, обрамленная цепочками фонарей и белыми от инея деревьями. В воздухе порхает и звездится снег.

Звездочет (на мосту)

Ночь полнозвездная светла.
У взора — только два крыла.
Но счет звездам вести нельзя —
Туманна млечная стезя,
И бедный взор туманится...
Кто этот пьяница?

Два дворника волокут под руки пьяного Поэта.

Разъяренные дворники

Он — посетитель кабачка,
И с ним расправа коротка!
Эй, Ванька, дай ему щелчка!
Эй, Васька, дай ему толчка!

Волокут Поэта дальше.

Звездочет

Восходит новая звезда.
Всех ослепительней она.
Недвижна темная вода,
И в ней звезда отражена.
Ах! падает, летит звезда...
Лети сюда! сюда! сюда!

По небу, описывая медленную дугу, скатывается яркая и тяжелая звезда. Через миг по мосту идет прекрасная женщина в черном, с удивленным взором расширенных глаз. Всё становится сказочным — темный мост и дремлющие голубые корабли. Незнакомка застывает у перил моста, еще храня свой бледный падающий блеск. Снег, вечно юный, одевает Ее плечи, опускает стан. Она, как статуя, ждет. Такой же Голубой, как Она, восходит на мост из темной аллеи. Также в снегу. Также прекрасен. Он колеблется, как тихое, синее пламя.

Голубой

В блеске зимней ночи тающая,
Обрати ко мне свой лик.
Ты, снегами тихо веющая,
Подари мне легкий снег.

Она обращает очи к нему.

Незнакомка

Очи — звезды умирающие,
Уклонившись от пути.
О тебе, мой легковерный,
Я грустила в высоте.

Его голубой плащ осыпан снежными звездами.

Голубой

В синеве твоей морозной
Много звезд.
Под рукой моей железной
Светлый меч.

Незнакомка

Опусти в руке железной
Светлый меч.
В синеве моей морозной
Звезд не счесть.

Голубой дремлет в бледном свете. На фоне плаща его светится луч,
как будто он оперся на меч.

Голубой

Протекали столетья, как сны,
Долго ждал я тебя на земле.

Незнакомка

Протекали столетья, как миги.
Я звездою в пространствах текла.

Голубой

Ты мерцала с твоей высоты
На моем голубом плаще.

Незнакомка

Ты гляделся в мои глаза.
Часто на небо смотришь ты?

Голубой

Больше взора поднять не могу:
Тобою, падучей, скован мой взор.

Незнакомка

Ты можешь сказать мне земные слова?
Отчего ты весь в голубом?

Голубой

Я слишком долго в небо смотрел:
Оттого — голубые глаза и плащ.

Незнакомка

Кто ты?

Голубой

Поэт.

Незнакомка

О чем ты поешь?

Голубой

Всё о тебе.

Незнакомка

Давно ли ты ждешь?

Голубой

Много столетий.

Незнакомка

Ты мертв или жив?

Голубой

Не знаю.

Незнакомка

Ты юн?

Голубой

Я красив.

Незнакомка

Падучая дева-звезда
Хочет земных речей.

Голубой

Только о тайнах знаю слова,
Только торжественны речи мои.

Незнакомка

Знаешь ты имя мое?

Голубой

Не знаю — и лучше не знать.

Незнакомка

Видишь ты очи мои?

Голубой

Вижу. Как звезды — они.

Незнакомка

Ты видишь мой стройный стан?

Голубой

Да. Ослепительна ты.

В голосе Ее просыпается земная страсть.

Незнакомка

Ты хочешь меня обнять?

Голубой

Я коснуться не смею тебя.

Незнакомка

Ты можешь коснуться уст.

Плащ Голубого колеблется, исчезая под снегом.

Незнакомка

Ты знаешь ли страсть?

Голубой *(тихо)*

Кровь молчалива моя.

Незнакомка

Ты знаешь вино?

Голубой (еще тише)
Звездный напиток — слаще вина.

Незнакомка
Ты любишь меня?

Голубой молчит.

Незнакомка
Кровь запекает во мне.

Тишина.

Незнакомка
Ядом исполнено сердце.
Я стройнее всех ваших дев.
Я красивее ваших дам.
Я страстнее ваших невест.

Голубой дремлет, весь осыпанный снегом.

Незнакомка
Как сладко у вас на земле!

Голубого больше нет. Закружился голубоватый снежный столб,
и кажется, на этом месте и не было никого. Зато рядом с
Незнакомкой проходящий господин приподнимает котелок.

Господин
Вы с кем-то беседу вели?
Но здесь не видать никого.
Прелестный ваш голос звучал
В пространстве пустом...

Незнакомка

Где он?

Господин
О, да, без сомнения, вы
Кого-то ждали сейчас!
Позвольте — нескромный вопрос...
Кто был ваш незримый друг?

Незнакомка

Он был красив. В голубом плаще.

Господин

О, романтика женской души!
И на улице видите вы
Мужчин в голубых плащах!
Но как же звали его?

Незнакомка

Он назвал себя: поэт.

Господин

Я тоже поэт! я тоже поэт!
По крайней мере, смотря
В прекрасные ваши глаза,
Я мог бы спеть вам куплет:
«Ах, как ты хороша!»

Незнакомка

Ты хочешь любить меня?

Господин

О, да! И очень не прочь.

Незнакомка

Ты можешь обнять меня?

Господин

Хотел бы знать, почему
Не могу я тебя обнять?

Незнакомка

И, уст касаясь моих,
Ты будешь ласкать меня?

Господин

Пойдем, красotka моя!
«Исполню всё, что велишь»,
Как сказал старичок Шекспир...
Ты видишь теперь, что и я
Поэзии очень не чужд!

Незнакомка покорно дает ему руку.

Господин
Как имя твое?

Незнакомка
Постой.
Дай вспомнить. В небе, средь звезд,
Не носила имени я...
Но здесь, на синей земле,
Мне нравится имя «Мария»...
«Мария» — зови меня.

Господин
Как хочешь, красотка моя.
Ведь мне лишь только бы знать,
Что ночью тебе шептать.

Уводит Незнакомку под руку. След их замечает голубой снег.
Звездочет снова на мосту. Он — в тоске. Простирает руки в небо.
Поднял взоры.

Звездочет
Нет больше прекрасной звезды!
Синяя бездна пуста!
Я ритмы утратил
Астральных песен моих!
Отныне режут мне слух
Дребезжащие песни светил!
Сегодня в башне моей
Скорбной рукой занесу
В длинные свитки мои
Весть о паденьи светлейшей звезды...
И тихо ее назову
Именем дальним,
Именем, нежащим слух:
«Мария» — да будет имя ее.
В желтых свитках
Начертано будет
Моей одинокой рукой:
«Пала Мария — звезда.
Больше не будет смотреть мне в глаза.
Звездочет остался один!»

Тихо плачет. Поэт поднимается на мост из аллеи.

Поэт

О, заклинаю вас всем святым!
Вашей тоской!
Вашей невестой, когда
Есть невеста у вас!
Скажите, была ли здесь
Высокая женщина в черном?

Звездочет

Грубые люди! Оставьте меня.
Я женщин не вижу с тех пор,
Как пала моя звезда.

Поэт

Понятна мне ваша скорбь.
Я так же, как вы, одинок.
Вы, верно, как я, — поэт.
Случайно, не видели ль вы
Незнакомку в снегах голубых?

Звездочет

Не помню. Здесь многие шли,
И очень прискорбно мне,
Что вашей не мог я узнать...

Поэт

О, если б видели вы, —
Забыли б свою звезду!

Звездочет

Не вам говорить о звездах;
Чересчур легкомысленны вы,
И я попросил бы вас
В мою профессию нос не совать.

Поэт

Все ваши обиды снесу!
Поверьте, унижен я
Ничуть не меньше, чем вы...
О, если б я не был пьян,
Я шел бы следом за ней!
Но двое тащили меня,
Когда я заметил ее...

Потом я упал в сугроб,
Они, ругаясь, ушли,
Решившись бросить меня...
Не помню, долго ль я спал...
Проснувшись, вспомнил, что снег
Замел ее нежный след!

Звездочет

Я смутно припомнить могу
Печальную вещь для вас;
Действительно, вас вели,
Вам давали толчки и пинки,
И был неуверен ваш шаг...
Потом я помню сквозь сон,
Как на мост дама взошла,
И к ней подошел голубой господин...

Поэт

О, нет!.. Голубой господин...

Звездочет

Не знаю, о чем говорили они.
Я больше на них не смотрел.
Потом они, верно, ушли...
Я так был занят своим...

Поэт

И снег замел их следы!..
Мне больше не встретить Ее!
Встречи такие
Бывают в жизни лишь раз...

Оба плачут под голубым снегом.

Звездочет

Стоит ли плакать об этом?
Гораздо глубже горе мое:
Я утратил астральный ритм!

Поэт

Я ритм души потерял.
Надеюсь, это — важней!

Звездочет

Скорбь занесет в мои свитки:
«Пала звезда — Мария!»

Поэт

Прекрасное имя: «Мария»!
Я буду писать в стихах:
«Где ты, Мария?
Не вижу зари я».

Звездочет

Ну, ваше горе пройдет!
Вам надо только стихи
Как можно длинней сочинять!
О чем же плакать тогда?

Поэт

А вам, господин звездочет,
Довольно в свитки свои
На пользу студентам вписать:
«Пала Мария — Звезда!»

Оба грустят под голубым снегом. Пропадают в нем. И снег грустит. Он запорошил уже и мост, и корабли. Он построил белые стены на канве деревьев, вдоль стен домов, на телеграфных проволоках. И даль земная и даль речная поднялись белыми стенами, так что всё бело, кроме сигнальных огней на кораблях и освещенных окон домов. Снежные стены уплотняются. Они кажутся близкими одна к другой. Понемногу открывается —

ТРЕТЬЕ ВИДЕНИЕ

Большая гостиная комната с белыми стенами, на которых ярко горят электрические лампы. Дверь в переднюю открыта. Тоненький звонок часто извещает о приходе гостей. На диванах, креслах и стульях уже сидят хозяева и гости; хозяйка дома — пожилая дама, как бы проглотившая аршин; перед нею — корзинка с бисквитами, ваза с фруктами и чашка дымящегося чаю; против нее — глухой старик с глупым лицом жует и хлебает. Молодые люди, в безукоризненных смокингах, частью разговаривают с другими дамами, частью толпятся стадами в углах. Общий гул бессмысленных разговоров.

Хозяин дома встречает гостей в передней и каждому сначала деревянным голосом кричит: «А-а-а!», а потом говорит пошлость. В настоящий момент он занят тем же.

Хозяин дома (в передней)

А-а-а! Ну и закутались же вы, батюшка!

Голос гостя

И холод же, доложу я вам! В шубе — и то замерз.

Гость сморкается. Так как разговор в гостиной почему-то исчерпался, слышно, как хозяин конфиденциально говорит гостю:

Хозяин

А где шили?

Гость

У Шевалье.

Из двери торчат фалды хозяйского сюртука. Хозяин рассматривает шубу.

Хозяин

А сколько платили?

Гость

Тысячу.

Хозяйка, стараясь замять разговор, кричит:

Хозяйка

Сher* Иван Павлович! Идите скорее! Только вас и ждали! Вот, Аркадий Романович обещался нам сегодня спеть!

Аркадий Романович, подходя к хозяйке, делает различные жесты, долженствующие показать, что он невысокого о себе мнения.

Хозяйка жестами же старается показать ему обратное.

Молодой человек Жорж

Совершенная дура твоя Серпантини, Миша. Так танцевать, как она вчера, значит — не иметь никакого стыда.

Молодой человек Миша

Ты, Жорж, ровно ничего не понимаешь! Я совершенно влюблен. Это — для немногих. Вспомни, у нее совсем классическая фигура — руки, ноги...

* Дорогой (фр.). — Ред.

Жорж

Я пошел туда затем, чтобы наслаждаться искусством. На ножки я могу смотреть и в другом месте.

Хозяйка

О чем это вы там, Георгий Николаевич? Ах, о Серпантини! Какой ужас, не правда ли? Во-первых — интерпретировать музыку — это уж одно — наглость. Я так страстно люблю музыку и ни за что, ни за что не допущу, чтоб над ней надругались. Потом — танцевать без костюма — это... это я не знаю, что! Я увела мою дочь.

Жорж

Я совершенно согласен с вами. А вот Михаил Иванович — другого мнения...

Хозяйка

Что вы, Михаил Иванович! По-моему, здесь двух мнений не может быть! Я понимаю, молодым людям свойственно увлекаться, но на публичном концерте... когда ногами изображают Баха... Я сама музыкантша... страстно люблю музыку... Как хотите...

Старик, сидящий против хозяйки, неожиданно и просто выпаливает:

Старик

Публичный дом.

Продолжает хлебать чай и жевать бисквиты. Хозяйка краснеет и обращается к одной из дам.

Миша

Ах, Жорж, все вы ничего не понимаете! Разве это — интерпретация музыки? Серпантини сама — воплощение музыки. Она плывет на волнах звуков, и, кажется, сам плывешь за нею. Неужели тело, его линии, его гармонические движения — сами по себе не поют так же, как звуки? Тот, кто истинно чувствует музыку, не оскорбляется за нее. У вас отвлеченное отношение к музыке...

Жорж

Мечтатель! Завел машину. Строишь какие-то теории и ничего не слушаешь и не видишь. Я о музыке даже не

говорю, и мне в конце концов наплевать! И я был бы очень рад видеть всё это в отдельном кабинете. Но согласись же, не объявить на афише, что Серпантини будет завернута в одну тряпку, — это значит поставить всех в пренеловкое положение. Если б я знал, я не повел бы туда мою невесту. (*Миша рассеянно шарит в корзинке с бисквитами.*) Послушай, оставь бисквиты. Ведь противно есть, если всё перетрогаешь. Смотри, как на тебя смотрит кузина. А всё оттого, что ты рассеян. Эх, мечтатели.

Миша, сконфуженно мыча, удаляется в другой угол.

Старик (*внезапно, хозяйке*)

Нина! Сиди смирно. У тебя на спине платье растегнулось.

Хозяйка (*вспыхнув*)

Да полно, дядя, нельзя же при всех! Вы слишком... откровенны...

Старается незаметно застегнуть платье. В комнату впархивает молодая дама, за ней идет огромный рыжий господин.

Дама

Ах, здравствуйте, здравствуйте! Вот, позвольте вас познакомиться: мой жених.

Рыжий господин

Очень приятно.

Угрюмо удаляется в угол.

Дама

Пожалуйста, не обращайтесь на него внимания. Он очень застенчив. Ах, представьте, какой случай!..

Торопливо пьет чай и шепотом рассказывает хозяйке что-то пикантное, судя по тому, что обе ерзают по дивану и хихикают.

Дама (*вдруг оборачивается к эсениху*)

У тебя мой платок?

Жених угрюмо вытаскивает платок.

Дама

Тебе жалко, что ли?

Рыжий господин (неожиданно
угрюмо)

Пей, да помалкивай.

Молчат. Пьют. Вбегает молодой человек и радостно бросается к другому. В последнем легко узнать того, кто увел Незнакомку.

Молодой человек

Костя, друг, да она у дверей дожидает...

Запинается на полуслове. Всё становится необычайно странным. Как будто все внезапно вспомнили, что где-то произносились те же слова и в том же порядке. Михаил Иванович смотрит странными глазами на Поэта, который входит в эту минуту. Поэт, бледный, делает общий поклон на пороге притихшей гостиной.

Хозяйка (с натянутым
видом)

Мы только вас и ждали. Надеюсь, вы прочтете нам что-нибудь. Сегодня престранный вечер! Наша мирная беседа не клеится.

Старик (выталивает)

Точно кто-нибудь умер. Богу душу отдал.

Хозяйка

Ах, дядя, перестаньте! Вы всех окончательно спугнете... Господа! Обновим наш разговор... (Поэту. Вы прочтете нам что-нибудь, не правда ли?)

Поэт

С удовольствием... если это займет...

Хозяйка

Господа! Молчание! Наш прекрасный поэт прочтет нам свое прекрасное стихотворение, и, надеюсь, опять о прекрасной даме...

Все замолкают. Поэт становится у стены, прямо против двери в переднюю, и читает:

Поэт

Уже сбегали с плит снега,
Блестели, обнажаясь, крыши,
Когда в соборе, в темной нише,

Ее блеснули жемчуга.
И от иконы в нежных розах
Медлительно сошла Она...

Тоненький звонок в передней. Хозяйка умоляюще складывает руки по направлению к Поэту. Он прерывает чтение. Все с любопытством заглядывают в переднюю.

Хозяин

Сию минуту. Прошу извинения.

Выходит в переднюю, но не кричит там: «А-а-а!» Молчание.

Голос хозяина

Чем могу служить?

Женский голос отвечает что-то. Хозяин появляется на пороге.

Хозяин

Ниночка, какая-то дама. Ничего не могу разобрать. Вероятно, к тебе. Извините, господа, извините...

Сконфуженно улыбается во все стороны. Хозяйка идет в переднюю и запирает за собой дверь. Гости шепчутся.

Молодой человек (в углу)

Да не может быть...

Другой (прячась за него)

Да уверяю тебя... вот скандал!.. Я слышал ее голос...

Поэт стоит неподвижно против дверей. Двери открываются.
Хозяйка вводит Незнакомку.

Хозяйка

Господа, приятный сюрприз. Моя очаровательная новая знакомая. Надеюсь, мы примем ее с радостью в наш дружеский кружок. Мария... извините, я не расслышала, как вас называть?

Незнакомка

Мария.

Хозяйка

Но... ваше отчество?

Незнакомка

Мария. Я зову себя: Мария.

Хозяйка

Хорошо, милочка. Я буду звать вас: Мэри. В вас есть некоторая эксцентричность, не правда ли? Но тем веселее мы проведем сегодняшний вечер с нашей восхитительной гостьей. Не правда ли, господа?

Все сконфужены. Неловкое молчание. Хозяин замечает, что один из гостей проскользнул в переднюю, и выходит за ним. Слышен извиняющийся шепот, слова: «не совсем здоров». Поэт стоит неподвижно.

Хозяйка

Итак, может быть, наш прекрасный поэт продолжит прерванное чтение? Дорогая Мэри, когда вы вошли, наш известный поэт как раз читал нам... читал нам.

Поэт

Простите. Позвольте мне прочесть в другой раз. Я так извиняюсь.

Никто не выражает неудовольствия. Поэт подходит к хозяйке, которая некоторое время делает умоляющие жесты, но скоро перестает. Поэт спокойно садится в дальний угол. Задумчиво смотрит на Незнакомку.

Горничная разносит, что полагается. Из общего бессмысленного говора вырывается хохот, отдельные слова и целые фразы:

Нет, как она танцевала! Да ты послушай! Русская интеллигенция...

Кто-то (*особенно громко*)

Да и вам не поймать! Да и вам не поймать!

Все забыли о Поэте. Он медленно поднимается со своего места. Он проводит рукою по лбу. Делает несколько шагов назад и вперед по комнате. По лицу его заметно, что он с мучительным усилием припоминает что-то. В это время из общего говора доносятся слова: «рокфор», «камамбер». Вдруг толстый человек, в страшном увлечении, делая кругообразные жесты, выскакивает на середину комнаты с криком:

Бри!

Поэт сразу останавливается. Мгновение кажется, что он вспомнил всё. Он делает несколько быстрых шагов в сторону Незнакомки. Но дорогу ему заслоняет Звездочет в голубом вицмундире, входящий из передней.

Звездочет

Извините, я в вицмундире и запоздал. Прямо из заседания. Пришлось делать доклад. Астрономия...

Поднимает палец кверху.

Хозяин (*подходя*)

Вот и мы только что говорили о гастрономии. Ниночка, не пора ли ужинать?

Хозяйка (*встает*)

Господа, прощу вас!

Все выходят вслед за нею. В потемневшей гостиной остаются некоторое время Незнакомка, Звездочет и Поэт. Поэт и Звездочет стоят в дверях, готовые выйти. Незнакомка медлит в глубине у темной полукрытой занавеси окна.

Звездочет

Нам опять привелось встретиться с вами. Я очень рад. Но пусть обстоятельства нашей первой встречи останутся между нами.

Поэт

Прошу о том же и вас.

Звездочет

Я только что сделал доклад в астрономическом обществе — о том, чему вы были невольным свидетелем. Поразительный факт: звезда первой величины...

Поэт

Да, это очень интересно.

Звездочет (*восторженно*)

Да! Я занес в мои списки новый параграф: «Пала звезда Мария!» Наука в первый раз... Ах, извините, что я не спрашиваю вас о результатах ваших поисков...

Поэт

Поиски мои были безрезультатны.

Он оборачивается в глубь комнаты. Бездна смотрит. На лице его — томление, в глазах — пустота и мрак. Он шатается от страшного напряжения. Но он всё забыл.

Хозяйка (на пороге)

Господа! Идите же в столовую! Я не вижу Мэри...

Грозит им пальцем.

Ах, молодые люди! Вы спрятали куда-нибудь мою Мэри?

Всматривается в глубь комнаты.

Где же Мэри? Да где же Мэри?

У темной занавеси уже нет никого. За окном горит яркая звезда. Падает голубой снег, такой же голубой, как вицмундир исчезнувшего Звездочета.

ПЕСНЯ СУДЬБЫ

Драматическая поэма

В любви нет страха, но совершенная любовь изгоняет страх, потому что в страхе есть мучение.

Первое послание Иоанна, IV, 18

Русь! Русь! — Открыто-пустынно и ровно все в тебе; — ничто не обольстит и не очарует взора. Но какая же непостижимая, тайная сила влечет к тебе? Почему слышится и раздается немолчно в ушах твоя тоскливая, несущаяся по всей длине и широте твоей, от моря до моря, песня? Что в ней, в этой песне? Что зовет, и рыдает, и хватает за сердце? — Русь! Чего же ты хочешь от меня? Какая непостижимая связь таится между нами? — Что пророчит сей необъятный простор? Здесь ли, в тебе ли не родиться беспредельной мысли, когда ты сама без конца? Здесь ли не быть богатырью, когда есть место, где развернуться и пройти ему?

Гоголь

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Герман.

Елена, жена Германа.

Мать Германа.

Друг Германа.

Монах.

Фаина.

Спутник Фаины.

Коробейник.

Толпа.

ПЕРВАЯ КАРТИНА

Северный апрель — Вербная Суббота.

На холме — белый дом Германа, окруженный молодым садом, сияет под весенним закатом, охватившим всё небо. Большое окно в комнате Елены открыто в сад, под капель. Дорожка спускается от калитки и вьется под холмом, среди кустов и молодых березок. Другие холмы, покрытые глыбами быстро тающего снега, уходят цепью вдаль и теряются в лысых и ржавых пространствах болот. Там земля сливается с холодным, ярким и четким небом. — Вдали закипают огоньки, слышен собачий лай и ранний редкий птичий свист.

На ступенях крыльца, перед большим цветником, над раскрытой книгой с картинками, дремлет Герман. Елена, вся в белом, выходит из дверей, некоторое время смотрит на Германа, потом нежно берет его за руку.

Елена

Проснись, Герман! пока ты спал, к нам принесли больного.

Герман *(в полусне)*

Я опять уснул. Во сне — всё белое. Я видел большую белую лебедь; она плыла к тому берегу озера, грудью прямо на закат...

Елена

Солнце на закате и бьет тебе в глаза: а ты всё спишь, всё видишь сны.

Герман

Всё белое, Елена. И ты вся в белом.. А как сияли перья на груди и на крыльях...

Елена

Проснись, милый, мне тревожно, мне тоскливо. К нам принесли больного...

Герман (*просыпается*)

Ты говоришь — больного? Странно, отчего к нам? Ведь здесь никто не ходит, дорога упирается прямо в наши ворота...

Елена

Он совсем больной, какой-то прозрачный, ничего не говорит... только посмотрел на меня большими, грустными глазами. Мне стало жутко, и я разбудила тебя...

Герман

Почему только его принесли сюда, когда к нам нет дороги...

Елена

Милый мой, мне странно, мне дивно, точно что-то должно случиться... Взгляни на него, Герман: он лежит у меня в комнате, на маленьком диване. Точно ангел с поломанным крылом.

Герман

Это сны продолжают.

Елена

Не сны, Герман, а явь. Это страшнее снов. Только бы не заговорил. Точно он пришел звать меня из жизни...

Герман

Не надо так думать, Елена, не бойся. А то и я испугаюсь. Когда живешь уединенно, самые маленькие события кажутся большими... Ведь ничего не случилось, милая. Да и что может случиться?

Елена

Пойди к нему, Герман. Взгляни — и возвращайся ко мне. А если он станет говорить, — не слушай.

Герман

Но ведь ты говоришь, он больной? И молчит? А если бы и заговорил... что нового может он рассказать?

Герман уходит в дом. Елена кружит около цветника. Входит Друг.

Друг

Добрый вечер. Сегодня ваш дом как-то особенно светел. Еще с того холма я увидал ваше белое платье и как будто большие белые крылья у вас за плечами.

Елена

Сегодня к нам в дом принесли больного. Он очень похож на ангела, мне самой казалось, что у него — большие белые крылья.

Друг

Как вы любите сказки, странная женщина. Из самого маленького события устраиваете праздник. И всегда с таким серьезным лицом. Ну, что же, я верю вам: это смешно.

Елена

Вам всегда всё смешно.

Друг

Всё смешно. Ведь я живу во времени и пространстве, а не на блаженных островах, как вы. Люди так тупы, что лучше смеяться, иначе пришлось бы плакать. Только одно не смешно.

Елена

Что?

Друг

Вы знаете... Я люблю вас, Елена.

Елена

Молчите, молчите. Вы говорите уже не в первый раз, но это неправда. Иначе — как же вы можете быть другом Герману?

Друг

Но ведь у вас всё можно. Вы оба совсем не от мира сего. Какие-то необыкновенные...

Елена

Смешные?

Друг

Я сказал: необыкновенные. Я люблю Германа. Но ведь в вас, Елена, вся тайна этого дома. Без вас Герман пропадет. Он безмерно слабый человек. Герман светится вашим светом. Уйди он отсюда — в нем останется только темное...

Елена

Замолчите.

Друг

Молчу... удивительная, необычайная... Так это правда, что Герман уезжает?

Мать Германа выходит на крыльцо. Она — высокая пожилая женщина в черном платье.

Мать

Елена, надо бы зажечь лампадку в комнате Германа. Сегодня я видела во сне...

Елена (*не слушая*)

Герман? Кто это вам сказал?

Друг

Я сам так думал...

Елена

Так вот оно... Где же Герман, отчего он не идет так долго? Мама, мама, где Герман?

Мать

Герман в доме. С больным.

Елена

Говорит?..

Мать

Герман молчит и слушает. А больной говорит слабым и прерывистым голосом, не разобрать что...

В эту минуту Герман выводит больного Монаха из дома и бережно усаживает на ступеньку крыльца.

Монах (*говорит слабым
голосом и тихо улыбается*)

Мир вам и вашему дому. Недаром мне стало легче. Я просил принести меня к вам, потому что издали увидал, что дом ваш светел; светлее всех, стоящих на холмах. А больше никого нет в этом доме?

Елена

Нас только трое: Герман, я и мать.

Монах

Прекрасен Герман, живущий в тихом доме с женой и матерью; ибо дом его светел. Но с далекого холма увидал я над ним большие белые крылья...

Друг (*Елене*)

Вот, и он увидал ваши белые крылья.

Монах

...и подумал, что здесь — Фаина.

Мать

Даже имени такого не знаю.

Елена

Это, верно, монашеское имя?

Монах

Разве вы никогда не слыхали о прекрасной Фаине?

Елена (*задумчиво*)

Никогда.

Монах (*всем с улыбкой*)

Мало же вы знаете. Должно быть, одиноко живете. Весь мир знает Фаину.

Герман

Странное имя: Фаина. Тайна какая-то в нем. Темное имя.

Монах (*с улыбкой*)

И ты, юноша, не слыхал о Фаине?

Герман

Не слышал.

Монах

Мир тебе, Герман. Скоро услышишь. Солнце садится, ветер крепчает. Дайте мне отдохнуть у вас в доме. (*Другу — лукаво.*) Вы мне поможете, удивительный человек?

Мать и Друг уводят Монаха в дом. — Сумерки.

Герман

Какой-то полный сказок день... Продолжение чудесного сна...

Елена

О чем ты думаешь, Герман?

Герман

Правду ты сказала: что-то должно случиться. Снег тает. Теплый ветер. Ночью будут лужи, черное небо и невероятные, огромные звезды: знаешь, как весной?

Елена (*беспокойно*)

Герман, ты говорил с ним?

Герман

Он говорил. Я только слушал. Он проснулся и нежно обнял меня. И показал в окно...

Елена

Что же там?.. в окне?

Герман

Я увидел, что снег сбегает с холмов. Я услышал, как мать в соседней комнате тихо читает: «В любви нет страха. Совершенная любовь изгоняет страх».

Елена

Милый! О чем ты думаешь?

Герман

Я увидел огромный мир, Елена: синий, неизвестный, влекущий. Ветер ворвался в окно — запахло землей и

талым снегом. И еще — будто цветами, хотя ведь нет еще цветов. Солнце закатывалось, и холмы стали красные; а за холмами — синий, мглистый простор, точно большое озеро раскинулось вдаль... Там плыла большая белая лебедь, с сияющими перьями... грудью прямо на закат...

Елена (*радостно*)

Милый! Ты же видел это во сне!

Герман

Наяву, Елена. Я понял, что мы одни, на блаженном острове, отделенные от всего мира. Разве можно жить так одиноко и счастливо? Он рассказывал мне о чудесах мира. А там — весна началась...

Елена (*почти плачет*)

Я слышу тебя, Герман... Но больно...

Герман

Ты сама говорила: проснись. Вот — я проснулся. Мне надо к людям. Он велел идти. Но я вернусь скоро, Елена.

Елена

Верю в тебя. Слышу тебя. Дай мне поплакать одной... (*Уходит в дом.*)

Герман (*становится на колени*)

Господи. Так не могу больше. Мне слишком хорошо в моем тихом белом доме. Дай силу проститься с ним и увидеть, какова жизнь на свете. Сохрани мне только жар молодой души и живую совесть, господи. Больше ни о чем не прошу Тебя в этот ясный весенний вечер, когда так спокойны и ясны мысли. Я верю, что Ты услышал меня. Теперь — я спокоен.

Он встает с колен. Из дому выходит Друг.

Друг

Так вы едете?

Герман

Откуда вы знаете?

Друг

Это хорошо, Герман.

Герман

Почему вы всегда меня поучаете? Я знаю сам.

Друг

Нет, вы мало знаете. Когда мы встретимся с вами — там (*показывает в театр*), вы увидите, что я знаю больше вас. — Очень не нравится мне этот монах.

Герман

Почему?

Друг

Лукавый и сентиментальный, как все монахи. Мне было стыдно слушать, как он издевался над вами.

Герман

Издевался?

Друг

Вы знаете, кто такая Фаина, которой он вас морочил? — Просто-напросто каскадная певица с очень сомнительной репутацией.

Герман (*резко*)

Не знаю почему, только вы иногда бываєте мне противны, мой друг. Когда предстоит решить что-нибудь важное, лучше, чтобы друзья ничего не советовали и держались подальше.

Друг

Какой вы злой, однако. Я не знал. Это мне тоже нравится.

Герман

Что же вам тут может нравиться? Кажется, это не особенно приятно.

Друг

Ну, я вижу, что я здесь — лишний. Надо же вам дать время — посентиментальничать напоследок. До свиданья. (*Уходит.*)

Герман задумчиво бродит по саду. Из дому выходит Елена, вся белая, молодая и легкая.

Елена

Ушел?

Герман

Ушел. — Правда, он всё-таки любопытный человек?

Елена молчит.

Елена

Так это решено, Герман?

Герман

Решено.

Елена

Последнее слово, милый. Останься со мной, если можешь и хочешь. *(Вдруг с каким-то вещим отчаяньем голосе.)* Без тебя я состареюсь скоро. Мать умрет. *(Помаст руки.)* Лилия никогда не взойдет!

Герман

Что с тобой, милая? Ведь я вернусь очень скоро.

Елена

Посмотри: у меня в окне лампада. У матери — лед на стекле, а у меня над окном — уже капель. У тебя — книги. В киоте — померанцевые цветы...

Герман

Не могу, Елена. Ты видишь: весна настала.

Елена

Я знаю, Герман. Но больно...

Герман

Я принесу тебе новые вести.

Елена

Помнишь, ты сам сажал лилию прошлой весной? Мы носили навоз и землю и совсем испачкались. Потом ты зарыл толстую луковичу в самую черную

землю и уложил вокруг дерн. Веселые, сильные, счастливые... Без тебя лилия не взойдет.

Герман

Лилия тебе дороже моей души. Посмотри наверх. Разве не понимаешь ты, что происходит там?

Елена

Когда ты говоришь, всё понимаю. Без тебя — не пойму.

Герман

Слышишь, как поет ветер? Точно — песня самой судьбы... веселая песня. Слышишь? — Господи, как жутко и радостно! А в доме нет ветра и не слышно песни судьбы. Ты слышала, что сказано: «совершенная любовь изгоняет страх»?

Елена

Да, ты говоришь, мать читала эти слова...

Герман

Мать знает сердце сына...

Елена *(вдруг, точно очнувшись)*

Нет! Нет! Я знаю сердце моего возлюбленного! И больше — не боюсь! Если суждено, иди, мой милый, иди, мой царственный! Иди туда, где звучит песня судьбы!

Совсем смерклось. Мать выходит и останавливается на темном пороге.

Мать

Боже мой! Боже мой! Зачем ты уходишь, дитя мое? Увижу ли тебя? Зачем уходишь? *(Садится на порог. Ее лица не видно.)*

Елена

Вот — фонарь. Светлый, как твоё сердце, Герман. Милый, иди. Ты вернешься.

Герман

Прощай, Елена. Прощай, мама. Это не страшно. Я скоро вернусь. Самое трудное — перейти черту. Прощайте. У вас иннок в доме.

Быстро идет к калитке. Елена за ним. Мать на пороге — в страшной тоске.

Елена

Я буду ждать.

И вдруг — точно грозовой весенний ливень: Елена, рыдая, обрушивает руки на плечи Германа.

Герман (*взволнованно*)

Скоро. Скоро.

Она смеется сквозь слезы. Он тихо разнимает ее сильные руки. Поднимает фонарь и, встряхнув головой, начинает быстро спускаться по дорожке. — Бледное лицо Монаха приникло к широкому стеклу и смотрит в ночь; точно больным и выпавшим глазам его нет приюта. — Весенний ветер усиливается, в разрывах черного неба — яркие и крупные звезды. — Елена тихо идет к дому. Пошатывается. Платье белеет.

ВТОРАЯ КАРТИНА

То же место — около дома Германа. Настала глубокая ночь и тишина. Не слышно собачьего лая и птичьего свиста. Острая крыша дома тонет в черном небе. Там несутся испуганные ветром тучи, то застилая, то открывая крупные звезды. Всё погружено в полный мрак, только большое окно Елены открыто. Елена склонилась пробор над работой у лампы, а перед нею сидит больной Монах и смотрит на нее большими грустными глазами. Вся картина подернута нежно-голубой прозрачной кисеей, как будто и дом, и Елена, и Монах — отошли в прошлое.

Елена

Рассказывай дальше, брат. Теперь мой Герман уже в пути.

Монах

Нелегко мне рассказывать дальше, — так томит меня весна. Ну, слушай. — Черная была, весенняя ночь. Над лесистым обрывом широкой реки остановилось зарево от костров, и песни звенели. Слушай, Елена... Высоко, над обрывом стояла статная девушка и смотрела далеко за реку. Как монахиня, была она в черном платке, и только глаза сияли из-под платка. Так стояла она всю ночь напролет и смотрела в далекую Русь,

будто ждала кого-то. Но никого не было там, только заливной луг, да чахлый кустарник, да ветер весенний. Когда же смотрела она наверх, были изломаны гневные черные брови и чего-то просили бледные, полуоткрытые губы... Укрой меня, Елена.

Елена (*укрывает его
платком*)

Ты бредишь, братец.

Монах

Слушай, слушай дальше. — Монастырь стоял на реке. И каждую ночь ждала она на том берегу. И каждую ночь ползали монахи к белой ограде, — посмотреть, не махнет ли рукавом, не запоет ли, не сойдет ли к реке Фаина...

Елена (*бросает работу*)

Фаина? Ты рассказываешь про Фаину! Не надо говорить, не надо...

Монах

Не перебивай меня, слушай. Вечером на селе захлестывало хмелем душу Фаины, и все деда на палатках знали, что пошла она в пляс... Все парни из соседних сел собирались поглядеть, как пляшет, подбодчась, Фаина... Но тоска брала ее среди пляса, и, покидая хоровод, уходила Фаина опять и опять к речному обрыву, долго стояла и ждала кого-то. И только глаза сияли из-под платка — всё ярче, всё ярче...

Елена

Мне странно... Мне дивно...

Монах

И такая грусть обняла меня, Елена. И так я томился, так хотелось мне быть человеком... В черную ночь увидел я багровое зарево над рекой. Это — раскольники сжигались: старая вера встала заревом над землею... И стало на селе Фаины светло, как днем. Ветер гнул деревья, и далеко носились искры, и пламя крутилось в срубах. Из рева псалмов, из красного огня — спустилась Фаина в синюю тень береговую,

и видел я, как дорожка синего серебра побежала за лодкой, как вышла из лодки под монастырем Фаина, оглянулась назад и побежала от родного села в темное поле. Открыв малую дверь в белой ограде, вышел в поле и я. Поклонился земно золотым монастырским главам и побрел в темную ночь. Только не нашел я Фаины, и не приняли меня люди нигде. Долго искал я, и стал я хиреть...

Елена

Не рассказывай больше. Жутко...

Во время последних слов у подножья холма начинает бродить какой-то рассеянный свет, не освещающий окрестность. Елена упорно глядит в окно. За плечом ее — пристальный и печальный взор Монаха. — Внизу появляется фонарик.

Герман (*ощупью ищет
дорогу*)

Никуда не пойду. Там дивно и тревожно. Я сбился с дороги. Здесь были где-то три березы? Ну, сердце, бледный фонарь! Указывай путь!

Он останавливается внезапно, дойдя до столба рассеянного света. Мерещится ли ему, только слабо мерцает, прислонясь у крутого откоса холма, еле зримый образ: очертания женщины, пышно убранной в тяжелые черные ткани; по ним разметаны серебряные звезды, — на плечах и на груди — чаще и мельче, внизу — крупнее; на длинном шлейфе лежит большая алмазная звезда. Лица не видно, только смотрят вперед огромные печальные глаза. Ветер ли пролетел, или дрогнули руки, — фонарь Германа гаснет.

Герман

Кто ты? Живая? Мертвая?

Видение (*невнятно,
как ветер*)

Нет.

Герман

Ждешь кого-нибудь?

Видение

Да.

Герман

Я пойду своим путем.

Видение

Иди.

Герман делает шаг вперед, но незримое препятствие заставляет его отступить.

Герман

Я заблудился у себя в саду. Погас фонарь. *(Смотрит вверх.)* Кажется, я шел оттуда. *(Показывает вдаль.)* Мой дом — там. Так. Я иду своим путем.

Видение медленно уводит его от холма. Он идет ощупью.

Видение *(чуть слышно)*

За мной.

Свет меркнет. Видение исчезает.

Голос Германа *(в темноте)*

Здесь дорога. Слава богу. Это был только сон.

Слышны его удаляющиеся шаги.

Елена *(в окне)*

Точно сейчас панихиду пели. Или мне только снилось? Или это ветер, брат? Или это — весна? Мне страшно, точно что-то случилось с милым. Что же ты молчишь?

Монах ничего не отвечает. По-прежнему он сидит перед нею и печально смотрит в окно.

ТРЕТЬЯ КАРТИНА

Город. Семьдесят седьмой день открытия всемирной промышленной выставки.

Главное здание выставки — гигантский зал. Круглые стекла вверх — как очи дня, но в самом здании — вечная ночь. Электрический свет из шаров матового стекла проливается ослепительными потоками на высокие помосты, загроможденные машинами; стальные тела машин напоминают формами каких-то чудовищных зверей. Здесь собраны: локомотивы последних систем с саженными ведущими колесами, точно врезанные в короткие рельсы; автомобили на толстых шинах, чувствительные к легчайшему толчку; моторные лодки, закинувшие далеко вперед хищные носы, — подобия рас-

пластавшихся морских птиц; земледельческие орудия с протянутыми вверх закаленными остриями; и, наконец, в самой глубине зала, за сетью кольцеобразной и выпрямленной стали, за лесом перекладия и торчащих рычагов, — огромная летательная машина сияет каким-то незнакомым и легким металлом своих простертых к сводам зала крыльев.

Под семью этих крыльев возносится высокая эстрада. Над нею, высоко под куполом, среди гирлянд из живых цветов и зелени, сияет разноцветная надпись: *Дворец Культуры*. Еще выше — мерно шатается маятник часов, загромаждающих полукпола, внимательно полусклоненных над залом.

В противоположном конце — закрытые резные ворота на улицу; по обеим сторонам — красные, расшитые золотом лакеи. Сбоку — входная касса и турникет. У самого входа — правительственное объявление: среди золотых гербов можно разобрать слова: «Территория всемирной выставки неприкосновенна». На всех стенах, столбах и машинах красуются разноцветные афиши с огромной надписью: *Фаина. Песня Судьбы*.

Толпа густою волною проливается в турникет. Среди других проходят Герман с Другом.

Газетчики (музыкальная гамма)

Торжество человеческого гения!
Последние открытия науки!
Клоуны, акробаты, разнообразный дивертиссемент!
Неприкосновенность территории всемирного «Дворца Культуры» обеспечена государством!
Семьдесят седьмой выход знаменитой Фаины!
Знаменитая Фаина исполнит «Песню Судьбы»!
Всемирно известная Фаина!
Фаина, самая красивая дива мира!

Герман (озирается кругом;
его ноздри раздуваются)

Как же вы узнали, что я здесь?

Друг

Как не найти лучшего друга...

Герман

Какой шум! Какая музыка! Какой ветер в этом городе! С минуты, как я вышел из дому, сбился с пути и шел, очарованный этим странным и печальным видением, — не прекращается ветер. Неужели так всегда?

Друг

Всюду ветер.

Герман

Господи, как это хорошо! Всюду — ветер! И всюду — такая музыка! Если бы я ослеп, я слышал бы только этот несмолкающий шум! Если бы оглох, — видел бы только непрерывное, пестрое движение!
(Сжимает кулаки и вытягивает руки, как человек, не знающий, как применить избыток играющей силы.)

Друг

Я вам завидую. Забавно видеть взрослого младенца, для которого всё — внове.

Герман

...И я пришел на городскую площадь...
Какое дымное стояло утро!
И в дымном утре — слабый женский голос
Пел о свободе. Я не мог понять,
Откуда голос и откуда песня.
Я стал смотреть вокруг себя, и поднял
Глаза наверх. И увидал окно,
Заделанное частою решеткой, —
Окно тюрьмы. И тихо поглядели
В мои глаза — спокойные глаза...
Какие светлые! С какою грустью!
Там девушка была...

Друг

Я полагал, однако,
Что вы насмешливей, мудрей и тоньше,
Что вы пришли с иронией сюда,
Чтоб только наблюдать, не предаваясь
Какому-то блаженному лиризму.
Опомнитесь и прогоните жалость.

Герман

Мне только передать хотелось вам
Видения таинственные жизни:
Рассказ о том кровоточивом нищем,
Который протянул за подаяньем
Уродливый обрубок, вместо рук;

О мальчике, попавшем в колесо
Извозчичьей кареты; о безносой,
Которая смотрела на меня
Свинцовым взглядом из-под красных век.
И так — везде. И это — неотступно.
Но жалости не знаю никакой...
А может быть, узнать мне надо жалость?

Друг

Нет, наблюдайте этот мир, смеясь,
И радуйтесь, что вы здесь — гость случайный;
Гоните жалость плетью смеха! Если ж
Разжалобитесь вы, что люди гибнут, —
Тогда я сам над вами посмеюсь!

Герман

О, самому мне ненавистна жалость,
Но также ненавистен этот смех!
То и другое — недостойно жизни:
Всегда жалеть — и мимо жизнь пройдет,
Всегда смеяться — протечет сквозь пальцы!
За смехом и слезами — жизнь влечется,
Как вялый недоносок, бледный сон!
Они — как серый занавес над сценой!
Они — как хмель, скрывающий от пьяниц
Многообразие живого мира!
Я трезвым быть хочу! Вы обещали
Мне пышный пир Культуры показать!

Друг

Да, мы в стенах Дворца Культуры. Надпись
Узорная, как надпись у ворот
Таинственного Дантовского Ада,
Гласит об этом. Мы пойдем в толпу
И будем наблюдать людскую тупость.

Они вмешиваются в толпу.

Толпа

Тише! Тише! Профессор говорит!

Розовый старичок с очками на длинном носу лезет дрожащими
ногами на эстраду.

Старичок

Милостивые государины...

Толпа

Не слышно! Громче!

Кокотка (*шиплет подругу*)

Это он меня называет государиной. Го-го-го!

Девушка (*иностраницу*)

Если вы будете продолжать, я позову полицию...
или дам вам пощечину...

Иностранец (*самодовольно
гладит бритую щеку*)

Территория всемирной выставки неприкосновенна...

Девушка

Нахал!

Старичок (*громче*)

Милостивые государи. В этом главном здании всемирной выставки собраны все продукты новейшей промышленной техники. Вы убедитесь воочию, сколь неутомима деятельность человеческого ума...

Толпа

Ума! Ума!

Старичок

И сколь велика сила человеческого таланта...

Толпа

Таланта! Таланта! О-го-го!

Старичок

Сегодня я произношу в семьдесят седьмой раз слово о торжестве человеческого прогресса. Мы, ученые, можем смело сказать, что наука — единственный путь, на коем человечество преодолевает все преграды, поставленные ему природой. В недалеком будущем, милостивые государи, люди перестанут тяготиться пространством, ибо — вот автомобиль системы Лаунса, пробегающий полтораста километров в час!

Представитель фирмы выступает и расшаркивается.

Толпа

О! О! В один час!

Старичок

Вы видите, что знание опередило веру в чудесное. Нет более чудес, милостивые государи. Вам нечего желать после того, как я познакомлю вас с последним великим открытием...

Толпа

О-го-го! Нечего желать!

Старичок

Перед вами — летательный снаряд, обладающий чрезвычайной силой. Это последнее великое изобретение, сулящее нам в будущем возможность сообщения с планетами...

Толпа

О! О! С планетами!

Старичок

Снаряд этот, обладающий минимальным весом, приготовлен из легчайшего матерьяла. Но, милостивые государи, сила его летательных мышц такова, что своими гигантскими крыльями он легко может раздавить и пожрать человека...

Толпа

О! О! Пожрать человека! О-о-го-го!

Старичок

Сию минуту, господа, движение крыльев будет демонстрировано.

Рабочий нажимает невидимую кнопку, и крылья летательной машины начинают медленно вращаться. Оглушительные аплодисменты. Старичок, поправляя очки, лезет вниз. Немедленно его заменяют на эстраде акробаты и клоуны.

Клоун

Позвольте познакомить вас с последним открытием науки. Нет более чудес, милостивые государи! Сила

моей семьдесят седьмой летательной пощечины такова, что этот человек улетит высоко и исчезнет с горизонта вашего зрения!

Дает печальному человеку в черном фраке звонкую оплеуху. Человек с неизменным лицом переворачивается несколько раз в воздухе и кубарем улетает за эстраду. Рукоплескания, хохот.

Герман

Тупые, точно кукольные люди!
Всё, что я видел, не смешно, а грустно...
Но где же пышность, золото и блеск?

Друг

Вы видите сияющие буквы:
Фаина — вот зачем пришла толпа.

Герман

Фаина? Где же дивная Фаина?
Который раз мне говорят о ней,
А я себе представить не умею
Ее лица: оно как будто тенью
Закрывается от меня... И кто она?

Друг

Какая-то каскадная певица,
Сумевшая привлечь к себе толпу...

Герман делает нетерпеливое движение. На эстраду входит оратор.

Оратор

Граждане! Территория всемирной выставки свободна и неприкосновенна! Здесь, в царстве прогресса и человеческого гения, я обращаюсь к вам, как к братьям, с речью о погибающем брате! Час тому назад раскрыт заговор величайшей государственной важности. Руководителю уже вынесен смертный приговор. Но, по законам нашей свободной страны, граждане, каждый из нас имеет право заявить о своем желании быть казненным вместо преступника. Я взываю, братья, к вашему великодушию! Кто из вас отдаст жизнь за осужденного брата? (*Молчание.*) Братья-граждане! Дело идет не о жизни и смерти! По всей вероятности, правительство свободной страны помилует того, кто захочет благородно пожертвовать жизнью! Оно помилует

~~преступники догнать нас не дадут~~
~~нам~~. В этом воздухе свободной
науки и борьбы, братья, мы живем
сердцем. Кто из вас
~~не~~ поставит свою жизнь на
карту за осужденного брата?

Слово.

Братья - граждане! Это дело
не о жизни и смерти. Правим
свободной страной, но всею
истинно, помыслим ~~о~~ того,
кто ^{задерживает} ~~до~~вольноно отдаст свою
жизнь, во имя благородного
сердца. ~~Они~~ ^{Но} помыслим
и преступника, которому

и преступника, которому достаточным наказанием послужит самоотверженность брата. (*Гул. Отдельные возгласы.*) Я не скрываю, граждане, что есть опасность. Ибо брат наш посягнул на благосостояние самого государства...

Молчание. Подождав немного, оратор сходит с трибуны. Все становятся к нему спиной, пока он расчищает себе дорогу.

Г о л о с к о к о т к и

Что ж ты сам не пойдешь!

Г е р м а н (*бледный*)

Его казнят... Что меня удержало?

Д р у г (*смеясь ему в лицо*)

Любопытство.

Г е р м а н

Нет! Клянусь вам, нет!

Д р у г

Что с вами? Неужели вам не смешно?

Г е р м а н (*сосредоточенно*)

Господи! Что же? Предал? Совесть, совесть... (*Поднимает голову.*) Нет! Чистая совесть... (*Овладевает собой.*) Вы должны показать мне Фаину. Где она? Мне больше ничего здесь не надо...

Д р у г

Успокойтесь, она скоро появится на эстраде. Вы подозрительно интересуетесь ею.

Безумный человек (*врывается*)

Фаина! Фаина! Здесь Фаина! Здесь прошла!

Т о л п а

Фаина! Здесь? Фаина? Я не видал! Здесь?

С того конца зала, где движутся крылья машины, раздается короткий вой.

Что? В чем дело? Человека раздавили? Машина раздавила человека!

Сквозь толпу пробирается медицинский персонал.

Дама (передергиваясь)

Как это больно, должно быть...

Галантный доктор

О, нет, сударыня, нисколько: без следа...

Герман, удерживаемый Другом, бросается к выходу. Но уже с улицы доносится сначала смутный, потом разрастающийся гул и рев. Крики: «Фаина! Фаина!» Герман сжат толпой, которая, отхлынув, оставляет широкий путь посредине.

Теперь виден в толпе грузный человек в широкой шляпе. Это — печальный Спутник певицы. Он на целую голову выше других, ходит тяжелой поступью и смотрит только на Фаину.

Красные лакеи распахивают настежь ворота Дворца Культуры. Там появляется огромный черный автомобиль, украшенный розами. Он медленно и бесшумно подплывает к эстраде. При несмолкаемом реве толпы в стенах и за стенами Дворца, в волнах восторженных взоров мужчин и завистливого женского ропота, — выходит из автомобиля и тихо всходит на эстраду — Фаина. Она — в простом черном платье, облегающем ее тонкую фигуру, как змеинная чешуя. В темных волосах сияет драгоценный камень, еще больше оттеняя пожар огромных глаз. В руке — длинный бич. Не кланяясь, не улыбаясь, Фаина обводит толпу взором и делает легкий знак бичом.

Толпа безмолвна.

Фаина поет Песню Судьбы — общедоступные куплеты, — сузив глаза, голосом важным, высоким и зовущим. После каждого куплета она чуть заметно вздрагивает плечами, и от этого угрожающе вздрагивает бич.

Песня Судьбы

Когда гляжу в глаза твои
Глазами узкими змеи
И руку жму, любя,
Эй, берегись! Я вся — змея!
Смотри: я миг была твоя,
И бросила тебя!
Ты мне постыл! Иди же прочь!
С другим я буду эту ночь!
Ищи свою жену!
Ступай, она разгонит грусть,
Ласкает пусть, целует пусть,
Ступай — бичом хлестну!
Попробуй кто, приди в мой сад,
Взгляни в мой черный, узкий взгляд,
Сгоришь в моем саду!
Я вся — весна! Я вся — в огне!

Не подходи и ты ко мне,
Кого люблю и жду!
Кто стар и сед и в цвете лет,
Кто больше звонких даст монет,
Приди на звонкий клич!
Над красотой, над сединой,
Над вашей глупой головой —
Свисти, мой тонкий бич!

Когда Фаина копчает Песню, несколько мгновений — тихо. Потом —
гром рукоплесканий. Герман пробивается к оркестру и, воодушевившись,
говорит всё громче.

Герман

Я не могу и не хочу терпеть!
Так вот каков великий пир Культуры!
Там гибнут люди — здесь играют в гибель!
Здесь песней золотою покупают
Достоинство и разум, честь и долг...
Так вот куда нас привели века
Возвышенных, возвышенных мечтаний?
Машиной заменен пытливый дух!
Высокая мечта — цыганкой стала!
Пылали страсти! Царственная мысль,
Как башни шпиль, до неба достигала,
В бесчисленных горнах плавилась душа...
И хор веков звучал так благородно
Лишь для того, чтобы одна цыганка,
Ворвавшись в хор, неистовым напевом
В вас заглушила строгий голос долга!
(Вскакивает на высокую ступень.)

Ты отравила сладким ядом сердце,
Ты растоптала самый нежный цвет,
Ты совершила высшее кощунство:
Ты душу — черным шлейфом замела!
Проклятая! Довольно ты глумилась!
Прочь маску! Человек перед тобой!

Фаина выпрямляется и вся становится тонкой и высокой, как
бич, спущенный в ее пальцах.

Фаина

Не подходи.

Герман вскакивает на оркестру. Взыгравшийся бич сухим плеском
бьет его по лицу, оставляя на щеке красную полосу.

Каким-то случайным движением Герман падает на колени и смотрит на Фаину.

В зале стало тихо. Вызывающая улыбка на лице Фаины пропадает. Рука с бичом упала. Взор ее далек и бесконечно печален.

Фаина

Бедный.

И, не забыв поднять свой черный шлейф, Фаина идет за кулисы походкой любимицы публики. В ту же минуту пропадает в толпе печальный Спутник ее, внимательно следивший за происходящим.

Друг (в толпе, со свойственной ему серьезностью)

Се человек.

Толпа уже отвлечена слухом о казни.

ЧЕТВЕРТАЯ КАРТИНА

Огромная уборная Фаины освещена ярко и убрана роскошно и нелепо: загромождена мебелью, саженными венками и пестрыми букетами. В разных местах сидят ожидающие Фаину писатели, художники, музыканты и поэты. Зеркала удваивают их, подчеркивая их сходство друг с другом.

Писатель

Господа! В ожидании прекрасной хозяйки, предлагаю вам устроить устное словопрение о качествах ее — явных и скрытых!

Все (хихикают, один мерзее другого)

Охотно! Извольте! Вот прекрасно!

Писатель (становится среди уборной в позу)

Внимание! Я начинаю! — Наподобие древнего певца, прославлявшего, согласно обычаю, красоту и славу мира сего... Но, господа: древнему певцу прежде всего надлежало воздать хвалу своему повелителю, пред лицом которого он имел честь прославлять красоту. В наш просвещенный век, господа, уже не существует повелителей... *(Многозначительно улыбается; общее одоб-*

рение; белобрысый юноша аплодирует, кричит и брызжет слюнями.) Тем не менее, я вижу среди нас нашего маститого Ивана Ивановича... Предлагаю вам, господа, почтить высокоуважаемого Ивана Ивановича безмолвным вставанием, ибо аплодисменты здесь неуместны.

Все встают и кланяются. Белобрысый юноша перегибается вдвое.

Знаменитый писатель

Я тронут. Право, это некстати, господа! Здесь, — в храме красоты и прогресса, мы все равны. Вы застигли меня врасплох, я извиняюсь за неудачный экспромт. Там, за стенами этой уборной — шумное пиршество культуры. Если там, где гудит радостная толпа, приветствуя завоевания человеческого духа, — нет более рангов, как справедливо заметил мой младший коллега, — то тем более здесь, в уборной самой красоты, мы все равны... Итак, господа... да здравствует красота!

Все (режут)

Да здравствует красота! Да здравствует Иван Иванович!

Пьяненький журналист затягивает «со святыми упокой», но его усовещивают. — Белобрысый юноша быстро пишет в книжке.

Юноша

Завтра — в «Луч Истины»! Послезавтра — все перепечатают!

Писатель

Воздав должное гению нашего маститого Ивана Ивановича, я начинаю восхвалять красоту... За неимением лиры, беру сей стул! За отсутствием котурнов, встаю на табурет...

Репортер

Он всегда отличался остроумием...

Другой писатель

Вот и заврался, голубчик! Котурнов-то тогда и не носили!

Писатель

Ну, вот, не всё ли равно... Помешал... свинья... испортил настроение... *(Ворча, слезает с табурета.)*

Все

Продолжайте! Продолжайте! Только что стало весело.

Знаменитый писатель

Я повторяю, господа: все мы равны. Оставим личные счета. Здесь не к чему делать исторические справки, это могло бы составить предмет особого доклада. Кто желает нарушать наше веселье, пусть удалится отсюда...

Человек в очках

Господа, мы говорили здесь о Фаине. А знает ли хоть кто-нибудь из нас серьезно, кто такая Фаина?

Писатель

Только уж, ради бога, не серьезно... Вы всех уморите... Он имеет обыкновение говорить не менее двух часов подряд...

Другой писатель

Не любо — не слушай...

Знаменитый писатель

Позвольте-с. Здесь говорят все, без различия направлений. Пусть и символисты выскажутся по интересующему нас вопросу.

Человек в очках

Когда я смотрю на Фаину, мне часто приходит в голову: почему это сюда допускаются только писатели, художники, артисты, — а не допускаются простые смертные...

Писатель

Вон куда он метит! Это, значит, обличительная речь!

Другой писатель

Оставьте его. Ведь он, в конце концов, сам себя высечет...

Человек в очках

Может быть, мои слова будут не всем приятны. Право, господа, все мы ужасно односторонни и не видим лица самой жизни. Мы слишком много пишем, говорим, спорим...

Писатель

Так вы бы и не спорили...

Другой писатель

И не писали...

Третий писатель

Я говорил, что он сам себя высечет!

Человек в очках

Мне хотелось бы всё-таки договорить. — Вам не понять Фаину...

Писатель

Где уж нам...

Человек в очках

Она принесла нам часть народной души. За это мы должны поклониться ей в ноги, а не смеяться. Мы, писатели, живем интеллигентской жизнью, а Россия, неизменная в самом существе своем, смеется нам в лицо. Эти миллионы окутаны ночью; еще молчат их дремлющие силы, но они уже презирают и ненавидят нас. Они придут и, знаю, принесут неведомые нам строительные начала. Останется ли тогда какой-нибудь след от нас? Не знаю. В моей душе разверзается пропасть, когда я слушаю песни Фаины. Эти песни, точно костры, — дотла выжигают пустынную, дряблую, интеллигентскую душу. Слушая ее голос, я чувствую, как слаб и ничтожен мой голос. Может быть, уже пришли люди с новой душой, и прячутся где-нибудь среди нас, неприметно. Они ждут только знака. Они смотрят прямо в лицо Фаине, когда она поет Песню Судьбы. Вы не слушайте слов этой песни,

вы слушайте только голос: он поет о нашей усталости и о новых людях, которые сменяют нас. Это — вольная русская песня, господа. Сама даль, зовущая, незнакомая нам. Это — синие туманы, красные зори, бескрайные степи. И что — слова ее песни? Может быть, она поет другие слова, ведь это мы только слышим...

Писатель

Ишь, какой символ загнул.

Другой писатель

И вовсе это не символ, а плохая аллегория. Наш почтенный коллега не принадлежит к видным представителям символизма...

Знаменитый писатель

Недурно. Интересно. Хотя немного отвлеченно и туманно. Впрочем, я обратил бы этот упрек ко всей новой школе. Побольше бы красок, сочности, жизни...

Человек в очках

Ведь я и говорил о недостатке жизни...

Писатель

Довольно, довольно!

Человек в очках (*скромно
садится в угол*)

Я кончил. Извиняюсь, что долго утруждал внимание.

Другой писатель

Противный ломака. А он таки сделает карьеру.

Художник

Господа, я занимаю место выбывшего из строя оратора. К чему мне лира и котурны, символы и настроения? Я — только художник. Итак, я буду иметь удовольствие рассказать вам, как и при каких обстоятельствах мне привелось...

Лакей (*в дверях*)

Госпожа Фаина не очень здорова и просит не тревожить ее сегодня.

Общий галдеж

Ну, вот еще! — Не в первый раз! — Я не уйду! —
Не прогонит же она!

Знаменитый писатель

Скучно, господа, о, как скучно. Все вы ссоритесь
по пустякам... Я ухожу. *(Надевает калоши и шляпу,
уходит. Все некоторое время молчат.)*

Писатель

А он знает, когда уйти.

Другой писатель

Не прогадает. Не уйти ли и нам? Говорят, ве-
ликие писатели знают всё, что будет, надолго вперед.

Писатель

Да ну, сиди. То — великие, а мы — невеликие. Про-
гонит, — так и ладно, а не прогонит, — так он же
и останется в дураках.

Однако все волнуются. Один молчаливый поклонник, который всё
время вертел в руках коробку пудры с туалета Фаины, роняет
ее. Пудра поднимается облаком. Все хохочут, стараясь скрыть
испуг.

Поэт

Она и так не в духе. Что же нам делать? Разве
подобрать, господа?

Писатель

Подбирайте сами.

Поэт разыскивает щетку и начинает мести.

Другой писатель

Он выметает сор из храма...

Художник зарисовывает прилежно метущего поэта в альбом. Му-
зыканты мурлыкают что-то, обнявшись. Все стараются принять не-
принужденные позы. Открывается дверь, и порывисто входит Фаина.
Между бровями у нее — гневная складка. Она останавливается
среди комнаты, швырнув в угол бич. Все вскакивают.

Фаина

Что это за люди? Я велела не принимать.

Писатель (*подобострастно*)

Писатели, художники, поэты осмеливаются тревожить вас...

Фаина (*гневно*)

Писатели? Художники? Поэты? — Вон!

Писатель

Но, лучезарная...

Фаина (*топает ногой*)

Вон.

Вся компания, согнув спины, неловко выползает в дверь.

Фаина

Старуха! Туши огни.

Она садится в кресло перед большим зеркалом. Сбоку, из маленькой двери, выходит старая старуха и тушит огни, оставляя только один — над зеркалом.

Старуха

Ханть будут тебя, дитятко, ханть будут...

Фаина

А, ну их! Пусть хают. Очень надо. — Ох, устала я, старуха... Так устала... Не глядеть бы глазам моим... Расчесывай волосы. Рассказывай сказки.

Старуха (*расчесывая темные волосы Фаины, рассказывает привычно дребезжащую сказку*)

«Как с далекого синего моря выплывала белая лебедка с девичьим ликом. Выплывала она из терема по вечерней заре, в кудри черные жемчуга впутаны, крылья белые, как пожар, горят»...

Фаина

Дальше. Про лебедь я знаю.

Старуха

«Как из дальней пристани выбегали корабли, тридцать три острогрудых корабля. Как на первом ко-

рабле — добрый молодец, и стоит он под ветрилом шахматным»...

Фаина

Под шахматным ветрилом? Вот это я люблю.

Старуха

«На черных кудрях — шапочка заморская, а на статных плечах — кафтан расписной. Щеки румяные, а губы — что малина»...

Фаина

Ну, кончай скорее.

Старуха

«Как завидел добрый молодец лебедь белую, загорелся весь. Говорит он белой лебеди: а и станешь ли, лебедь белая, молодой женой добру молодцу? Как сказалось, так и сделалось»...

Фаина (*разочарованно*)

Так и сделалось?

Старуха

«...Так и сделалось. Обернулась лебедь белая — чудной девицей — раскрасавицей, ни дать ни взять — Фаина прекрасная. А и взял он ее за белые руки»...

Фаина

Ах...

Старуха

«...И увез он ее за море, и поставил ей терем среди бела вишенья, и постлал ей перину пуховую»...

Фаина

Молчи, старуха. Не знаешь новых сказок, так молчи.

Фаина опускается в кресле и бледнеет. Лицо у нее теперь простое, почти — детское: лицо прекрасной женщины, которая устала и не хочет нравиться.

Тихо, никем не замеченный, входит Герман с кровавой полосой на щеке. Он останавливается в самом темном углу, смотрит на Фаину сзади и слабо отражается в зеркале. Но зеркало заслонено старухой, и Фаина не видит Германа.

Фаина

Рассказала бы сама, да словами сказать не умею. А хорошая сказка: как весна была, ветер плакал, а молодлица на берегу ждала... И плывет к ней на льдине такой светлый... так и горит весь, так и сияет... будто сам Иисус Христос... Только вот — слов не подобрать... *(Задумывается.)* Верно, скучают без меня парни... А мне их не надо. Никого мне не надо. Стояла над рекой, да ждала... Люблю я свою реку, старуха...

Старуха

Река хорошая, полноводная...

Фаина *(смотрит в зеркало)*

Давай погадаем, как, бывало, гадала на Святках, — не увижу ли в зеркале жениха? Только у меня тогда такого зеркала не было... Нет, не вижу... Отойди, старуха: тебя только и вижу за собой. Какая ты старая, сморщенная...

Старуха *(отходит)*

Старая, дитятко, старая...

Фаина *(всматривается)*

Не обмани, зеркало: кого увижу, тот и будет жених. *(Вскрикивает.)* Господи!

Старуха

Что ты, дитятко?

Фаина

Вот страшно, родная, вот страшно...

Старуха

Что ты, что ты, господь с тобой...

Фаина

Смотри, старуха: видишь, какой стоит? На щеке — черная полоса. С нами крестная сила! Не хочу такого!.. Не хочу!.. *(Герман делает шаг вперед.)* Смотри, идет, идет... Ах, вот что! *(Ее глаза загораются гневом; она оборачивается.)* Кто тебя впустил?

Герман

Сам пришел.

Фаина

Как же ты посмел?

Герман

Хочу смотреть на тебя.

Фаина

Хочешь — ударю еще?

Герман

Бей.

Фаина *(встает)*

Вот какой ты? Кто же ты такой?

Герман

Человек.

Фаина

Человек? В первый раз слышу. — У тебя лицо в крови.

Герман

У меня — сердце в крови.

Фаина

Так ты — человек? Хорошо, посмотрим. *(Она берет его за руку и с минуту пристально смотрит ему в глаза; он выдерживает взгляд этих огромных, безумных и тайне печальных глаз.)* Влюбился? А если мне с тобой скучно станет?

Герман

Скучно станет — прогонишь. — Я много понял. Тут всё только и начинается. С тех пор, как ты ударила меня бичом.

Фаина *(с улыбкой)*

Что начинается-то? Как влюбился... а за что? Я своего лица не люблю: видишь, какая я усталая,

бледная. В меня только издали влюбляются. — А подойдут, и сейчас прочь отойдут. Да разве в меня можно влюбиться? Я — случайная.

Герман

Ты — вечная. Как звезда.

Фаина *(смеется)*

Как звезда. Звезда падучая... Ну, прости, что я тебя ударила... иди...

Герман

Куда я пойду?

Фаина задумалась. Герман отходит к двери.

Фаина

Куда ты?

Герман

Ты велела уйти.

Фаина *(встает)*

А может быть, я всё неправду сказала! Ты думаешь, правда, я не люблю своего лица? Думаешь, мало мне руки целовали? Миллион раз. Только я — не хочу. Мне надо просто, ласково. Как молитва. Никто не достоин!

Герман *(тихо)*

Прощай.

Фаина

Постой. Ты боишься меня? Подойди... вот сюда... сюда... У тебя в глазах что-то... простое: как ни у кого... *(Она поворачивает Германа за плечи и смотрит ему в глаза смеющимися, суженными глазами. Он закрывает глаза. Тогда она обвивает его шею руками и с жадным любопытством целует в губы.)* Ну, поцеловала, и что же? Больше ничего! А ты думал, что-нибудь? Эх, ты!

ПЯТАЯ КАРТИНА

Широкий пустырь озарен осенней луной. — На втором плане — какое-то заколоченное здание. Вокруг пятна лунного света.

От здания к первому плану спускается пологая площадь, на которой разбросаны груды щебня, кирпичи и бревна, а местами растет пышный осенний бурьян. За углом здания открывается просторная даль.

Бесконечная равнина. Кой-где блещат вдоль речного русла тихие заводи — след частых осенних разливов; за купами деревьев серебрятся редкие кресты церквей. Где-то вдаль — сигнальные семафоры, сменяющие зеленые и красные огни, указывают направление железнодорожной линии. Оттуда изредка доносится глухой рокот и свист ползущего поезда. За полями — светлые осенние леса и тихое зарево очень далекого пожара. На горизонте — неясные очертания фабричных труб и городских башен. Справа — часть резной решетки парка с калиткой. За нею — сквозь бледное золото кленов серебрятся осенние пруды и в глубине, полускрытый в камышах, покачивается сонный белый лебедь.

При поднятии занавеса некоторое время стоит тишина. Издали доносится пение раннего петуха. Проползает поезд. И опять тишина. Потом набегает ветер, клонит колючий бурьян, шуршит в крапиве и доносит звон колокольчика, торопливое гремяхание бубенцов и конский топ. Где-то близко останавливается тройка.

Через минуту, на фоне необъятной дали и зарева, является Фаина. Несколько времени она стоит и смотрит вдаль. Ее волосы закрыты черным платком, а зарево — как сияние над головою. На ней — праздничное русское платье, похожее на сарафан.

Фаина возбуждена чем-то, бледна, глаза пылают. Она рвет и мнет алые ленты у пояса под набегающим ветром.

За Фаиной идет ее огромный, грустный Спутник, в сером пальто, в широкой мягкой шляпе, с толстой тростью в белой руке. Движениями, костюмом, осанкой он напоминает императора или знатного иностранца, пожелавшего посетить инкогнито чужую, дружественную страну. Когда он садится, тяжело дыша, на большой камень среди пустыря, борода его опускается низко, а на руке, держащей трость, переливается в лунном свете драгоценный перстень.

Фаина (*бродит, волнуясь,
среди бурьяна*)

Сплю на лебяжьем пуху — забываю всё на свете! Скачет тройка, — еще можно дышать, пока ветер свищет в лицо! А проснешься или приедешь куда-нибудь, — нечего с собой делать! Ни сна, ни ветра, — ничего! Ветер, ветер! Вы-то знаете, что такое ветер? Господи! Вы не можете сделать шагу, чтобы не сесть!

Спутник (*просто*)

Я устал.

Фаина (*нервно обрывает
листья*)

Мне что за дело! Вы исполняете мои прихоти, вы катаете меня на тройках, а что еще можете вы для меня сделать? Разве вы — мужчина? Посмотрите, какова я из себя? Со мной всякий на край света убежит! Вот возьму, да уйду от вас...

Спутник (*тяжело поднимает
голову*)

Я знаю, что вы давно думаете об этом, Фаина. Но что же мне делать? Мы непохожи друг на друга. Может быть, за то я и люблю вас такой безнадежной любовью. (*Опять опускает голову.*)

Фаина

Вы меня любите? За такую любовь — бьют! Смотрите, какая ночь! Даль зовет! Смотрите — там пожар! Гарью пахнет! Везде, где просторно, пахнет гарью!

Садится на краю обрыва, обняв колени, и смотрит вдаль, колдуя очами.

Спутник

Фаина, роса большая. Вы потеряете голос.

Фаина (*не оборачиваясь*)

Оставьте меня. (*Говорит, обращаясь в пространство.*) Жених мой! Статный, русский, дивные серые очи! Приди, взгляни. Долго ждала тебя, все очи проглядела, вся зарей распылалась, вся песнями изошла, вся синими туманами убралась, как невеста фатой.

Спутник

С кем вы говорите, Фаина?

Фаина (*не обращая на него
внимания*)

Жених мой, приди ко мне, суженый, погляди на меня! Погляди ты в мои ясные очи, они твоей бури ждут! Послушай ты мой голос, голос мой серебряной речкой вьется! Разомкни ты мои белые ручки, тяжкий крест сыми с моей девичьей груди! (*Простирает руки над обрывом.*) Они так рано будят

меня, как черное воронье, вьются надо мной и не дают мне спать. А ты хоронишь меня от всех напастей, никому не даешь прикоснуться, сказки мне говоришь, и лебяжью постелю стелешь, и девичьи мои сны сторожишь. Тебя, светлый, жду, бури жду, солнца красного жду! Встань, солнце, развей туманы, светлым ветром разнеси!

Спутник встает с камня и поднимает шляпу со лба. Видно его лицо: отекавшее, со следами былой красоты; на нем самая яркая буря не пробудит ничего, кроме тупого страдальческого волнения.

С п у т н и к

Фаина... Вы гениальны...

*Фаина (простерла руки над
обрывом и бормочет в вещем сне)*

В ту ночь, когда горели деды, за красным пламенем привиделся ты мне на том берегу. И бросилась я в поле, себя не помня, всю душу тебе отдала, все песни мои на волю пустила, как птица, летела всю ночь, всю ночь... Мало тебе этого? Ты обманул меня. Когда пою я бесстыжую песню, разве я эту песню пою? О тебе, о тебе пою! Мало тебе, что люди — как рабы передо мною? Рукой махну — золотом осыплют, на смерть пошлю — и на смерть пойдут? Мало тебе, что берегу себя, как зеницу ока, что воли не даю красоте своей, что мимо всех смотрю? Или не слышишь? Ветер осенний, донеси голос мой! Река разливная, донеси милому весть обо мне!

С п у т н и к *(с волнением)*

Фаина, милая, успокойтесь... вы расстроены... Вам надо отдохнуть...

Фаина (заломив руки)

Боже мой! Ты слышишь — он уводит меня! Старый, тихий, властный — опять уводит меня! Услышь меня! Услышь! Освободи!

Останавливается и ждет. Ее голос, прозвев где-то серебряным эхом, замирает.

С п у т н и к *(бережно)*

Фаина...

Фаина (в страшном гневе)

Никогда!.. Я говорю вам: никогда! Я жизнь мою проспала! Не буду спать всю ночь! Мне вас не надо! (*Бросается на землю.*) Родимая! Родимая! Бури! Бури! Или — тишины! Дай тишины, черной твоей, тишины твоей несмутимой! (*Встает с сверкающими алмазами слез в очах.*) Вон там, за решеткой... тихо... белый лебедь спит... — Слушай! (*Гневно топает ногой.*) Ты придешь. Ты найдешь меня! Бросаю тебе мою алую ленту!

Порывисто срывает алую ленту от пояса и бросает ее вниз с обрыва. Потом быстро идет к решетке, открывает калитку и углубляется в парк. За ней — тяжело идет грустный Спутник.

Тишина. Далекий рокот поезда. Луна бледнеет. Заря. Петухи начинают переключку — всё дальше, всё дальше. Утренник налетает, шелестя всё смелей и вдохновенней. — И медленно возрастая и ширясь, поднимается первая торжественная волна мирового оркестра. Как будто за дирижерским пультом уже встал кто-то, сдерживая до времени страстное волнение мировых скрипок.

Подымаясь на откосе, легким прыжком вскакивает на то место, где колдовала и звала Фаина, Герман. Шрам от удара бича еще заметен на его озабоченном лице; в расширенных глазах — предчувствие бури. Как Фаина, он встает над откосом и смотрит вдаль.

В руках у него — алая лента.

Через мгновение взбирается на откос, пожимаясь от утреннего холода, Друг Германа.

Герман

Утро! Утро!

Друг

Когда вы утомитесь, наконец? Таскаете меня за собой всю ночь по каким-то пустырям и тычете в нос красотами природы, когда мне смертельно хочется спать...

Герман

Хотел бы я знать, кто уронил красную ленту? Какая алая лента — как заря! И пахнет свежими духами!

Друг (посмеиваясь)

Должно быть, какая-нибудь прекрасная незнакомка оставила вам ленту. Вы очень возмужали и похорошели, Герман; пожалуй, певица не стала бы теперь целкать вас бичом...

Герман

Вы и над этим смеетесь, будто не знаете, как это важно для меня. Не лицо, а всё сердце облилось кровью. Сердце проснулось и словно забилося сильнее... Я услышал тогда волнующую музыку — она преследует меня до сих пор: с каждым восходом солнца — всё громче, всё торжественней. По ночам я просыпаюсь внезапно, и чей-то голос говорит мне: «ты избран, ты избран». И больше я уж не могу уснуть: я блуждаю по улицам очарованный, я бросаюсь в поле, в эту пьяную осеннюю гарь! Так проходят дни и недели, — и душа как шумный водопад! Если бы знать, куда направить ее силу! Я не знаю! Знаю, сколько дела, и не умею начать, не умею различить! И опять — тот же голос шепчет, остерегая, что утро не наступило, что туман не поднялся, что нельзя различить в тумане добро и зло... но я хочу! Боже мой! Какая страшная радость, какое тяжелое бремя — этот хмельной, голодный, вечно влюбленный дух!

Налетает ветер и пригибает бурьян, — и скрытый на мгновение за склоненным бурьяном Друг говорит смеющимся вызывающим голосом.

Друг

Вечно влюбленный дух. Берегитесь, Герман. Вы ушли из дому. Вас ждет жена. Эй, Герман, чиста ли ваша совесть, с которой вы так носитесь?

Герман (вздрагивает)

Я забыл, что вы здесь. — Какой у вас иногда страшный голос! Я не вижу вас — где вы? — Ах, это ветер спрятал вас в бурьяне... Да, я ушел из дому, я понял приказание ветра, я увидел в окно весну, я услышал песню судьбы! Разве преступно смотреть в окно?

Друг

Берегитесь, Герман.

Герман

Не испугаете больше, — вижу вас, знаю вас давно. Я бежал от нее! Я бежал от ее поцелуя! Бежал, падал, и опять бежал, — и вот забыл ее! Не помню ее лица! Не помню даже этих страшных глаз!

Друг радостно хохочет. И ветер хохочет с ним вместе.

Друг

Однако вспомнили глаза! Правда — красивые глаза?

Герман

Вы не понимаете меня! Вы думаете, что я — раб? Нет, я свободный! Я не знаю только, куда идти, но все пути свободны!

Друг

И вы пойдете всеми зараз...

Герман (*кричит*)

Я верен! Я верен! Никто не смеет заикнуться об измене! Вы ничего не понимаете! Путь свободен, ведь здесь только и начинается жизнь! Здесь только и начинается долг! Когда путь свободен — должно неминуемо идти. Может быть, всё самое нежное, самое заветное — надо разрушить! Ведь и весна разрушительна: весной земля гудит, зори красные, синий туман в лощинах. Слышите, — я должен был уйти из этого тихого дома, от этого безысходного счастья! Потому что ветер открыл окно, монах пришел, сны приснились, незнакомое ворвалось, — не знаю, не знаю...

Друг

Вы так горячо спорите, точно не уверены в себе или хотите оправдаться. Я ведь не обвиняю вас, я приветствую вашу беспринципность...

Герман

Вы ничего не знаете, ничего! Я не один! Я ушел не во имя свое! Меня позвал ветер, он спел мне песню, я в страшной тревоге, как перед подвигом!.. Сердце горит и ждет чего-то, о чем-то плачет, но уже торжествует, заранее торжествует победу. И как будто вся вот эта необъятная ширь — заодно с моим сердцем, тоже горит, и тоскует, и рвется куда-то со мной заодно!

Друг

О чем вы беспокоитесь, не понимаю. Вы страшно заняты собой, вы не находите себе места, вы из кожи лезете, — к чему всё это?

Герман (с возрастающей
страстью)

Вы спрашиваете — к чему? Считайте меня за сумасшедшего, если хотите. Да, может быть, я — у порога безумия... или прозрения! Всё, что было, всё, что будет, — обступило меня: точно эти дни живу я жизнью всех времен, живу муками моей родины. Помню страшный день Куликовской битвы. — Князь встал с дружиной на холме, земля дрожала от скрипа татарских телег, орлиный клекот грозил невзгодой. Потом поползла зловеющая ночь, и Непрядва убралась туманом, как невеста фатой. Князь и воевода стали под холмом и слушали землю: лебеди и гуси мятежно плескались, рыдала вдовица, мать билась о стремя сына. Только над русским станом стояла тишина, и полыхала далекая зарница. Но ветер угнал туман, настало вот такое же осеннее утро, и так же, я помню, пахло гарью. И двинулся с холма сияющий княжеский стяг. Когда первые пали мертвыми чернец и татарин, рати сшиблись, и весь день дрались, резались, грызлись... А свежее войско весь день должно было сидеть в засаде, только смотреть, и плакать, и рваться в битву... И воевода повторял, остерегая: рано еще, не настал наш час. — Господи! Я знаю, как всякий воин в той засадной рати, как просит сердце работы, и как рано еще, рано!.. Но вот оно — утро! Опять — торжественная музыка солнца, как военные трубы, как далекая битва... а я — здесь, как воин в засаде, не смею биться, не знаю, что делать, не должен, не настал мой час! — Вот зачем я не сплю ночей: я жду всем сердцем того, кто придет и скажет: «Пробил твой час! Пора!»

В глубине парка мелькает черный платок Фаины. Дымятся утренние пруды. В камышах поднимает голову разбуженный лебедь и кричит трубным голосом навстречу восходящему солнцу. Фаина идет. Движения ее неверны, точно ее захлестнуло смертной тоской, и нет ей исхода, как грозовой туче; ее несет певучий, гнуший бурьян, утренний ветер. Лебедь кричит и бьет крылами. Наполняя воздух страстным звоном голоса, вторит ему Фаина.

Фаина

Приди ко мне! Я устала жить! Освободи меня!
Не хочу уснуть! Князь! Друг! Жених!

Весь мировой оркестр подхватывает страстные призывы Фаины. Со всех концов земли набегает волны утренних звонов. Разбивая все оковы, прорывая все плотины, торжествует победу страсти всё море мировых скрипок. В то же мгновение на горизонте, брызнув над лиловой полосой дальних туч, выкатывается узкий край красного солнечного диска, и вспыхивает всё золото лесов, всё серебро речных излучин, все окна дальних деревень и все кресты на храмах. Затопляя сиянием землю и небо, растет над обрывом солнечный лик, и на нем — восторженная фигура Германа с пылающим лицом.

Фаина близится, шатаясь, как во хмелю, и в испуге поднимает руки.

Фаина

Здравствуй!

Герман

Ты хлестнула меня бичом. Ты отравила меня поцелуем. Ты снилась мне все ночи. Ты бросила мне алую ленту с обрыва.

Фаина

Нет, ты — не тот. Он был черен, зол и жалок. Ты светел, у тебя — русые волосы, лицо твоё горит господним огнем!

Герман

Смотри, у меня на лице — красный шрам от твоего бича.

Фаина (*хватая его за руку, смотрит ему в лицо*)

Это — солнце горит на твоём лице! Ты — тот, кого я ждала. Лебедь кричит, труба вызывает! Час пробил! Приди!

Герман (*в страхе и восторге*)

На лице твоём — вся судьба! Ты — день беззакатный! Час пробил!

Фаина торжественно распускает алый пояс и кланяется Герману в ноги. Лебедь умолк. Только море мировых скрипок торжествует страсть. И, задыхаясь и трепеща, как земля перед солнцем, лебединым трубным голосом кричит Фаина.

Фаина

Старый, старый, прощай! Старый, я свободна! Старый, я невеста! — Тройку! Тройку!

Она увлекает Германа туда, где вздрагивают разбуженные ее голосом бубенцы тройки. — Через мгновение раздается окрик ямщика, свист и конский топ; голос колокольчика, побеждая бубенцы, вступает в мировой оркестр, берет в нем первенство, а потом теряется, пропадает, замирая где-то вдали на сияющей равнине. Печальный, одинокий Спутник садится на большой камень среди пустыря. Его борода совсем опустилась на грудь, его белые руки уронили трость. Драгоценный перстень сияет на беспомощном пальце, как бриллиантовая слеза. И, словно заодно с ним, непостоянный и неверный голос ветра переходит в стон и рыдание, а в воздухе начинают кружиться прощальные тучи золотых листьев.

ШЕСТАЯ КАРТИНА

Дом Германа. Ясный зимний день. Холмы, кусты и дороги запущены снегом.

Елена стоит в дверях на крыльце, а Друг Германа сходит со ступеней.

Друг

Прощайте.

Елена

Всё кончено между нами.

Друг

Спасибо. Вы прогоняете меня из дому за то, что я люблю вас.

Елена

Нет, не за то.

Друг

Не за то ли, что я рассказал вам правду о том, как вам изменил ваш муж?

Елена

В последний раз прошу, не кощунствуйте.

Друг

О, я никогда больше не произнесу даже этого имени. — Прощайте...

Елена

Постойте... Вы хоть что-нибудь еще способны понимать, всё-таки? Забудьте на минуту, что вы в меня

влюблены, вам, право, это не трудно. Скажите мне просто, дружески, как человек другому человеку: хороша собой Фаина?

Друг

Я затрудняюсь говорить с вами об этой женщине. Может быть, она и красива, но в ней нет ничего таинственного, ничего женственного. Я могу только удивляться...

Елена

Но ведь вы можете и не удивляться — всё дело в этом. Желаю вам всякого благополучия. Мы расстаемся мирно.

Друг

Так вы не сердитесь на меня?

Елена

Я — на вас? Никогда в жизни. Хотите, я скажу правду?

Друг

Говорите. Вам ведь всё равно, если от вашей холодности и презрения я сойду с ума.

Елена

О, нет!.. Вы никогда не сойдете с ума. И никогда вам не надоест ломаться, потому что вы — самый обыкновенный, самый мирный человек. Грозите ли вы, пугаете ли, говорите ли колкости, — никого вы этим не обидите. Вы, что называется, золотая середина... Вот вам и всё.

Друг

Да, прощайте. Вы никогда не понимали меня, это я знаю. Что делать? — Желаю вам счастья... с вашим монахом...

Елена

Бедный, бедный... Как мне вас жалко... Господи, и такие все люди... какие несчастные.

Друг уходит. — Елена садится на крыльцо и тихо плачет. — Через некоторое время из дверей выходит Монах.

М о н а х

Много перенесла ты. Не на легкую жизнь ты родилась. Посмотри на себя: какая ты здоровая, молодая, сильная.

Е л е н а

Как он меня любил... как он меня любил...

М о н а х

А долго ты будешь плакать?

Е л е н а

Всю жизнь... всю жизнь... А ты зачем спрашиваешь?

М о н а х

Разве такие плачут всю жизнь?

Е л е н а

Всю жизнь проплачу... Моего горя не выплакать...

М о н а х

Поплачешь — и перестанешь. Много я видел слез: это только матери слезами исходят; мать, которой ничего в мире, кроме сына, не осталось. А перед тобой — вся жизнь впереди. Вот смотри: белая дорога; ты всю эту дорогу еще пройдешь... Слушай-ка, Елена; сама знаешь, уйти мне отсюда некуда, да и жить осталось немного...

Е л е н а

Что мне до тебя? Хоть живи, хоть помирай, мне всё равно; у меня своего горя довольно.

М о н а х

Я не о себе, Елена, забочусь. Ты об одном подумай: вот муж твой ушел...

Е л е н а

Жили бы мирно...

М о н а х

Да разве можно теперь живому человеку мирно жить, Елена? Живого человека так и ломает всего:

посмотрит крутом себя, — одни человеческие слезы...
посмотрит вдаль, — так и тянет его в эту даль...

Елена

Я понимаю, что ты говоришь. И Герман говорил об этом. Но ведь и я прекрасна. И моя душа как даль.

Монах

Твоя душа тиха, Елена. Ты вот слушаешь меня. А та — разве стала бы слушать? Нет ей покоя ни ночью, ни днем...

Елена

Ты говоришь, точно видишь ее...

Монах (*смотрит вдаль*)

Вижу, милая. Вижу.

Елена (*в испуге*)

Кого видишь?

Монах

Родину мою.

Елена

Не знают люди, не понимают... даже ты не понимаешь. В Писании сказано: пророк увидел господа не в огне и не в буре, но в гласе хлада тонка.

Монах

Сам думал, что понимаю, милая. Да нет: тайна сия велика. Где мне понять, кто поймет? Видишь, какой я: и жизни-то во мне осталось, как воску в свече после обедни; все монастыри обошел, все глаза свои проглядел, а вот — гляжу, и опять тянет, не оторваться...

Елена

Так, значит, не вернется Герман, по-твоему? — Смешной ты. Я думала, — ты умнее. — Да что, она лучше меня, что ли?

Монах (*улыбается*)

Сейчас тебе скажи, кто лучше, кто хуже. Да разве можно сказать, что лучше: буря или тишина?

Елена

Стыдись, монах. Посмотри на себя: тебе умирать пора, а ты — влюбился... Господи! И никто-то не утешит! Мой Герман, мой! Нам с ним ничего не надо, кроме тихого, белого дома...

Монах

Мать умерла. Белого дома больше не будет, Елена.

Елена

Как не будет? Что ты говоришь? Пойми, Герман вернется! Он всё оставил здесь: войди только в дом: все книги, все вещи, даже рваные рукавицы, в которых он копался в этом цветнике, — брошены на столе! Вся душа его здесь...

Монах

Душа Германа отдана...

Елена

Да как ты смеешь говорить это мне? Мне, которую он любил и любит! Мой Герман! — Молчи, глупый, глупый монах... *(Плачет горько.)*

Монах

Плачь, Елена. Всю душу выплачешь, криком изойдешь, — тогда сама узнаешь...

Елена *(встает)*

Молчи, монах. Он сказал мне: вернись скоро. *(Вся выпрямляется; напряженно смотрит вдаль, на снежный путь.)* Вот — сейчас он придет.

В эту минуту доносится с равнины какой-то звук: нежный, мягкий, музыкальный: точно ворон каркнул, или кто-то тронул натянутую струну.

Елена

Ты слышал?

Монах

Слышал.

Елена

Что же мне делать?

М о н а х

Оденься потеплее. Зажги венчальную свечу.

Елена послушно уходит в дом. — Монах тихо сидит на крылечке и напевает: «Идеже несть печали и въздыхания»... Выходит Елена с зажженной свечой.

Е л е н а

Так я оделась?

М о н а х

Так, милая.

Е л е н а

Что же мне теперь делать?

М о н а х

Прилепи свечу на крылечке...

Он становится на колени. Елена — за ним. Потом встают.

Е л е н а

Теперь что делать, брат?

Монах тихо напевает: «Жизнь бесконечная»... — Елена, в теплой шубке, стоит перед ним.

Е л е н а

Не пой панихидного. Сердце разрывается.

М о н а х

От радости пою, Елена. Моя радость оттого, что твой милый — жив.

Е л е н а

Жив. Я знаю, знаю.

М о н а х

Рано ему умирать. Только заблудился он. Тут вам обоим и жить, Елена. Наклонись-ка. Вот тебе, милая, на дорогу. *(Вешает ей на шею крестик.)*

Е л е н а

Куда же мне идти, брат?

М о н а х

А вот она, твоя белая, снежная дорога. Путь длинный, путь многолетний. А в конце пути — душа Германа.

Е л е н а

А в конце пути — душа Германа.

М о н а х

Ступай — и найдешь ее. Ты сильная. Иди, родная, господь с тобой.

Е л е н а

Спасибо, братец.

М о н а х

И тебе, милая, за всё спасибо.

Е л е н а

Прощай, братец. *(Плачет.)* Тихий дом сохрани.

М о н а х

Сохраню, родная. Господь сохранит тебя.

Елена сходит вниз и смотрит, обернувшись, на свой тихий, запущенный снегом дом. Потом — уходит. Монах осторожно закрывает дверь и запирает ставни. Потом садится на ступеньку и смотрит вслед Елене. На крыльечке горит свеча.

СЕДЬМАЯ КАРТИНА

Хмурый морозный день. Пустая равнина, занесенная снегом. Посредине — снежный холм. Ветер свистит и грозит метелью; сквозь ветер звенят как будто далекие, удалые бубенцы. Герман стоит на холме.

Г е р м а н

Всё миновало. Прошлое — как сон.
Холодный, бледный день. Душа, как степь,
Не скованная ни единой цепью,
Свободная от краю и до краю.
Не вынесла бы жалкая душа,
Привыкшая к домашнему уюту,
К теплу и свету очагов семейных, —
Такой свободы и такого счастья.

В моей душе — какой-то новый холод,
Бодрящий и здоровый, как зима,
Пронзающий, как иглы снежных вьюг,
Сжигающий, как темный взор Фаины.
Как будто я крещен вторым крещеньем,
В иной — холодной, снеговой купели.
Не надо чахлой жизни — трех мне мало!
Не надо очага и тишины —
Мне нужен мир с поющим песни ветром!
Не надо рабской смерти мне — да будет
И жизнь, и смерть — единый снежный вихрь!

Метель запекает, становится темнее.

Г о л о с Ф а и н ы

Эй, Герман! Где ты?

Г е р м а н

Сюда! Ко мне! На снежный холм!

Фаина является из темноты, хватает Германа за руку и любит
им. Метель проносится, становится светлее.

Ф а и н а

Я не могла сдержать коней. Они испугались чего-то,
шарахнулись в сугроб и умчались... *(Смеется.)* Вот,
теперь мы одни. Что ты стоишь там, наверху?

Г е р м а н

Там — виднее.

Ф а и н а

Здесь виднее! Здесь — я сама! Сядь рядом со мной.
Расскажи о себе: ты еще ничего не рассказывал мне.

Г е р м а н *(садится под холмом
рядом с нею)*

Рассказывать нечего. Ничего не было. Что мне де-
лать, я не знаю: ты больше меня. Только у ног твоих
вздыхать о славе. Ты смотришь на меня незнакомым,
горящим взором; а я ничтожный, я чужой, я слабый, —
и ничего не могу... и ничего не помню... ничего...

Ф а и н а

Всё — слова! Красивые слова. А детство? Родные,
семья, дом, жена? А город? А бич мой — помнишь?

Герман

Вот только бич. И больше ничего. Удар твоего бича оглушил меня, убил всё прошлое. Теперь на душе бело и снежно. И нечего терять — нет ничего заветного... И не о чем больше говорить, потому что душа, как земля, — в снегу.

Фаина

Вот, все вы такие... Точно мертвые... а я живая! У меня — ни дома, ни родных, ни близких никогда не было! Куда хочу, туда пойду!

Герман

Не топчи цветов души. Они — голубые, ранние. Что тебе до них? Тебя, Фаина, ношу я в сердце. Остальное — отошло. Может быть, я умру в снегу. Всё равно: могу и умереть. *(Ложится на снег, лицом к небу.)*

Фаина

Опять — слова? Мало ты жил, чтобы умирать! Это только в сказках умирают!.. *(Вдруг вскакивает и звонко кричит.)* Эй, берегись! Метель идет!

Налетает снег и с ним — темнота. Из дали слышно — дребезжащий голос поет:

Ой, полна, полна коробушка,
Есть и ситцы и парча.
Пожалей, душа зазнобушка,
Молодецкого плеча...

Песня обрывается.

Фаина

Слышишь?

Герман

Кто-то идет вдали.

Фаина *(низко наклонившись, смотрит на Германа в темноте)*

Идет без дороги, поет песню... Никто не потревожит, все пройдут мимо. *(Обвивает его шею руками.)* Голубчик мой. Милый мой...

Герман

Мне страшно, Фаина.

Фаина

Не бойся, мой милый: никто не узнает... Вот такого, как ты, я видела во сне... вот такого ждала по ночам на реке...

Герман

Ты смотришь прямо в душу... черными глазами...

Фаина

Неправда. Смотри ближе: это ночью черные глаза. А днем рыжие; видишь — рыжие? Не бойся, Герман, бедный мальчик, милый мальчик, русые кудри...

Еще ближе придвигает к нему лицо. — И опять слышно ближе:

Выди, выди в рожь высокую,
Там до ночки погожу,
А завяжу чернооую, —
Все товары разложу...

Песня обрывается.

Фаина

Слышишь?

Герман

Не слышу больше... Тихо... Никогда не слышал такой тишины... Там была другая тишина...

Метель проносится, опять светлеет.

Фаина (*садится по-прежнему*)

Эй, Герман! Жена твоя — плачет о тебе?

Герман

Это было во сне, Фаина?

Фаина (*резко*)

Во сне! Слышишь, ветер плачет? Это жена твоя плачет!

Она начинает тревожно вслушиваться: в столах ветра просыпается та же старая нота: будто кто-то рыдает призывно, жалобно, безутешно.

Герман

Не вспоминай, Фаина.

Фаина

Вольна вспоминать! Всё вольна! Уйти вольна, задуть — всё вольна! Слушай ветер! Слушай!

Герман

За что ты так сурова?

Фаина

За то, что ждала и не дождалась! За то, что был ты человеком, пока лицо у тебя было в крови! — Господи! Господи! Стань человеком!

Метель рыдает вдали старыми слезами.

Герман

Ты бьешь меня речами и взорами, как бичом, как метель.

Фаина

Я бью тебя за слова! Много ты сказал красивых слов! Да разве знаешь ты что-нибудь, кроме слов?

Герман

Всё знаю. Всё знаю теперь. Не тревожь: больше не разбудишь ни бичом, ни поцелуем.

Фаина *(в тревоге)*

Эй, Герман, берегись! Герман, метель идет!

Герман

Всё равно. Не буди. Пусть другой отыщет дорогу.

Фаина *(в безумной тревоге)*

Ты засыпаешь, Герман? Пора проснуться, пора!

Метель налетает. Мрак и звон. Еще яснее звучат старые слезы.

Герман

Не вижу ничего. Не помню ни о чем. Чьи это очи — такие темные? Чьи это руки — такие ласковые? Чьи это руки — такие нежные? Так ты — невеста моя? Открой лицо.

Фаина (*приникает к нему*)

Очнись — всё будет по-новому: взмахну узорным рукавом, запою удалую песню, полетим на тройке... Дальше от него... дальше.

Герман (*в бреду*)

Куда? Все пути заметены...

Фаина

К самому сердцу прижму тебя, желанный. Слушай, слушай, бьется сердце, просыпается сердце, запекает алая, жаркая кровь, слушай, слушай...

Герман (*в бреду*)

Слышу, звенит. Кони умчались. Открой лицо: я не помню тебя.

Фаина (*в тоске*)

Не смертью — жизнью дышу на тебя! (*Она прикладывает горсть снега к его лбу.*) Милый мой. Желанный, целуй меня. Он зовет! Старый зовет! Властный кличет! Целуй меня!

Герман

Что это? Визжат машины, умирают люди? Да, да: широкие площади, вереницы огней... Это — город, огромный город... Серая башня... из башни кто-то глядит на меня... Кто это? Ах, мать моя, мать. Она кивает. Что ты говоришь? Мать моя! Не слышу...

Фаина

Проснись, родимый! Мать кличет!

Герман

Кто это? Ангел в белой одежде! Золотые пряди волос! Крылья за плечами! Как сияет! в руках — лилия... лилия или свеча? Венчальная свеча! Елена! Господи! Елена!

Фаина (*в безумной тоске*)

Проснись, Герман! Будет спать! Здесь я одна! Только проснись!

Герман

Она говорит: проснись, Герман. — Нет, нет: ей всё равно, всё равно... Она показывает мне туда... Как там бело. Она кивает мне... уходит... уходит... ушла... Больше нет ее. — Холодно. Какой блеск! Какие звуки! Что это? Рог? Сухой треск барабанов! Вот он идет... идет герой — в крылатом шлеме, с мечом на плече... и навстречу...

Фаина (*совсем прикинувшись к нему*)

Что видишь теперь? Что помнишь теперь?

Герман

Ты — навстречу — неизбежная? Судьба? Какие темные очи. Какие холодные губы. Только не спрашивай ни о чем... Темно... Холодно. Не могу вспомнить...

Фаина поднимает голову Германа. Он смотрит на нее широко открытыми глазами.

Герман

Это всё был сон? — Фаина! Ты знаешь дорогу?

Фаина (*с небывалой тоской и нежностью*)

Ты любишь меня?

Герман

Люблю тебя.

Фаина

Ты знаешь меня?

Герман

Не знаю.

Фаина

Ты найдешь меня?

Герман

Найду.

И внезапно, совсем вблизи, раздастся победно-грустный напев, разносимый вьюгой:

Только знает ночь глубокая,
Как поладили они...
Распрямись ты, рожь высокая,
Тайну свято сохрани...

Фаина

Трижды целую тебя. Встретиться нам еще не пришла пора. Он зовет. Живи. Люби меня. Ищи меня. Мой старый, мой властный, мой печальный пришел за мной. Буду близко. Родной мой, любимый, желанный! Прощай! Прощай!

Последние слова Фаины разносит плачущая вьюга. Фаина убегает в метель и во мрак. Герман остается один под холмом.

Герман

Всё бело. Одно осталось: то, о чем я просил тебя, господи: чистая совесть. И нет дороги. Что же делать мне, нищему? Куда идти?

Мрак почти полный. Только снег и ветер звенит. И вдруг, рядом с Германом, вырастает прохожий Коробейник.

Коробейник

Эй, кто там? Чего стоишь? Замерзнуть захотел?

Герман

Сам дойду.

Коробейник

Ну, двигайся, брат, двигайся: это святому так простоять нипочем, а нашему брату нельзя, занесет вьюга! Мало ли народу она укачала, убаюкала...

Герман

А ты дорогу знаешь?

Коробейник

Знаю, как не знать. — Да ты нездешний, что ли?

Герман

Нездешний.

Коробейник

Вон там огонек ты видишь?

Герман

Нет, не вижу.

Коробейник

Ну, приглядишься, увидишь. А куда тебе надо-то?

Герман

А я сам не знаю.

Коробейник

Не знаешь? Чудной человек. Бродячий, значит! Ну, иди, иди, только на месте не стой. До ближнего места я тебя доведу, а потом — сам пойдешь, куда знаешь.

Герман

Выведи, прохожий. Потом, куда знаю, сам пойду.

1908 (1919)

РОЗА И КРЕСТ

*Посвящается ****

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Граф Арчимбаут (владелец замка в Лангедоке).

Капеллан.

Доктор.

Повар.

Первый Рыцарь.

Второй Рыцарь.

Алискан, паж.

Бертран, по прозванию *Рыцарь-Несчастие*, сторож замка.

Газтан, сеньер Трауменска, трувер.

Рыбак.

Изора, жена графа.

Алиса, ее придворная дама.

Рыцари, вассалы, гости, придворные дамы, поварята и прочая челядь, крестьянские девушки менестрели и жонглеры.

Действие происходит в начале XIII столетия, первое, третье и четвертое — в Лангедоке; второе — в Бретани.

Начнутся пиры и турниры,
Зазвенит охотничий рог,
Вновь взволнует ей сердце жонглер
Непонятною песнью о море...
Чем ты, старый, ответишь весне?
Лишь волненьем любви безнадежной?

О, любовь, тяжела ты, как щит!
Одно страданье несешь ты,
Радости нет в тебе никакой!
Что ж пророчит странная песня?
«Сердцу закон непреложный —
Радость — Страданье одно!»
Как может страданье радостью быть?
«Радость, о, Радость-Страданье,
Боль неизведанных ран...»

А л и с а (в окне)

Кто здесь поет и бормочет?

Б е р т р а н

Сторож замка.

А л и с а

Ах, это вы, Рыцарь-Несчастье! Прошу вас, отойдите от окна. Моя госпожа нездорова, ее расстраивает ваше пенье.

Б е р т р а н

Я отойду.

СЦЕНА II

Переход в замке.

А л и с а

Святой отец, как вы меня перепугали!

Ка п е л л а н

Я не хотел вас пугать, прекрасная дама.

А л и с а

Вы, верно, ждете графа?

Капеллан

Нет, не графа.

Алиса

Или, чтобы паж передал графине...

Капеллан

И не граф, и не графиня, и не паж... вы не очень проницательны, моя красавица...

Алиса

Святой отец, я теряюсь в догадках...

Капеллан (*обнимая ее*)

Дело проще, чем вы думаете, дорогая Алиса.

Алиса

Ваш сан, ваш возраст...

Капеллан

Ну, это я сам знаю, плутовка... ты не откажешься от маленького подарка...

Алиса

Кто-то идет сюда... оставьте меня, я буду кричать!

Капеллан (*убегая*)

Святой Иаков! Хорошо же, я вам это припомню...

Алискан

Кто здесь шепчется в темноте?

Алиса

Это я... прекрасный паж... мне страшно... мне по-
чудилось, что здесь кто-то есть...

Алискан

Без сомнения, Алиса. Сейчас в эту дверь шмыгнуло
его преподобие.

Алиса

Гадкий старикашка!

Алискан

Что он вам сделал?

Алиса

Он покушался на мою честь... ах, Алискан, я теряю сознание... я падаю... помогите мне...

Алискан

Что ж я могу сделать? Жалуйтесь графу.

Алиса

И вы не поможете мне, прекрасный паж?

Алискан

Я не понимаю даже, о чем вы говорите, придворная дама. — Проводите меня к вашей госпоже. Она жаждет звуков моей лютни.

СЦЕНА III

Покои Изоры.

Изора (*напевает*)

«Кружится снег...
Мчится мгновенный век...
Снится блаженный брег...»

Не помню дальше... странная песня! «Радость-Странанье... сердцу закон непреложный...» Помогите вспомнить, Алиса!

Алиса

Чем я могу вам помочь, госпожа, если даже доктор не помогает.

Доктор

Все средства испробованы, но не принесли облегчения больной. Тем не менее, я продолжаю утверждать, вслед за Галленом и Гиппократом, что болезнь называется меланхолией...

Изора

Оставь меня, доктор, ты всё равно ничего не поймешь.

Доктор уходит.

«Сердцу закон непреложный...» любить и ждать...
«Радость-Страдание...» да, и страдание — радость с милым!.. Не так ли, Алиса?

Алиса (*взглядывая на Алискана*)

Да, госпожа, мне тоже кажется, что так.

И з о р а

Тоска, тоска, Алиса! — Дай сюда шахматы! — Паж, песню!

Алискан

Спеть вам сегодня песню, которую поют при Аррасском дворе?

И з о р а

Пой, что хочешь.

Алискан (*поет*)

«День веселый, час блаженный.
Нежная весна.
Стукнул перстень драгоценный
В переплет окна.
Над долиной благовонной
Томный запах роз.
Соловей тебе влюбленный
Счастье принес...
Аэлис, о, роза, внемли,
Внемли соловью...
Все отдам Святые Земли
За любовь твою...»

Алиса

Ваш ход, госпожа моя.

И з о р а (*играет королевой*)

Ах!

Алиса

Опять задумались вы?
Томной песни звуки так сладки...

И з о р а

Какая песня?

А л и с к а н

Если б знал я причину печали...

И з о р а

Я не знаю сама.

А л и с к а н

Правда, не прежняя вы...

Что простой соловей для розы из роз!..

И з о р а

Как сказать ты умеешь краснó!

Верно, фея тебя научила

Объясняться в любви!

А л и с к а н

Вы опять надо мною смеетесь...

Разве знал я фей, кроме вас?

И з о р а

Что мне в лстивых речах?

Разве яркая бабочка я?

Горек мне мед твоих слов!

А л и с а

Шах королеве и королю!

И з о р а

Слава богу!

Довольно скучать над игрой! —

Чем мне, мой паж чернокудрый,

Горю помочь твоему?

А л и с к а н

Вспомните прежние игры!

Вспомните: только весной

Мы на поляне зеленой

В плясках беспечных

Коротали легкую жизнь...

И з о р а

Паж, не забудь: я — твоя госпожа!

А л и с а

Она больна, Алискан.

И з о р а (напевает)

«Сердцу закон непреложный...
Радость-Страданье...»

А л и с к а н

Вы песню твердите,
Которую пел кривляка наемный.

И з о р а

Пусть! — песню он пел не свою...

А л и с к а н

Какой-нибудь жалкий рыбак
Из чужой и дикой Бретани
Непонятную песню сложил...

И з о р а

Паж, ты ревнуешь? —
Успокойся... его я не знаю... —
Ах... кто знает? вернется пора,
Может быть, на зеленой поляне
К нам вернется прежняя радость...
Нет!.. Теперь — всё постыло и дико...
Жизнь такая не явь и не сон!

Уходит.

А л и с к а н

Она положительно сходит с ума...

А л и с а

Я думаю, это уже случилось... предпочесть вам...
кого же?..

А л и с к а н

И нам придется проскучать всю зиму...

А л и с а

Вам грустно, прекрасный паж?

А л и с к а н

Она не придет сюда?

А л и с а

Нет, в этот час, вы знаете, она всегда мечтает... и видит сны... В этот час никто не придет сюда.

Обнимает Алискана.

СЦЕНА IV

Покои Графа.

Г р а ф

Клянусь святым Иаковом Кампостельским, они приводят меня в бешенство! Ты знаешь, Оттон чуть дышит!

Ка п е л л а н

Ваша милость, ума не приложу, о чем вы волнуетесь. Пошлите новый отряд рыцарей, и непокорные вилланы будут уничтожены.

Г р а ф

Давно ли беднягу Клари до полусмерти исколотили дубьем?

Ка п е л л а н

У вас есть вассалы получше Оттона и Клари. К тому же, говорят, граф Симон Монфор уже идет из Парижа помочь нам сломить еретиков...

Г р а ф

Когда еще дойдет Монфор!..
Позвать Бертрана!

Входит Бертран.

Ну, какие вести?

Б е р т р а н

Плохие, ваша светлость. Граф Раймунд
В Тулузе войско снарядил...

Граф

Убийца!

Капеллан

И греховодник к тому же: пять жен — и ни одного
законного сына...

Бертран

Под знамя их встал Монсегюр...

Граф

Сосед мой!

Бертран

Епископу их новому присягу
Принес он, а именье роздал нищим...

Граф

Мошенник! — Вот кто оскорбил Клари!

Бертран

Не думаю. Враги нам эти люди,
Но всё же чтут евангелие они
И рыцарей чужих не убивают
Исподтишка...

Граф

Одна всё это шайка!
И мужичье с дубьем, и сюзерены,
Забывшие и господа и папу,
И их вассалы-оборванцы...

Бертран

Но...

Граф

Молчи! Ты сам, пожалуй, той же масти,
Как все вы, неудачники и трусы,
Которых выбивают из седла
На первом же турнире...

Бертран

Ваша светлость,
Монфор, сказали мне, теперь в Лионе...

Граф

Ты думаешь, нам этого довольно?

Бертран

Вы знаете, всегда готов служить я
И госпоже моей, и вам...

Граф

Что ж, Рыцарь-
Несчастье! Хоть раз нам докажи,
Что рыцарь, а не трус ты! — Нынче ночью
Узнать ты едешь, близко ли теперь
Симона доблестное войско!

Бертран

Еду.

Граф

Да приноси, смотри, получше вести.
И не накаркивай нам новых бед. — Ступай!

Бертран уходит.

Капеллан

Что верно, то верно! Это не рыцарь, а ворона
в рыцарских перьях...

Граф

Почтенный духовник, у меня голова идет кругом...

Капеллан

Э, не беспокойтесь, ваша милость. С дьяволовыми
ткачами мы сладим. Обратите лучше внимание на то,
что делается в замке...

Граф

Измена?

Капеллан

Нет... но...

Граф

Говори!

Капеллан

Isora, coniunx vestra, aliquantulum male sobria est.*

Граф

Ничего не понимаю! Говори по-человечески!

Капеллан

Супруга вашей милости...

Граф

Моя жена!

Капеллан

На столе у ее постели лежит роман о Флоре...

Граф

Что же из этого?

Капеллан

И о Бланшефлёре... вместо молитвенника. А вы знаете, что романы сочиняют враги святой церкви?

Граф

Крамольники!

Капеллан

Ну да. Самозванного папу чтут люди, которые бьют ваших рыцарей. А людей, которые бьют рыцарей, хвалят сочинители романов...

Граф

Я говорил, что это всё — одна шайка!

Капеллан

И всему этому учит вашу супругу ее придворная дама...

Граф

Проклятие! Если бы я знал это прежде!

* Изора, супруга ваша, недостаточно благоразумна (лат.), — Ред.

Капеллан

Спокойствие, ваша милость. Она идет сюда. Расспросите ее, не показывая вида, будто что-нибудь знаете.

Входит Алиса.

Алиса

Ваша светлость, госпожа моя больна...

Граф

Вот как! Давно ли?

Алиса

Сегодня с утра она не принимает пищи...

Капеллан

Слышите, ваша милость...

Граф

Вы звали доктора?

Алиса

Доктор сказал, что болезнь происходит от меланхолии; а там, где избыток меланхолии, тело испорчено, и легко лишиться рассудка...

Граф

Помоги нам, святой Иаков!

Алиса

Госпожа сильно скучает днем, а по ночам мечется, кусает подушки и твердит чье-то имя...

Граф

Чье имя?

Алиса

Я не могла расслышать... кажется, она бормочет: «Странник».

Граф

«Странник»?

Алиса

Так зовут рыцаря... сочинителя песни...

Капеллан

Вот видите, ваша милость: роман родит песню, песня родит рыцаря, а рыцарь родит...

Алиса

Госпожа не может забыть песни с тех пор, как у нас пели жонглеры...

Граф

О чем там поется?

Капеллан

Это известно заранее: о соловье и о розе.

Алиса

Нет, о розе и о соловье там нет ни слова. Я совсем не понимаю песни, хотя госпожа не раз повторяла ее.

Граф

В таком случае, может быть, она сошла с ума!

Алиса

Мне самой приходило это на ум, ваша светлость.

Граф

Изменники! Позвать сюда доктора!

Входит Доктор.

Что с моей женой?

Доктор

Melancholia regnat...*

Граф

Тысяча проклятий! Они все говорят по-латыни, когда дело касается моей жены!

* Меланхолия царствует (лат.). — Ред.

Доктор

Ваша милость, супруга ваша подвержена меланхолии, которая холодна, суха и горька. Царство меланхолии длится от августовских до февральских ид...

Граф

Святой Иаков! Да ведь февраль уже на дворе!

Доктор

Ничего не поделаешь, придется еще подождать, ваша милость. Скоро начнет прибывать кровь; а когда крови накопится слишком много, мы выпустим ее через нос, как учат древние мудрецы Галлен и Гиппократ...

Капеллан

Здесь скрывается иносказание...

Граф

Святой Иаков, я сам лишаюсь рассудка! Святой отец, что теперь делать?

Капеллан

Положитесь на меня, ваша милость, я дам добрый совет...

Доктор

*Idem — melancholia regnat...**

Граф

Доктор, ты дождешься виселицы!

СЦЕНА V

Покои Изоры.

Алиса

Госпожа, будьте осторожней, ради бога. Граф встревожен; он, кажется, догадывается, за нами подсматривают. Ваша болезнь — зимняя скука, не более.

* Всё то же — меланхолия царствует (лат.). — Ред.

И з о р а

Нет, в сердце моем — весна.
Но за семнадцатой этой весной
В сердце повеял мне холод сырой,
Точно туманом дохнул
Яблони ствол за окном...
Видишь, старые, черные ветви
В небе дождливом, как крест...
Сердце, как яблоня, плачет...
«Радость-Страданье...
Сердцу закон непреложный...»

А л и с а

Всё это вам набормотал Рыцарь-Несчастье. По-
верьте, весна возвратит вам здоровье и радость...

И з о р а

Слушай, Алиса!
Нынешней ночью
Странный приснился мне сон...
Будто сплю я в лунном луче
И слышу, как плещется море,
И запахом смол незнакомых
Воздух кругом напоен...
Внезапно, из-под земли,
Словно из темного гроба,
Встал предо мною неведомый рыцарь...
Кудри, светлее льна,
Рассыпались по плечам...
Сердце так бьется, так бьется...
И, упав на колени, в восторге
Я вскричала: — Неведомый гость!
— Имя свое назови!..
Он безответен...
Прикоснуться к нему не смею,
Но странно и сладко молиться ему!
И черная роза — чернее крови —
Горит на светлой груди...
«Странник! Странник!» — вскрикнула я...
Слышу странный звон, вижу свет,
И очнулась в слезах...
А в ушах — тот самый напев,
Но иначе, чем пел жонглер...

Видела ты, что подушку мою
Я зубами рвала!
И рубашку рвала на плече!
Слышишь ты, как сердце стучит...
И в ушах — этот вечный напев:
«Радость-Страданье...»
Нет, не могу повторить!..

Алиса

Тише, во имя всех святых! Здесь кто-то есть...

Капеллан (*открывая дверь*)

Так вот какие сны вам снятся! Всё передам графу!
Вам хватит времени на чтение романов в Круглой
Башне!

Уходит.

Изора

Что он сказал?

Алиса

Он грозил заточеньем...

Изора

Святой Видиан! Что делать теперь?

Алиса

Не знаю... ждать... покориться...

Изора

Проклятие! — Я разорву им сердце! — Недаром
в сердце матери моей течет испанская кровь!

Алиса

Госпожа, тише... кто-то под окном...

Изора (*смотрит в окно*)

Бертран!.. — Рыцарь! Войдите! Осторожней!

Алиса (*плачет*)

Чему поможет этот урод... несчастные мы...

Бертран (*входит*)

Госпожа, чем могу вам служить?

И з о р а (*вкрадчиво*)

Вы исполнить могли бы
Порученье, рыцарь, мое?

Б е р т р а н (*удивленный*)

Госпожа, всё, что в силах моих...
Приказанья жду я, не просьбы...
Но смогу ли?
Граф на север послал меня...

И з о р а

На север!

Б е р т р а н

Да. Сегодня в ночь.

И з о р а

О!.. Рыцарь! Вы преданы мне?

Б е р т р а н

Напрасный вопрос...

И з о р а

Время не терпит!
Мне заточенье грозит...

Б е р т р а н

Не терзайте сердца
Признаньем жестоким...

И з о р а

Вы — сторож замка.
Знаете Круглую Башню?

Б е р т р а н

Знаю давно.
«Башней Вдовы Неутешной» зовется она...

И з о р а

Есть там ход потайной?

Б е р т р а н

Есть! В углу, прикрытый плитой...
Для вылазки был он когда-то пробит...

И з о р а

Дальше!
Дорог мне каждый миг!
Есть рыцарь... есть песня...
Песня мне спать не дает...

Б е р т р а н

Госпожа, я знаю ту песню!

И з о р а

Знаете вы! —
Вы должны мне певца отыскать,
Хотя бы пришлось
Все страны снегов и туманов пройти!
«Странник» — имя ему...
Черною розой отмечена грудь...
Так открылось мне в вещем сне!

Б е р т р а н

Госпожа! Порученье ваше
Похоже на детскую сказку...
Но — недаром жизнь сурова со мной:
Знаю, в детских снах
Больше правды, чем думают люди!
Погибну, или исполню:
Странник будет у вас!

И з о р а

Клянитесь теперь молчанье хранить
Обо всем, что сказано здесь!

Б е р т р а н

Чем клясться?..
Надо ли клясть?..
Я клялся бы розой,
Вы — краше всех роз...

И з о р а (удивленная)

О! И вы учились учтивым словам? —
Нет, бóльшим клянитесь!

Б е р т р а н

Бóльших клятв не смеет
Бедный рыцарь давать...

И з о р а (*жестoko*)
Клянитесь, клянитесь!

Б е р т р а н
Клянусь, что живым не вернусь,
Если Рыцаря я не найду!..
Вечной верностью Даме клянусь!

И з о р а (*с любопытством*)
Рыцарь, кто ваша дама?

Б е р т р а н
Имя не смею сказать...

И з о р а
Я приказать вам могу...

Б е р т р а н
Отпустите в далекий путь...

И з о р а (*лукаво*)
Нет, нет... только имя одно...

Бертран преклоняет колено.

Встань, Бертран, мой верный вассал!
Теперь — я верю тебе.

Отходит от него.

О, как сильна и прекрасна любовь!
Даже этой породе,
Низкой, смешной и ничтожной,
Рыцаря верность дает...

Б е р т р а н (*про себя*)
Ну, урод несчастный!
Ступай, не жди, не надейся.
Страсти чужой послужи.

Входит Граф, грохоча ржавым ключом.

Г р а ф
Ни слова, изменница! Я знаю всё!

Бертрану:

Зачем ты здесь?

Алиса.

Ваша светлость, он сам ворвался сюда!..

Граф

Негодяй! Я убил бы тебя на месте, если б ты не был так жалок! Урод! Собака! — Какой прекрасный вкус для придворной дамы!..

Алиса

Ваша светлость...

Граф

Молчите! Низкая тварь! Вот чем занимаетесь вы, вместо того, чтобы следить за нею! Вы разделите участь вашей госпожи!

Изоре:

Или вы хотите вернуться в свои Толозанские Муки? За все заботы вы платите мне золотом Тулузы!

Изора

Мой повелитель, я послушна вам.

Граф

Вы поняли, что спорить со мной бесполезно! Сейчас, не медля, — в Башню Неутешной Вдовы! И да поможет вам исправиться святой Иаков Кампостельский! — Ступайте!

Изора и Алиса уходят.

А ты, несчастный урод, умеешь только каркать, как ворона, и приставать к придворным дамам! Ты забыл, может быть, мое порученье!

Бертран

Я еду, как вы сказали, сегодня в ночь.

Граф

Всё узнай! Я буду ждать месяц, два месяца! Если вести твои будут так же плохи, — не сносить тебе

головы! Если же ты привезешь мне доброе о графе Монфоре, — я прощу тебя, Рыцарь-Несчастье!

Уходит вслед Изоре.

Бертран

Прекрасная обманщица!
Пускай умру, я должен ей помочь.
Что б ни было — вперед! — На север,
в ночь!

Уходит.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

СЦЕНА I

Берег океана.

Бертран *(на коне)*

Куда я заехал? Снег слепит глаза, ветер свистит в уши! Безумец! Всё равно — вперед, усталый конь!

Скрывается за камнем.

Гаэтан *(поет)*

«Не верь безумию любви!
За радостью — страданье!
За радостью — страданье!»

Рыбак *(поет)*

«Не спи, король, не спи, Граллон,
Твой город в воду погружен!
Кэр-Ис лежит на дне морей,
Проклятье дочери твоей!»

Гаэтан

«Проклятье дочери твоей!»

Эй, рыбак!

Рыбак

С нами крестная сила! За снегом ничего не разобрать!
Был рыцарь, теперь — ты! Я думал, это мой голос
раздается в скалах. Или ты призрак?

Гаэтан

Ты кричишь на меня, однако поешь мою песню.

Рыбак

Какую твою песню? Сумасшедший ты, что ли? Эту песню поют и в Плугасну, и в Плүэзеке, и у нас, в Плүгерно.

Гаэтан

А где был город Кэр-Ис?

Рыбак

Да, говорят, здесь неподалеку. Видишь ту кучу камней на берегу?

Гаэтан

Вижу. Впереди — лев, потом — конь...

Рыбак

Никакого там нет коня, а просто — камни, и в камнях — заводь. Туда летом заплывают самые жирные крабы. Вот там, говорят, и ходит каждый сочельник святой Гвеннолэ. — А тебя откуда бог несет?

Гаэтан

Я — из Трауменека.

Рыбак

Трауменека? — Не слыхал что-то.

Гаэтан

Ведь здесь недалеко Аберврак?

Рыбак

Ну да, монастырь...

Гаэтан

Так мимо монастырского сада — к колодцу, от колодца — в гору, до первых домов Ландеда...

Рыбак

Кто же не знает Ландеда! Мы все туда на праздник ходим...

Гаэтан

Поверни, не доходя до церкви, налево, полем, там скоро и будет Трауменек.

Рыбак

Этот замок называется — Трауменек?

Гаэтан

Ну, разумеется, да.

Рыбак

Так это — Трауменек... И чудак же, должно быть, тамошний сеньер!

Гаэтан

Почему ты думаешь?

Рыбак

Не я один, все так; он, говорят, сам пасет свое стадо; а стадо у него всего-навсего три петуха. Живет бедно, должно быть скупой. Другие рыцари пируют и дерутся на турнирах, а этот знай бродит да рассказывает сказки... А ты чем там занимаешься?

Гаэтан

Признаться, рыбак, ведь это я и есть сеньер Трауменека.

Рыбак

С нами крестная сила! Не подумайте, сеньер, что я — в насмешку, мало ли чего у нас...

Гаэтан

Это правда, рыбак. У меня — крест на груди, а крест дается не для забавы...

Рыбак

Крест на груди, а я-то и не разобрал сразу... Конечно, господин, для богатых людей закон не писан...

Бертран (*возвращается*)

Опять тот же камень! — Кто там? Эй, бродяга!

Гаэтан

Не кричи зря на людей. Сам ты кто?

Бертран

Рыцарь.

Гаэтан

А я — сеньер.

Бертран

Ты что-то не похож на сеньера.

Гаэтан

Я докажу тебе, что это правда! Берись за меч!

Сражаются.

Рыбак (*убегая*)

Спаси, господи! Эти рыцари вечно дерутся!

Бертран

Плохо ты бьешься, сеньер! Проси пощады, или я отрублю тебе голову!

Гаэтан (*снимая шлем*)

Прошу пощады. Ты видишь, я стар.

Бертран

Не стоило мне тупить свой меч, старик! — Обещай исполнить то, о чем я тебя попрошу.

Гаэтан

Ты нравишься мне, и я исполню, что ты попросишь. Не откажись отдохнуть у меня в Трауменеке.

Бертран

Спасибо. Я не устал, но конь мой устал от долгого пути.

СЦЕНА II

Двор Трауменека.

Гаэтан

...И старый король уснул...
Тогда коварная дочь,
Украд потихоньку ключи,

Открыла любовнику дверь...
Но дверь в плотине была,
Хлынул в нее океан...
Так утонул Кэр-Ис,
И старый король погиб...

Б е р т р а н

Где же был этот город Кэр-Ис?

Г а э т а н

Вон там, в этих черных камнях...
Слушай дальше: проклятие ей!
За то же святой Гвеннолэ
Превратил ее в фею морскую...
И, когда шумит океан,
Влажным гребнем чешет злая Моргана
Золото бледных кудрей.
Она поет, но голос ее
Печален, как плеск волны...

Б е р т р а н

Странный ты человек!
О сиренах, о королях,
О городах подводных
Много ты мне рассказал!
Но не знаю, кто же ты сам?
Не думал я, когда бился с тобой,
Что под шлемом твоим
Серебрятся кудри седые.
Правда, ты слаб,
Но как мальчик дерзкий ты бьешься,
Правда, бела у тебя голова,
Но звончее рога твой голос,
Как у юноши, взор твой горит!

Г а э т а н

Не думал и я, что в твоих волосах
Так много прядей седых!
Верно, ты жизнью обижен?
Но, хоть голос твой
Глух и печален,
Лик твой, добрый мой гость,
Несказанно нравится мне!

Бертран

Спасибо за ласку!
Да, правда, нужда и горе
В жизни достались мне.
Тем нежнее сердца коснулось
Доброе слово твое.
Я — Бертран из Тулузы.
Ни о чем не напомнит тебе
Это темное имя.
Ты же, верно, богат был и знатен?
По речам и осанке — ты рыцарь...
Верно, Гроб защищал ты Господень?
Выцвел крест на груди у тебя...

Гаэтан

Нет, я тоже рыцарь безвестный,
И не плавал я в Землю Святую,
Хоть похож на странника я...
Что ты смотришь так пристально, друг?

Бертран

Назови мне имя твое.

Гаэтан

Гаэтаном зовусь я.
Из Арморики милой я родом...
Видишь, вот — все владенья мои:
Чуть заря, у меня в Трауменеке
Начинают петь петухи...
И другие — там, за холмами,
И еще, и еще... и последним
Запоет монастырский петух...
А я, пробудясь с петухами,
Слышу, как сквозь туман родимый
Сеет прохладный дождь,
И шумный зовет океан...
Снова дрогнули брови твои!..

Бертран

Чудным словам твоим внемля,
Вспомнил я дело одно...
Что же, сеньер Трауменека,
Давай расскажем друг другу

О жизни нашей... Союз,
Заклученный в звоне мечей,
Словом мы крепче скрепим!

Гаэтан

Больше, чем другом,
Братом твоим
Назваться хочу!
Начинай ты первым рассказ!

Бертран

Гаэтан, печальна
Будет повесть моя.
Сыном простого ткача из Тулузы,
С малых лет я на службу попал.
И за долгую службу в замке
Граф меня опоясал мечом...
Однажды, во время турнира,
Подлым ударом плохого бойца
Выбит я был из седла...
Великан неуклюжий с дельфином в гербе
Наступил мне ногою на грудь...
Но махнула платком госпожа —
И пощадили меня...
О, как горел я стыдом и гневом!
Как умолял я мне сердце пронзить!
Но жизнь оставили подлые мне...

Гаэтан

Низкое время!
Рыцарей лучших не ценят!

Бертран

Никто с той поры не дает мне проходу,
Все мне смеются в лицо...
И она смеется, я знаю,
В своем высоком окне...
Но привет, или тень привета,
Видел я от нее одной...
Как травка от розы, далек от нее я...
Да и может ли рыцаря ум
Проникнуть в тайну женской души!

Гаэтан

Печален, брат, твой рассказ...
Глупые, злые люди!..
Сам я сейчас испытал
Пламень ударов твоих! —
Как засхал ты к нам, скажи...

Бертран

Два порученья есть у меня:
Должен узнать я, скоро ль Монфор
Нам поможет восстанье смирить...

Гаэтан

И у нас говорят о Монфоре,
Но, если б они и позвали меня,
Я под их орифламму не встану...

Бертран

Брат, значит ты веришь,
Что в жилах у нас
Одна — святая французская кровь?..
Жестокий Монфор тем самым мечом,
Которым неверных рубил,
Братскую кровь проливает...
Под чье же ты знамя пойдешь?

Гаэтан

Знамени нет для меня.
Я останусь один.

Бертран

Тебе легко говорить,
А я ведь на службе... Что я могу,
Пышиного замка сторож несчастный!
Лишь сам не участвую я
В охотах на нищих крестьян...

Гаэтан

Ты должен покинуть тот край!

Бертран

Покинуть! Нет, ты не понял меня!
Я, как ты, не верю в новый поход,
Меч Монфора — не в божьей руке...

Но разве могу изменить,
Чему всю жизнь я служил?
Измена — даже неправде —
Всё изменой зовется она!
Я там умру, где сердце осталось!
Недаром «Несчастьем» прозвали меня!

Гаэтан

Службой связан ты, бедный?
Тяжки, должно быть,
Цепи земные...
Я их не носил никогда...
Так же ли трудно другое твое порученье?

Бертран

Пусть напрасно заехал я в ваши туманы,
С Толозанской дороги свернув! —
Рыцаря долг
Тайну Дамы свято хранить.
Я не отвечу тебе.

Гаэтан

Непонятны мне речи твои...

Бертран

Нетерпением горю я
Выслушать повесть твою!
Странное чувство
Твой взор и твой голос
Рождают во мне!
Не верю в предчувствия я,
Но сдаётся,
Что послан ты мне
В награду за долгий путь!

Гаэтан

Слушай! — Я стар,
И жизнь одинока моя,
Но трижды прекрасна жизнь!

Бертран

И трижды превратна она!

Гаэтан

Возле синего озера юная мать
Вечером поздним, в тумане,
Отошла от моей колыбели...
Фея — младенца меня
Унесла в свой чертог озерной
И в туманном плену воспитала...
И венком из розовых роз
Украсила кудри мои...

Бертран

Ты мне сказки опять говоришь...

Гаэтан⁶

Разве в сказке не может быть правды?

Бертран

Да, правда в сказках бывает подчас...
Прости, мой разум беден и прост...
Верно, есть в твоих странных речах
Скрытый, неясный мне смысл...
Дальше, прошу тебя...

Гаэтан

Слушай дальше!
Рыцарем стать я хотел...
Фея долго в объятьях сжимала меня
И, покрыв волосами, плакала долго...
Не знаю, о чем
Гадала над прялкой своей...
И сказала: «Иди теперь
В мир дождливый,
В мир туманный...
Туда пряжа Парки ведет...»

Бертран (вслушиваясь)

Куда пряжа Парки ведет?

Гаэтан

И еще сказала она:
«Мира восторг беспредельный
В сердце твое я вложу!
Песням внимай океана,

В алые зори глядись!
Людам будешь ты зовом бесцельным!
Быть может, тронешь ты
Сердце девы земной,
Но никем не тронется
Сердце твое...
Оно — во власти моей...
Странником в мире ты будешь!
В этом — твое назначенье,
Радость-Страданье твое!»

Б е р т р а н

«Радость-Страданье»!
Что это значит?

Г а з т а н

«Сердцу — закон непреложный», —
Так говорила она,
И в слезах повторяла:
«Путь твой грядущий — скитанье!
Что тебя ждет впереди?
Меть свои крепкие латы
Знаком креста на груди!»
Грудь я крестом отметил,
И в мир туманный пришел...

Б е р т р а н

Постой!
Верить сказкам
Я не умею!
Рассказ твой на песню похож!

Г а з т а н

Всё ты, Бертран, мне не веришь!
Да, рыбаки и жонглеры
Всюду поют мои песни,
Песни о жизни моей...

Б е р т р а н

Чудно мне верить!
Бред или явь?
Светлая радость
Наполнила сердце...
Ты эту песню сложил?

Гаэтан

Эту — и много других!

Бертран

Ты — Странник?

Гаэтан

Так Фея меня назвала...

Бертран

Ты мне дороже сокровищ мира!
Жизни дороже мне, брат!
Тебя, тебя одного
В снежных туманах ищу! —
Очнись, несчастный Бертран!
Яркий твой бред
С правдою жизни жестокой несхож!..

Гаэтан

Если ты счастлив,
О чем же ты плачешь,
Милый мой гость?

Бертран

Прости, прости меня, друг!
Слишком жизнь унижала меня,
Я и радость встречаю слезами!..
Первая радость, что встретил тебя,
Кого и в мире не думал найти!
Радость вторая — прости за нее —
Вижу — не юноша ты:
Лучше услышит песню Изора,
Не смущаясь низкой мужскою красой,
Свято внемля песне одной!

СЦЕНА III

Берег океана. Гаэтан и Бертран на конях.

Гаэтан

Теперь — подводный город недалёко.
Ты слышишь звон колоколов?

Бертран
Я слышу,
Как море шумное поет.

Гаэтан
А видишь,
Седая риза Гвеннолэ несется
Над морем?

Бертран
Вижу, как седой туман
Расходится.

Гаэтан
Теперь ты видишь,
Как розы заиграли на волнах?

Бертран
Да. Это солнце всходит за туманом.

Гаэтан
Нет! то сирены злобной чешуя!..
Моргана мчится по волнам... Смотри:
Над нею крест заносит Гвеннолэ!

Бертран
Туман опять сгустился.

Гаэтан
Слышишь, стоны?
Сирена вероломная поет...

Бертран
Я слышу только волн печальный голос.
Не медли, друг! Через туман — вперед!

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

СЦЕНА I

Покои Графа.

Граф

Итак, своими видел ты глазами
Войска его святейшества?

Б е р т р а н

Да, видел.

Г р а ф

И орифламму славную Монфора?

Б е р т р а н

Да. В красном поле — лев из серебра.
Хвост с четырьмя кистями. Все четыре
Захвачены узлом.

Г р а ф

Святой Иаков,

Хвала тебе!

Б е р т р а н

Они теперь в Безье,
Жгут, избивают жителей. «Всех режьте! —
Сказал легат: — Господь Своих узнаёт!»

Г р а ф

Так им и надо! Молодцы! Теперь
Монфор недалеко!

Б е р т р а н

На Толозанской

Дороге, ваша светлость.

Г р а ф

Так, Бертран!

Ты хорошо исполнил порученье!
Проси награды! Я тебя прощаю!

Б е р т р а н

Могу ли я просить не о себе?

Г р а ф

Проси, что хочешь!

Б е р т р а н

Ваша светлость! Завтра

Наступит май. У нас во всей округе
Привыкли песнями встречать весну.
Отметьте же и вы священный праздник...

Граф

К чему ты гнешь? Я сам об этом думал!

Бертран

Со мной жонглер приехал, ваша светлость,
Он песни новые привез с собой...

Граф

Да ты развеселить нас всех задумал?
Послушаем, охотник я до песен!

Бертран

Освободите юную графиню,
Которая томится в башне...

Граф

Что? —

Ты о моей супруге говоришь?

Бертран

Вы обещали...

Граф

Да, — и обещаний
Я не беру назад. — С чего тебе взбрело
Просить об этом?

Бертран

Первый день весенний,
Вы знаете, он первый года день.
Так пусть его не омрачает тень.

СЦЕНА II

Кухня замка. Поварята безобразничают.

Повар

Он, говорят, так и спит — с ключом от башни.
С тех пор никому у нас нельзя громко слова сказать.

Доктор

А видел ты, что у него на голове? — Как у черта
на картинке. Два месяца не стригся. Когда улыбается,

скалит зубы по-собачьи. Никому не верит, кроме его преподобия. А между нами говоря, святой отец...

Повар

Потише, потише, здесь и у стен есть уши. — Да замолчите ли вы, сорванцы! — Ну, готово теперь, что еще?

Доктор

Теперь подсыпь немного ивовой коры...

Капеллан (*входит*)

Святители, какой пирог! Для кого же это?

Повар

Для ее светлости, графини Изоры.

Капеллан

Постой, постой... Что ты здесь толчешься, доктор?

Доктор

Немного *salix alba*...* от меланхолии...

Капеллан

Это — яд?

Доктор

Простое слабительное, ваше преподобие...

Капеллан

Дай-ка мне отведасть.

Алискан (*входя*)

Ваше преподобие, я ищу вас всюду.

Капеллан (*жуя*)

Что вам от меня надо, молодой человек?

Алискан

Сегодня я встаю на ночную стражу...

Незаметно сует повару записку.

Записку в пирог, получишь червонец.

* Белой ивы (*лат.*). — Ред.

Капеллан

А приняли вы очистительную ванну?

Алискан

Принял, ваше преподобие.

Капеллан

А сколько времени вы постились?

Алискан

Два месяца, ваше преподобие.

Капеллан

Идите в капеллу, молодой человек, завтра за обедней мы посвятим вас в рыцари.

Алискан

Я готов.

Повар

Готово, ваше преподобие.

Доктор

А ты прибавил коры?

Капеллан

Закрывай блюдо и неси за мной.

СЦЕНА III

Башня Неутешной Вдовы.

И з о р а

Боже Милосердый! Легче быть рабыней у армянина, лучше таскать камни и бревна! — Алиса! Подойди сюда!

А л и с а

Что вам угодно, госпожа?

И з о р а

Я умираю с тоски, Алиса.

Алиса

Терпите. Ярость любого дракона можно смягчить кротостью.

Изора

Все твои утешения я знаю наизусть. Давай поиграем лучше.

Алиса

В шахматы или в шашки?

Изора

Нет... представь себе: я слушаю мессу, а он переоделся клерком; в церкви темно... негодай следит за мною... Клерк подходит с молитвенником... дай сюда книгу!

Алиса

Вот — роман о Флоре.

Изора

Подойди, как он... вот так. Что он шепнет, пока я целую молитвенник?

Алиса

Конечно, он вздохнет прежде всего...

Изора

Вот, я целую молитвенник... он сказал: «Ах»; что же мне отвечать?

Алиса

Сначала надо ответить осторожно; например: «Что с вами, рыцарь?»

Изора

Ну, да... «Что с вами, рыцарь?» — Что же он?

Алиса

Он говорит: «Умираю».

Изора (*входя в роль*)

«Отчего?»

Алиса
«От любви».

И з о р а
«Вы любите?.. кого?..»

Алиса
«Вас».

И з о р а *опуская глаза)*
«Что я могу?»

Алиса
«Исцелить меня».

И з о р а
«Как?»

Алиса
«Хитростью».

И з о р а
«Я надеюсь на вас...»

Алиса
«Я готов».

И з о р а
«На что?»

Алиса
«Я приду...»

И з о р а
«Куда?»

Алиса
«В Башню Неутешной Вдовы...»

И з о р а
«Как?»

Алиса
«Потайным ходом».

И з о р а

«Когда?»

Стук в дверь.

А л и с а

Граф!

И з о р а (*увлекшись*)

«Когда? Когда?» — Боже! Он слышал всё!

Убегает. Входят Граф и Капеллан.

Г р а ф

Дай пирог!

Открывает крышку.

Где же верх пирога?

К а п е л л а н

Я скушал его, заботясь о вашей чести...

Г р а ф

Изменник! При чем тут моя честь?

К а п е л л а н

Во-первых, в пироги иногда кладут яд. Во-вторых, кушанья служат средством для передачи записок...

Г р а ф

Святой отец! Ты предусмотрительнее меня! Прости, что я тебя оскорбил! — Где жена?

А л и с а

Она совершает вечернюю молитву.

Г р а ф

Пускай помолится, — и да поможет ей святой Иаков.

А л и с а

Ваша светлость, на что вы похожи! В два месяца так перемениться!

Граф

Я знаю, что делаю... лучше припрятать молодую жену в надежное место, чем попусту терять время и труд... Как чувствует она себя?

Алиса

День ото дня теряет сон и аппетит.

Граф

Ей, пожалуй, опять что-нибудь снится?

Алиса

Еще вчера... рыцарь...

Граф

Опять!

Алиса

Прекрасный, как святой Губерт...

Граф

Проклятие!

Алиса

И притом, черты его напоминали ваши черты...

Граф

Мои? — Это хорошо. Очевидно, дело идет на лад, если ей начинают сниться такие сны!

Алиса

У госпожи есть одно смиренное желание, она не смеет вам признаться...

Граф

Говорите и не бойтесь! Арчимбаут щедр!

Алиса

Увещания святого отца помогли ей... она хотела бы помолиться в церкви... мы только что говорили об этом...

Граф

Доволен ты, святой отец?

Капеллан

Если моя смиренная молитва помогла заблудшему
чаду...

И з о р а (*входит*)

Мой повелитель здесь...

Г р а ф

Святой Иаков!

Какие волосы! — Супруг примерный
Давно бы их остриг! — Ну, ну, не плачьте...
Я пошутил...

И з о р а

Что сделала я вам,
Что вы меня томите в этой клетке?

Г р а ф

Романов разве не читали вы?
О рыцарях вам разве сны не снились?

И з о р а

Грехи сторицей искупила я...
Я так слаба... Я умереть готова...

Г р а ф

Вы, говорят, просились в церковь?

И з о р а

В церковь?

Алиса делает ей знак.

Ах, да... к молитвеннику приложиться...

Г р а ф

Мне эта просьба нравится.

И з о р а (*плачет*)

Жестоко

Меня оклеветали!

Г р а ф

Завтра май,

А первый день весны — день первый года,
Вы знаете?

И з о р а

Что мне до мая?

Г р а ф

Ждите,
Я вас кой-чем развеселить сумею.
Вот ужин вам пока! Клянусь, пирог
На славу испечен, он приведет вас
В хорошее расположение духа!

Уходит с Капелланом.

И з о р а

Чудовище! Который раз — обман!

А л и с а

Однако он сговорчивей, чем прежде...

И з о р а (*глядя на розу
в окне*)

Вот такой был цветок
У него на груди!
Вчерашний бледный бутон
Стал сегодня черным, как кровь!
Завтра увянет
С жизнью моей...

А л и с а

Украсьте волосы розой...

И з о р а

На что украшать мне себя?
Все изменили, все обманули,
Даже урод, влюбленный в меня!
К чему теперь ход потайной,
Если так жалок посол!

А л и с а

Может быть, скоро вернется он...

И з о р а

Нет надежды!
Давай хоть ужинать, Алиса! Разрежь пирог...

Алиса (*режет пирог*)

Ах!

И з о р а

Что с тобой? — Что ты там прячешь?

Алиса

Нет, ничего...

И з о р а (*вырывая записку*)

Дай сюда! Вот он, наконец!

Алиса

Госпожа...

И з о р а (*читает*)

«Дама, чьи уста алее розы, чей голос звонче соловьиного пения, дайте мне знак. Я буду ждать восхода луны...» О, как сладостен язык его любви! — Какого же знака он ждет?

Алиса

Опомнитесь... это не вам...

И з о р а

Сон, или счастье?.. Честный Бертран!.. Или всё — сон?.. — Алиса, у тебя будут шелковые ткани, драгоценные камни... и самый красивый валет... Святой Видиан! Какой это знак?

СЦЕНА IV

Розовая заросль.

Б е р т р а н

Переночуй здесь, в розовых кустах.
Тебя никто не тронет.

Г а э т а н

Значит, завтра
Я буду петь у короля?

Б е р т р а н

У графа,
Сказать хотел ты?

Гаэтан

Так она — не дочь
Граллона старого?

Бертран

Всё это сказки!
Не короля, а дочь простой швеи
Из Толозанских Мук.

Гаэтан

Простой швеи!
И старика, однако, погубила!

Бертран

Напротив, он ей зла желал. Он запер
Ее в высокой башне.

Гаэтан

Понимаю!
Я должен златокудрую из плена
Освободить!

Бертран

Она — смутла. И косы
Чернее ночи у нее.

Гаэтан

Но всё же
Ее зовут Морганой? Или нет?

Бертран

Тебе ведь всё равно, кого ты будешь
Освобождать своею песней. Верь мне.

Гаэтан

Я верю, брат.

Бертран

Ты рассказал мне много
Прекрасных сказок, много песен спел...
Прости меня, мой разум прост... не знаю,
Где вымысел, где правда у тебя... —
Так ты воспитан фесей?

Гаэтан

Да. Ты видишь,
Она дала мне этот крест.

Бертран

И песне
Она тебя учила?

Гаэтан

Да. Она — и море.

Бертран

Что ж эта песня значит? Объясни мне,
Как радостью страданье может стать?

Гаэтан

Ты знаешь песню. Что сказать мне больше?

Бертран

Мне брезжит смысл, но ум, простой
и темный,
Всей светлой глубины постичь не может... —
Ты завтра будешь петь. Наряд красивый
Я принесу тебе сюда с утра.
Теперь прощай. На стражу мне пора.

СЦЕНА V

Башня Неутешной Вдовы. Вдали — переключка ночных сторожей.

Алиса

Полночь прошла, госпожа. Я задвину бесполезную
плиту. Граф может войти и увидеть...

Изора

Делай, что хочешь, мне не на что больше надеяться.

Алиса

Ведь я говорила, что записка не к вам...

Изора

Кто посмеет писать записки другим?

Алиса

Госпожа... валет прислал ее мне...

И з о р а

Не лги! Меня всё равно не утепишь...

А л и с а

Я задвигаю плиту...

И з о р а

Заклинаю тебя ангелами, архангелами, всеми силами небесными, ты придешь ко мне! Святой Видиан, сжался надо мною!

А л и с а

Госпожа... вы больны... ложитесь...

И з о р а

Оставь меня, уйди!

Алиса уходит.

Как бьется сердце!
Бейся, сожги мне грудь!
Святой Видиан! Я сгораю!
Чу! Шорох в розовых кустах...
Святыми заклинаю! Это ты!..

Падает на колени. В лунном луче, над плитой, является образ Газтана.

Ты! Ты! — Ты сон, или нет?
Странник! — Где роза твоя? —
На груди твоей — крест горит!..
О, не пугай крестом суровым!
Мать учила молиться меня,
Но песня твоя — не о том... —
Что молчишь ты,
Неба посланник?
Сладко молиться тебе!.. —
Громче, громче пой песню твою!
О, соловьиный голос!
Ни один соловей
Родины бедной
Не пел нежнее тебя!
Да... Радость, радость... любить...
Страданье... не знать любви!.. —
Ты смолкнул опять,
Только сердце стучит... —
Тот самый лик любимый!

Кудри светлее льна
И синее пламя очей...
Не пугай же крестом,
Дай коснуться тебя!..

Алиса (*за дверью*)

Госпожа, госпожа...

И з о р а (*срывая розу в окне*)

Возьми эту розу!
Так черна моя кровь, как она! —
Не уходи! С ума сойду я! —
Ближе, ближе ко мне подойди!..
Дай страшный твой крест
Черною розой закрыть!..

Падает без чувств. Дверь открывается. Образ исчезает. Входят Алиса
и Граф.

Граф

Что с ней?

Алиса

Вы слышали крик? Она лишилась рассудка! Вот
до чего довела ее тюрьма!

Граф

Воды! Приведите ее в чувство! — Еще! Она при-
ходит в себя! Она свободна, — скажите ей! Завтра —
май! Бертран привез жонглера! Мы развеселим ее!
Только приведите ее в чувство!

СЦЕНА VI

Двор замка

Бертран

Как ночь тревожна! Воздух напряжен,
Как будто в нем — полет стрелы
жужжащей...

Иль мне мерещится, и ночь без сна
Измучила мое воображение? —
Окно пустое.. Из него она
Звала меня, и больше не зовет. —

А ты, товарищ старый, рад весне?
Отцветшие протягиваешь ветви
В окно пустое... Наконец, светает...
О, господи, пошли ей мирный сон...
Освободи от образов туманных
Изоры юной пламенную грудь...

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

СЦЕНА I

Цветущий луг. Рассвет.

Алискан (*с цветком в руке*)

Тяжела ты, стража ночная!
В сумраке синем капеллы
Всю ночь я глаз не сомкнул...
Май, ласкаешь ты томное сердце!
Как прозрачен утренний воздух!
О, как сладко поют соловьи!

Эта глупая дама, может быть, думает, что я в ней нуждаюсь! Она не могла не получить записки... и однако... я ждал всю ночь... знака не было! Хорошо же, она раскается! Да, по правде сказать, мне смертельно надоела ее навязчивость...

О, как сладко поют соловьи!..
Благоухание роз, как дыхание Изоры... —
Этим ли пальцам красивым сжимать
Грубое древко копья?
Нет, не на то я рожден! —
Куда, говорят, в счастливом Аррасе
Вежливей люди, обычаи тоньше и моды
красивей!

Там столы утопают
В фиалках и розах!
Там льется рекою
Душистый кларет!
Дамы знают науку учливой любви! —
Разве стал бы там старый ревнивец
Нарушать веселье придворных?
«Ревность — отсталое чувство», —

Сказано, помнится, в книге латинской,
Что отец мне из Рима привез...

Смотрится в пруд.

Эти нежные губы подобны
Прихотливому луку Амура,
Или — алым Изоры устам...
Их мне прятать под маской железной!
Этот розовый ноготь ломать
Рукоятью железной меча! —
Нет! Другие бы люди и моды, —
Проводил бы я в розах с Изорой
Не одну соловьиною ночь!..

СЦЕНА II

Розовая заросль.

Бертран (*несет одежду
жонглера*)

О, весна, как волнуешь ты кровь!
О, любовь, ты тяжеле щита! —
Спит странник старый...
Не слышит он соловьев...
Что чернеет
На кресте у него? —
Роза! — Черная роза!

Газтан (*во сне*)

Моргана! Оставь! Не души!

Бертран

Газтан, проснись!

Газтан (*просытаясь*)

Дочь, отца пощади!..
Брат, это ты...
Мне снилось... коварная дочь...
Отомкнула плотины!..

Б е р т р а н

Запах роз душил тебя, друг.
Что у тебя на груди?

Г а э т а н

Смотри-ка, роза
Упала с куста
Сонному мне на грудь...

Б е р т р а н

Красные розы
Всё над тобой...
Откуда же черный цветок
Попал на сердце тебе?

Г а э т а н

Откуда ж еще
Мог он упасть?

Б е р т р а н

Скажи мне: помнишь ли ты,
Что когда-то мне обещал,
Когда я убить собирался тебя?

Г а э т а н

Помню. Исполню все просьбы твои...

Б е р т р а н

Отдай же мне розу!

Г а э т а н

Легкая просьба!
Возьми, если хочешь!
Разве мало кругом цветов?

Б е р т р а н (*прячет розу под
панцирь*)

Младенец старый, не знаешь,
Что сделал ты для меня!
Спасибо! — Вот красивый наряд:
В нем менестрелем сегодня
На луг цветущий явишься ты!

Безгласен (^{духо}~~мисъл~~ ^{мисъл})

"..... Уо мисъл мисъл безгласен?
Смисъл ме чини нощи космична,
Където чини кватерни чини
Знаменето нощи на нощи...."

Стените отскачват о мисъл ~~мисъл~~
И о креслото, корените над вятровете!

~~Единствено е мисъл мисъл мисъл мисъл~~
~~Смисъл мисъл мисъл мисъл мисъл~~

~~Смисъл мисъл мисъл мисъл мисъл~~

Нощи мисъл мисъл мисъл мисъл мисъл!

Толкова мисъл мисъл мисъл мисъл мисъл
~~мисъл мисъл мисъл мисъл мисъл~~

СЦЕНА III

Цветущий луг.

Девушки (с майским деревом,
поют)

Вот он, май, светлый май,
Вот он, светлый май!

Эй, хозяйка, ради бога,
Не гони нас от порога,
Кошелек тутой нам дай!
Нам не есть, нам не пить,
Нам бы свечку засветить,
Пречистой Деве угодить!

Вот он, май, светлый май!
Вот он, светлый май!

Все поля полны пшеницей,
Иисус воздаст сторицей,
Жди спасенья, жди наград
За хлебá и виноград!
Христа молим, бога молим,
Пусть его святая воля
Вам подаст пресветлый рай!

Вот он, май, светлый май,
Вот он, светлый май!

Во время песни собираются все участники празднества — от обед-
ни: Граф с придворными, вассалами, гостями и рыцарями, Изора
с дамами. Трубы.

Граф

Бароны и богатеи!
И на нашей улице праздник!
Май принес нам счастливую весть!
Монфор, герой Палестины,
Маккавею подобный
Доблестью львиной,
Жжет и громит вероломных ткачей
И скоро будет сюда!
Не бойтесь, рыцари, больше
Ни вил, ни дубья!

Мы вновь — господа
Земель и замков богатых!
Беззаботно отпразднуем ныне
Наступленье веселой весны!

Бертран (*выходя из толпы*)

Одно слово, ваша светлость!

Граф

Ты что-то осмелел, Рыцарь-Несчастье! По лицу
твоему вижу, что ты собираешься говорить некстати!
Нам и так весело, едва ли ты прибавишь веселья!

Бертран

Господин Монфор далеко...

Граф

Ты сам сказал, на Толозанской дороге!

Бертран

Толозанская дорога длинна... Народ волнуется...

Граф (*указывая на девушек*)

Вот наш народ!

Бертран

Альби, Каркассон, Валь д'Аран объаты восстаньем...

Граф

Довольно! Шуты веселей тебя! Я больше не слушаю!
Трубы! — Пускай приблизится сюда наш верный
Алискан!

Бертран уходит в толпу. Алискан преклоняет колено, Граф наносит
ему легкий удар мечом, плащмя. Рыцари привязывают золотые
шпоры.

Алискан

Дама, позвольте ли мне быть вашим рыцарем?

Изора рассеянно протягивает руку для поцелуя, Алискан садится
у ее ног.

Граф

Завтра — турнир, и ты покажешь пример всем ры-
царям! Теперь — пускай усладят нам слух певцы.

Первый менестрель выходит из толпы.

И з о р а (Алисе)

Это новый менестрель?

А л и с а

Нет. Другой.

А л и с к а н

Прошлогодний.

И з о р а

Рыцарь, я не просила вас шутить.

М е н е с т р е л ь (поет)

Люблю я дыхание прекрасной весны
И яркость цветов и дерев;
Я слушать люблю средь лесной тишины
Пернатых согласный напев

В сплетении зеленых ветвей;
Люблю я палаток белеющий ряд,
Там копыта и шлемы на солнце горят,
Разносится ржанье коней,
Сердца крестоносцев под тяжестью лат
Без усталости бьются и боем горят.

Люблю я гонцов неизбежной войны,
О, как веселится мой взор!
Стада с пастухами бегут, смятены,
И трубный разносится хор

Сквозь топот тяжелых коней!
На замок свой дружный напор устремят,
И рушатся башни, и стены трещат,
И вот — на просторе полей —
Могила одиноких задумчивый ряд,
Цветы полевые над ними горят.

Люблю, как вассалы, отваги полны,
Сойдутся друг с другом в упор!
Их шлемы разбиты, мечи их красны,
И мчится на вольный простор

Табун одичалых коней!
Героем умрет, кто героем зачат!

О, как веселится мой дух и мой взгляд!
Пусть в звоне щитов и мечей
Все славную кровью цветы обагрят,
Никто пред врагом не отступит назад!

Граф

Что-то уж очень воинственна твоя песня, жонглер!
Военные заботы и так утомили нас! Пускай другой
споет что-нибудь повеселее!

Второй менестрель (*поет*)

Через лес густой
Вешнею порою
Майским вечером
Ехал я верхом
Из Дуэ в Аррас!
Доренло, в Аррас!

Вдруг — красотки две
В злаках и цветах,
Венок на голове,
Светлый май в руках —
Встречу мне как раз!
Доренло, как раз!

Светлый дар весне,
Май несут оне,
Светлый май несут,
Пляшут и поют:
Доренло, я люблю!
Доренло, я люблю!

Я с коня сошел,
К ним я подошел.
— Можно мне идти?
С вами по пути?
Доренло, я люблю!
Доренло, я люблю!

Резвясь и шутя,
И венки плетя,
Шли все вместе мы...
Где ты, мой Аррас!
Где ты, мой Аррас!

Я венки сплетал,
Пел и танцевал,
Вместе пели мы:
Как люблю я вас!
Как люблю я вас!

Граф

Певцу за сладкую песню лучшее платье с моего
плеча! — Пей и ешь с нами, рассказывай нам сказки
всё лето!

И з о р а

Где же новый менестрель?

А л и с а

Вот он выходит из круга...

И з о р а

Который?

А л и с а

Видите, одежда блестит...

И з о р а

Этот маленький, в бубенчиках?

А л и с к а н

Да он ростом с великана...

И з о р а

Рыцарь, не говорите со мной! — Стройный, светло-
кудрый?

А л и с а

Нет, седые волосы блестят на солнце...

И з о р а (*равнодушно*
откидываясь на спинку скамьи)

Старик!

Гаэтан (*поет*)

Ревет ураган,
Поет океан,
Кружится снег,

Мчится мгновенный век,
Снится блаженный брег!

В темных расселинах ночи
Прялка жужжит и поет.
Пряха незримая в очи
Смотрит и судьбы прядет.

Смотрит чертой огневою
Рыцарю в очи закат,
Да над судьбой роковою
Звездные ночи горят.

Мира восторг беспредельный
Сердцу певучему дан.
В путь роковой и бесцельный
Шумный зовет океан.

Сдайся мечте невозможной,
Сбудется, что суждено.
Сердцу закон непреложный —
Радость-Страданье одно!

Путь твой грядущий — скитанье,
Шумный поет океан.
Радость, о, Радость-Страданье —
Боль неизведанных ран!

Всюду — беда и утраты,
Что тебя ждет впереди?
Ставь же свой парус косматый,
Метъ свои крепкие латы
Знаком креста на груди!

Ревет ураган,
Поет океан,
Кружится снег,

Мчится мгновенный век,
Снится блаженный брег!

Во время песни Изора, волнуясь, наклоняется вперед и незаметно
для себя опирается на плечо Алискана.

А л и с а

Ей дурно, помогите!

Алискан

Помогите!

И з о р а (*лишаясь чувств*)

Этот голос мне снился!

Граф

Старик, или ты забыл, что в природе — весна?
Твоя песня пахнет мокрым февралем, как твои седины!
Нечего сказать, веселого скомороха привез нам Ры-
царь-Несчастье!

Гаэтан пропадает в толпе.

И з о р а (*приходя в себя*)

«Радость-Страданье»... страданье...

Алиса

Госпожа бредит!

И з о р а

Нет... мне легко... где старик?

Алискан

Старик исчез.

И з о р а

Паж... рыцарь! Помогите мне.

Граф

Трубачи, трубите! Шутов сюда!

Выбегают жонглеры.

Первый жонглер

Рыцари, бароны и прекрасные дамы! Я расскажу
о славном короле Артуре...

Второй жонглер

Не слушайте его, благородные рыцари! Я играю
на цитре и хожу на голове!..

И з о р а

Рыцарь, снились вам странные сны?

Алискан

Дама, есть лекарство от странных снов:
Запах роз и фиалок,
Звон лютни, преданный рыцарь у ног...

Граф

Веселей, шуты, старайтесь, выходите из себя!

Первый жонглер

Я спою о верных любовниках: о Геро и о Леандре!
О Елене и о Парисе!

Второй жонглер

А я пляшу на канате, прыгаю в обруч, играю
ножами!

Алискан

Как Нарцисс влюбленный,
Отражаюсь в ваших очах...

Изора

Вы льстите мне, рыцарь...

Первый жонглер

А вот как Нарцисс смотрел в воду и утонул...

Второй жонглер

Вам угодно шлемов для зайцев? Уздечек для коров?
Перчаток для собак? — Имейте в виду, я ставлю так-
же банки быкам и пускаю кровь кошкам!

Алискан

Что красавицы Арраса
Перед светом ваших очей?

Изора

Дамы, закройте меня
От взоров гостей и вассалов...

Алискан

Чудо красы такое
К чему от света скрывать?

И з о р а

Ах, у туфли распустилась шнуровка...
Зашнуруйте мне, рыцарь...

Издали доносятся звуки труб.

Р ы ц а р ь

Ваша светлость! Враги! Крест на красном поле!

Г р а ф

Знамя Тулузы! — Поднимите мост!

В а с с а л ы

На коней! — К оружию! — Ткачи! — Во имя бога
и Монфора!

Бертран (*бросаясь в битву*)

Святая Роза!

СЦЕНА IV

Переход в замке.

П е р в ы й Р ы ц а р ь

Да войско ль это? Граф Раймунд согнал
Оборванных ткачей со всей Тулузы!

В т о р о й Р ы ц а р ь

Я рыцарей, однако, видел сам:
Тот великан с дельфином на щите...

П е р в ы й Р ы ц а р ь

Которого Бертран свалил на землю?

В т о р о й Р ы ц а р ь

Да, я тому свидетель. Наш Бертран
С ним бился долго; наконец, ударом
Решительным свалил его с седла
И наступил ему на грудь, заставив
Просить пощады... Дрогнули тогда
Войска Раймунда и бежать пустились!..
«Несчастьем» звали мы того, кто бился
Храбрее всех и бой решил...

Первый Рыцарь

Он ранен?

Второй Рыцарь

Да, он не то, что новый рыцарь наш...

Первый Рыцарь

А, правда, Алискан не вышел в поле...

Входят Граф и вассалы.

Граф

Мечи в ножны, вассалы! Бой за нами!
Широкий путь расчищен для Монфора!
Бегут, как зайцы, жалкие ткачи!

Вассалы

Да здравствуют Монфор и Арчимбаут!

Второй Рыцарь

Победой мы обязаны Бертрану...

Граф

Бертрану? Да, он славно бился нынче,
Но велика ль заслуга разогнать
Разбойников?

Первый Рыцарь

Ткачей тулузских шайку,
Мечами не умсющих владеть!..

Второй Рыцарь

Однако ранен он...

Граф

Так что же? — Раны —
Честь Рыцарю! — А впрочем, пусть сегодня
Он отдохнет! — Свободен он от стражи! —
Теперь, вассалы, на покой! Пусть завтра
Возобновится праздник наш! — Турнир,
А за турниром — пир! — Покойной ночи!

Все расходятся.

Алиса (*входит*)

Святой отец!

Капеллан

Что, дочь моя?

Алиса

Душа моя больна...

Капеллан

Завтра, завтра, уж поздно, какая теперь исповедь...

Алиса

Но, отец мой...

Капеллан

Впрочем, сегодня, близ полуночи, я буду на дворе...

Алиса

Я тоже буду там, святой отец...

Расходятся.

Бертран (*входит*)

Как ночь черна. Темно в глазах.

Второй Рыцарь

Бертран,

Вы ранены?

Бертран

Пустое.

Второй Рыцарь

Граф сегодня

От стражи вас освобождает.

Бертран

Рыцарь,

Я благодарен графу за заботу.

Второй Рыцарь

Сегодня спать имеее вы право:

Вы нас спасли от ярости Раймунда...

Бертран

Благодарю вас, друг. Покойной ночи.

Рыцарь уходит.

Отдых... или отдых вечный?
О, как рана сердце жжет!
Прямо в розу на груди
Тот удар меча пришелся...

И з о р а (*появляется на верху
лестницы*)

Это вы, Бертран? Все спят?

Бертран

Спят. Уж поздно, госпожа.

И з о р а

Бились вы, как храбрый воин.

Бертран

Госпожа, лишь вы не спите.
Разве всё еще вам снятся
Эти сны тяжелые?..

И з о р а

Спать мешает мне весна.
Сны — их больше нет... Исчезли
Те виденья страшные...
Правда, был он только сном?

Бертран

Только сном. Мечтою вашей.

И з о р а

Только сном... Моей мечтой...
Что сжимаете вы в пальцах
На груди своей, Бертран?

Бертран

Розу верности моей.

И з о р а

Розу верности... о, да!
Всех спасла нас верность ваша!

Б е р т р а н

Только долг я свой исполнил.

И з о р а

Вам господь воздаст за это...
Вас, Бертран, он создал верным,
Вероломною — меня...
Рыцарь, разве я виновна,
Что теперь в природе май?..

Б е р т р а н

Нет. Ни в чем вы не виновны.

И з о р а

Рыцарь... ночью — вы на страже?

Б е р т р а н

Если я вам нужен, — да.

И з о р а

Он придет ко мне... поймите...
Вы один... кругом враги...
Вы должны подать мне знак...
Звон меча — не больше... Рыцарь!
Май прекрасен!

Б е р т р а н

Да. Как вы.

И з о р а

Рыцарь, вот моя рука...
Знаю, вам наград не надо...

Б е р т р а н

Госпожа моя! Священна
Ваша воля для меня.
Я коснусь недостойн
Вашей розовой руки.

СЦЕНА V

Двор замка.

Бертран

Тише, сюда, осторожней!
В тень, где не светит луна!
Видишь яблони ствол?
Ветви ее
С окном наравне.

Алискан

Как же мне взобраться по голому стволу?

Изора (*в окне*)

Ты, Алискан?

Алискан

Я.

Изора

Ко мне! сюда!

Бертран

Встань на плечи мне! —
Так! — Дальше взобраться не трудно.

Изора

Возлюбленный! Лик твой сияет!
Весь ты — страсть и весна!
Разве видела прежде тебя я?
В первый раз такой красотой
Лик твой горит!
О, вот они,
Земные горячие руки!
Вот они, земные уста!
Не призрак, не сон ты!
Счастье! Счастье!
Кто там внизу?

Алискан

Это — Рыцарь-Несчастье. Благодарю вас, Бертран!

Изора

Бертран, это вы?

Бертран

Я, госпожа.

Изора

Как ночь прекрасна!

Бертран

Да, госпожа.

Изора

Рыцарь! А просьба моя?

Бертран

Госпожа, я на страже — всю ночь.
Вы услышите звон меча.

Изора

Спасибо, верный слуга...
Но... отойдите теперь от окна...

Бертран

Я отойду.

Становится в тень у стены.

Счастлива будь, Изора!
Мальчик красивый
Лучше туманных и страшных снов!
Пусть найдет
Покой и уладу
Бурное сердце твое!
О, как далек от тебя, Изора,
Тот, феей данный,
Тот выцветший крест! —
Цвети, о, роза,
В саду заветном,
Благоухай, пока над миром
Плывет священная весна!
Храни, Изора,
Душу младую
На черные дни.
Слышу я, слышу,
Волны бушуют,
Ревет океан,

Крест горит над вьюгой,
Зовёт тебя в снежную ночь!
Раны болят...
Силы слабеют!
Тверже стой на страже, Бертран!
Обопрись на меч!
Не увянет роза твоя.

И з о р а (в окне)

Рыцарь! Со мною! Со мною!
Жаркая кровь!
Благоуханная ночь!
Счастье вернулось опять!
Страшные сны миновались!
Сны мне снились
Лишь о тебе! —
Нет, молчи, я знаю...
Разве до снов нам!
Разве до песен теперь...

Скрывается в окне.

Б е р т р а н

Тверже стой на страже, Бертран!
Проклятые раны,
Не жгите мне сердца!
Роза, гори, гори!
Чу! Трубы!..
Из рокота волн
Рожденные трубы
Громче, всё громче зовут!
Розовый свет блеснул
На гребнях белых
Свинцовых ночных валов!
О, какая мука!
И сладость — за мукою вслед!
Незёмная сладость
Повеяла в сердце!
Как ночь прекрасна!

Входят Капеллан и Алиса.

К а п е л л а н

Теперь вы не откажетесь от этого подарка, красавица...

Алиса

Ах! какой красивый перстень!

Капеллан

Драгоценный, плутовка...

Алиса

Святой отец, ваш сан...

Капеллан

А чем я хуже рыцаря?

Алиса

Ах, рыцари такие обманщики...

Капеллан

О, я вас не обману... — Тише! Слышите... шепот?
И будто... звук поцелуя...

Алиса

Да...

Капеллан

Послушаем еще.

Луна освещает Бертрана.

Алиса

Святые угодники!.. там сторож... у стены...

Капеллан

Да... он.

Алиса

Уйдем...

Капеллан

Зачем он здесь?

Алиса

Не ходите, святой отец... я боюсь... не знаю чего...
смотрите... он неподвижен... лицо блее холста...
черное пятно на груди...

Капеллан

Уйдем... разбудим графа...

Уходят.

Бертран

Как ночь прекрасна!
Чу, в торжественный голос труб
Врывается шелест...
Нет, опять тишина...
Больше ничем не нарушен покой.
Боже, Твою тишину громовую
Явственно слышит
Бедный Твой раб!
Рана открылась,
Силы слабеют мои...
Роза, гори!
Смерть, умудряешь ты сердце...
Я понял, понял, Изора:
«Сердцу закон непреложный —
Радость-Страданье одно...
Радость, о, Радость-Страданье,
Боль неизведанных ран!...»

Изора (в окне)

Слаще мне жизни милой,
Ярче мне утра
Твои поцелуи!
Ночь бледнеет... смотри...

Бертран со звоном роняет меч на плиты.

Ты слышишь... удар меча...
Прощай! До завтра... беги!..

Алискан быстро спускается по стволу яблони и бежит.

Рыцарь! Рыцарь!
Разве что-нибудь слышали вы?

Слышны голоса, Изора скрывается в окне. Входят Граф, Капеллан, Алиса, Доктор, рыцари.

Граф

Что случилось? Зачем ты разбудил меня?

Капеллан

Ваша милость, мне почудилось недоброе...

Алиса

Подозрительно... в окне у госпожи...

Граф

Бертран! — Рыцарь-Несчастье! — Сторож! Ты спишь?

Доктор

Ваша светлость, он мертв.

Изора (*в окне*)

Зачем меня будят так рано?

Граф

Это вы? Вы не спите?

Изора

Если вы не верите мне, можете обыскать мои покои...
Что случилось?

Граф

Сторож умер здесь на дворе...

Доктор

Сколько крови! Сколько крови!

Граф

Какая досада! Кто же теперь будет стеречь замок? — Изора, что с вами? — Вы плачете?

Изора

Мне жаль его. Он был всё-таки верным слугой.

РАМЗЕС

Сцены из жизни древнего Египта

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Рамзес II, фараон XIX династии.

Псару, градоправитель Стовратных Фив.

Хамоизит, его управляющий.

Офицер.

Чиновник.

Гонец.

Пророк.

Царица, свита, торговцы, ремесленники,
каменщики, сcribes, друзья, родня
Псару, клиенты, плакальщицы,
народ.

Действие происходит в XIV столетии до р. Хр. («Новое царство») в древних Фивах при Рамзесе II.

Торговая площадь с домом градоначальника в центре города. Утро. Некрасивые и мрачные фасады довольно высоких домов с плотно закрытыми дверьми. Окон на улицу почти нет, видно только несколько окон в верхних этажах. К стенам прислонены лавочки, крытые камышом. Площадь начинает понемногу наполняться народом.

У главных ворот дома градоначальника, который помещается в низкой зубчатой стене под акацией, сидит домоправитель Хамоизит, длинный и тощий. Он не совсем пришел в себя с похмелья и мурлычет песню: «Пей, пей, подноси, пей, пей, подноси». Из двери выходит сам градоначальник Псару, маленький и толстый.

Хамоизит вскакивает от неожиданности и падает на живот.

Псару. Встань, встань, Хамоизит. Должно быть, у тебя совесть нечиста, что ты падаешь передо мной, как перед фараоном. Я не могу уснуть, даже Бизу не помогает; у меня болит живот, горит голова и во рту горько. Замучила меня проклятая деревня.

Хамоизит. Уж не сглазил ли тебя чей-нибудь дурной глаз, повелитель?

Псару. Дурной глаз, дурной глаз! Всё увертки, хитрая гадина! Знаешь ли ты, Хамоизит, кто я такой?

Хамоизит. Отлично знаю, повелитель. Ты — градоправитель Фиванский, главный правитель Земли Юга и главный начальник царских работ.

Псару. Вот в том-то и дело. Кроме того, ты знаешь, что царь позволил мне целовать ему ноги, но запретил при этом целовать пол; что нет равного мне среди возлюбленных царя; что все смертные подходят ко мне не иначе, как с низким поклоном; ибо все люди ходят в моем свете.

Хамоизит. Знаю, повелитель. Кроме того, ты

можешь еще издавать законы, повышать в чинах, улаживать всякие несогласия и давать мир стране.

Псару. И с таким-то человеком ты еще хитришь, Хамоизит?

Хамоизит. Ты — муж правды, свидетель надежный, подобный Тоту; ты — глава суда; ты слушаешь хорошо и говоришь умно; ты заставляешь трепетать того, кто враг царю, и ты знаешь, что скрыто в каждом человеке...

Псару. Вот в том-то и дело, Хамоизит. А так как я знаю, что скрыто в каждом человеке, то от меня не укроется и то, что скрыто в тебе, ибо и ты человек, и притом — пьяный человек.

Хамоизит. Ничто не укроется от глаз твоих; но ведь я, кажется, чист пред тобою. Я, хозяин, ничего от тебя не скрывал.

Псару. Ты лжешь, ты лжешь, негодный раб. Мне доподлинно известно, как ты вел себя в то время, как я исполнял волю моего государя.

Хамоизит. В это время я усмирал бунт каменщиков царской усыпальницы, повелитель мой.

Псару. Может быть, ты и усмирал; но всё-таки ты опять лжешь. Что ты можешь мне ответить, если я тебе скажу, что ты бродил по улицам и от тебя несло пивом, как из пивной бочки? Что ты сидел вот в этой самой пивной с девицами и с гирляндой на шее? Что ты притом еще учился петь под флейту, говорить нараспев и играть на гусях? Что вообще ты был подобен сломанному рулю, дому без хлеба и храму без бога?

Хамоизит. Повелитель, ты читаешь в сердцах, как божественный Ра; клянусь Озирисом, больше никогда и ничего я от тебя не скрою, ибо ты видишь то, чего никто не видит, и слышишь то, чего никто не слышит.

Псару. Ну, положим, что все отлично видели, как ты валялся среди площади, и слышали, как ты орал песни...

Хамоизит. Позволь мне в свое оправдание прибавить одно, — что всё это случилось со мной с горя...

Псару. Помни, помни, Хамоизит, как дурно действует вино, удаляйся от пива и лучше забудь оба эти напитка. Пьяный от вина падает лицом вниз, а пьяный от пива — лицом вверх. Кроме того, пьяный

может забыться и наговорить в пивной неосторожных и опасных слов, за которые придется потом ответить. А разве хорошо, если к домоправителю градоначальника придут потолковать о делах и застадут его, как малого ребенка, валяющимся на полу?

Хамоизит. Ты прав, ты прав, повелитель; поверь, что только отчаянье заставило меня предаваться порокам, которые ты перечислил.

Псару. Что же привело тебя в отчаянье? Собственные твои дела? Или, может быть, государственные?

Хамоизит. И те и другие, к сожалению. Нехтеммут с товарищами ворвался ко мне в дом; они украли мои хлебы, вылили мое масло, приготовленное ко дню коронации. Кроме того, они забрались в кладовую и унесли три больших хлеба, восемь булок, вытащили мех с пивом и выпили его, пока я находился в отсутствии...

Псару. Пока сам ты лежал у дверей пивной, бездельник. Мне сдается, что ты сумел уже наверстать потерянное, и поэтому мне тебя нисколько не жаль. Скажи-ка лучше, какие государственные дела заставили тебя опозорить высокое звание управляющего домом градоначальника Стовратных Фив?

Хамоизит. Ты знаешь, хозяин, что рабочие на новых постройках постоянно бунтуют. Десятого мехира они проломали пять стен усыпальницы, добрались до южной части храма божественного Сети и унесли фараоново зерно.

Псару. Так, так. И это тебя так сильно взволновало, Хамоизит? Ну, а где же был в это время хранитель царских могил?

Хамоизит. Говорят, он вызвал солдат, но рабочие их не послушались.

Псару. Ну да, я всегда знал, что этот хранитель — нераспорядительный чиновник, да к тому же еще и взяточник. Когда будет случай, я скажу два слова фараону...

Хамоизит. А мне, хозяин, кажется, что хранитель сделал всё, что мог...

Псару. Помолчи, Хамоизит, и лучше не рассказывай своему хозяину о том, что тебе кажется. Уж не получил ли ты и с него взятку, потому и защищаешь его так усердно? — Ну, а мои житницы?

Х а м о и з и т. Благодарение богам, хозяин! Твои закрома наполнены хлебом, и ничья преступная рука еще не посягала на них.

П с а р у. Благодарение богам, Хамоизит. Вот первая радостная весть, которую я от тебя услышал; и живот мой теперь ноет поменьше. А что до царских могил, то в конце концов ведь это — не наше дело. Я вижу, что гость мой проснулся и идет сюда. Если он пожелает осмотреть город, следуй за ним, прислуживай ему и смотри, чтобы я не услышал от него ни единой жалобы на тебя.

Г о с т ь (*входит из двери*). Как твое здоровье, любезный хозяин? Почему ты так рано покинул ложе сна?

П с а р у. Любезный гость, мое здоровье не позволило мне уснуть. Чей-то дурной глаз сглазил меня, и я не могу сопровождать тебя сегодня на прогулке. Тебя проводит мой управляющий; мне же надлежит одеться и приготовиться к докладу божественному фараону. Поэтому прости. (*Уходит.*)

Г о с т ь. Как тебя зовут, писец?

Х а м о и з и т. Хамоизит, господин.

Г о с т ь. Иди за мной, Хамоизит. Я хочу пройтись по базару и посмотреть, чем здесь торгуют.

Хамоизит с гостем вmeshиваются в толпу, которая тем временем запрудила площадь. Торговля началась, пригнали овец, гусей, коз, волов; проходят ослы, нагруженные соломой. Крестьяне и рыбаки уселись на корточках перед плетеными лотками с хлебом, плодами, овощами, мясом, рыбой, материями. Продает удочки, циновки, браслеты, ожерелья, помаду, духи, олово, железо, янтарь, стекло, фаянс, драгоценные камни. В открытых помещениях видно, как горшечник лепит, сапожник скоблит кожу, прядильщицы и ткачихи работают, сидя на полу, мастер высверливает большую алебастровую вазу, столяр клеит богатую мебель, кондитер продает финики, сиропы, печенья, пряности; в харчевне жарят на вертеле гуся, и обыватель, усевшись на низенький табурет, приготовился приняться за гору кушанья, стоящую перед ним; в это время цирюльник наскоро брест ему голову. Барыня заказала ювелиру выплавить браслет из плитки электрона; в это время перед его лавкой останавливается передовой верблюд каравана, привезшего золото из пустыни; негр, ловко прыгнув с верблюда, молча подносит Хамоизиту мешочек, который тот так же молча и привычно прячет под платье. — Из пивной уже раздаются крики: «Вино звезды Горуса, повелителя неба! Пей до пьяна! Счастливы день!

Пей до дна!»

Площадь пестрит одеждами разноцветных покупателей, продавцов и прохожих — кушцов, офицеров, чиновников, горожанок, жрецов,

простолюдинов; здесь кишат сирийцы, эфиопы, нубийцы, негры, феллахи.

Продавцы выкрикивают названия товаров, предлагают ожерелья из стекляруса, прочные башмаки, нитку бус, банку духов — от одной капли этих духов все начнут бегать за покупателем.

Хамоизит покорно ходит за гостем Псару, уже навьюченный покупками. Гость за всё хорошо платит, и торговцы начинают преследовать его, так что ему приходится, наконец, спрятаться в доме градоначальника.

На площади появляются гуляющие; ходят нарумяненные горожане, босиком и с длинной тростью в руке. Медленно проезжает колесница, проходит лысый жрец, завернувшись в белый плащ. Чиновник подходит к офицеру.

Чиновник. Вот, наконец, я нашел тебя, муж сильный и счастливый, муж красоты царственной! Сам лев фараона не сравнится с тобой в храбрости! — Давно ли из похода?

Офицер. Едва кончилась одна война, начинается другая. — Ты, кажется, савидуешь мне?

Чиновник. Ты не спрашивал бы меня об этом, если бы знал, как плохо живется бедному скрибе.

Офицер. И ты думаешь, что лучше быть офицером, чем скрибой?

Чиновник. Верно, ты не знаешь, чего нам стоит ученье, сколько побоев перенес я прежде, чем стать скрибой. Учитель каждый день говорил мне: «Вот тебе сто ударов. Ты для меня осел, которого бьют. Ты — неразумный негр, который попался в плен. Как орла заставляют садиться на гнездо, как кобчика приучают летать, так я делаю из тебя человека, а ты меня благодари!» При каждом слове он ударял меня палкой; а бывали дни, когда меня клали на пол и колотили камышевыми прутьями без счета, точно хотели превратить в телятину.

Офицер. Что и говорить, ученье не из приятных. Но, уж если на то пошло, я расскажу тебе, как я стал офицером. С детства втолкнули меня в казарму и заперли. Удары так и сыпались мне на живот; меня били по глазам, как лошадь, синяки не сходили с моего лба, а голова была проломлена. Я лежал, а меня колотили, как пучок папируса. Потом отправили нас в горный сирийский поход. Спина у меня всегда болела, потому что хлеб и воду приходилось тащить на плечах, как ослу. Потом вода загнила, стали пить гнилую. Когда дошли до неприятеля, сил уже не

было. Назад я возвращался, подобный дереву, изъеденному червями. Меня везли на осле, одежду украли воры, а слуга убежал.

Чиновник. Великий Ра, где же справедливость? Неужели лучше обратить сердце свое на то, чтобы сделаться несчастным скрибой и управлять людьми!

Офицер. Теперь, верно, ты не станешь завидовать мне. Никому не пожелаю я быть офицером.

Чиновник. Но неужели всем так тяжело жить в Египте?

Офицер. Всем, всем, кроме жрецов! Разве мало народа растоптано вражескими колесницами? Разве мало пожрал лев фараона? Разве мало умерло от жару, от голода, от лихорадок? Так погиб мой отец, так погибли все мои предки! Так было при Тутмозу Менхопирри, так было при Аменготпу Нибмаутри, так было всегда!

Чиновник. Будь же проклят отец, родивший меня! Будь проклята мать, родившая меня!

Появляется полуголый Пророк в лохмотьях, дико размахивая руками. Любопытные собираются вокруг него; мальчишки гоняются за ним, дергают его за растрепанные седые волосы и швыряют в него луковницами.

Пророк. О, Египет, Египет, Египет! Горе, горе тебе! От одной горной цепи до другой горной цепи разносишь ты плач и стоны детей и жен твоих! Как смрадный змей, пресмыкаешься ты между двух пустынь! Горе тебе, народ грешный, народ, отягченный беззаконием, племя злодеев, дитя гибели! Вот, пески пустыни засыпят вас! Куда вас еще бить, когда вся голова ваша в язвах и сердце исчахло! От подошвы до темени нет в вас здорового места! Земля ваша пуста, поля ваши на глазах ваших поедают чужие!

На шум и крики выбегают рабы, клиенты, родственники из дома градоначальника. Хамоизит тоже выглядывает из двери. В окне наверху появляется лысая голова Псару.

Пророк. Горе тебе, Египет, горе, горе тебе, столица Фивы, блудницей ты стала, правда обитала в тебе, а теперь обитают убийцы! *(Он грозит кулаками Псару.)*

Хамоизит. Хозяин, хозяин, спрячься скорее, он тебя слазит!

Псару быстро прячется за окном.

Пророк. Египтяне — люди, а не бог, кони их — плоть, а не дух! Прострет господь руку свою, и споткнется защитник, и падет защищаемый, и все погибнут, погибнут, погибнут... (Уходит.)

Раздается страшный шум, вбегает несколько десятков каменщиков, испачканных глиной и известкой. Они машут инструментами и тащат за собой трех скриб; вид у надсмотрщиков испуганный и жалкий.

Скриба. Назад, назад! Именем фараона!

Каменщики. С тобой не разговаривают, собака! Не хотим больше терпеть! Псару! Псару! Где правитель работ? Пусть он нас рассудит!

Хамоизит. Правитель занят.

Каменщики. Нечего разговаривать! Идите все, берите ломы, ломайте двери!

Хамоизит. Правитель нездоров, он не может к вам выйти.

Каменщики. Всё равно! Сюда его! Пусть он рассудит!

Хамоизит пятится в ворота.

Ломай ворота! Псару! Псару!

В ворота летит камень.

Хамоизит. Ничего не поделаешь, придется звать хозяина.

Уходит.

Скоро из дверей выходит уже набеленный, нарумяненный и одетый в белый кафтан Псару. Выражение лица у него кислое, он держится за живот. Каменщики затихли и низко кланяются Псару.

Псару. Что, что случилось, друзья мои?

Каменщики. Мы пришли к тебе потому, что нет больше сил терпеть. Рассуди ты нас с писцом Хамуасом. Мы — голодные, а он говорит, что выдал нам весь хлеб на прошлой неделе.

Псару. Поди сюда, Хамуас. Ты выдал им весь хлеб на прошлой неделе?

Хамуас. Выдал, правитель.

Псару. Вот видите, он выдал.

Каменщик. Так нам больше не дадут хлеба?

Другой. Если не дадут, так мы с места не сойдем.

Третий. Не станем работать!

Четвертый. Не воруй наших запасов!

Псару. Тише, друзья мои. Выслушайте прежде со вниманием то, что я вам скажу. Если я к вам не вышел сразу, то не потому ли, что мне нечего было вам принести? Что же касается ваших слов «не воруй наших запасов», то разве я для того поставлен здесь градоначальником, чтобы воровать? Я ведь не виноват в том, что в закромах у меня ничего нет. Откуда же я вам достану хлеба?

Каменщик. Хотя из житницы фараона!

Другой. Из храма Сети!

Третий. Именем Аммона, именем царя, нас больше не заставят работать!

Хамоизит (*скрибам*). Чего же вы смотрите? Хватайте их, берите под стражу, бросайте в тюрьму!

Хамуас. Разве ты не слышал, что он поклялся именем фараона? Его нельзя трогать!

Каменщики. Хлеба, хлеба! Берите жен и детей, идем к фараону!

Невольник (*сквозь толпу*). Где здесь Псару, могущественный повелитель?

Псару. Погодите, друзья мои. Кто ищет Псару, кому нужно видеть бедного Псару?

Невольник (*тихо*). Знай, повелитель, что царь, возлюбленный Ра, уже выехал из дворца и кони мчат его к твоему дому, ибо он осведомился о твоём нездоровьи и желает видеть тебя по дороге к храму Аммона.

Псару. Эй, Хамоизит, поди сюда!

Хамоизит. Что прикажешь, повелитель?

Псару. Ты слышал, что сказал этот раб?

Хамоизит. Слышал, хозяин.

Псару. Как же нам теперь быть?

Хамоизит. Позволь подумать.

Псару. Думай, только поскорей. Ведь плохо будет, если царь застанет их здесь?

Хамоизит. Плохо, хозяин.

Псару. Что же, по-твоему, надо сделать, чтобы они ушли?

Хамоизит. Я придумал: им надо обещать хлеба.

Псару. Пожалуй, что ты прав. — Эй, друзья мои! Ступайте и вставайте спокойно на работу, а завтра вы получите еще хлеба, хотя вы взяли уже всё, что вам полагалось, на прошлой неделе. В закромах больше ничего нет, но всё-таки я выдам вам завтра, что найдется.

Каменщики. Знаем мы цену обещаний! Много нам обещали! Завтра да завтра! Не уйдем, пока не получим хлеба.

Псару. Тише, тише, друзья мои. Хамоизит, а Хамоизит?

Хамоизит. Что, хозяин?

Псару. Слышишь, что они говорят?

Хамоизит. Как не слышать — слышу.

Псару. Пожалуй, ведь они не уйдут без хлеба. Как же быть?

Хамоизит. Не могу придумать.

Псару. Постой-ка. Ты говорил, что у тебя что-то украли?

Хамоизит. Украли, хозяин; украл вон тот самый Нехтеммут, вон он стоит и кричит всех громче...

Псару. А что он у тебя украл?

Хамоизит. Украл хлеб, масло, восемь булок, мех с пивом...

Псару. Это у тебя в доме?

Хамоизит. В доме, хозяин, а еще в кладовой...

Псару. А в закромах ничего не украли?

Хамоизит. В закромах-то пока еще не украли.

Псару. Друзья мои! Вот, идите за этим добрым человеком и возьмите то, что он вам выдаст. А ты, Хамоизит, ступай, отвори свой амбар и дай хлеба этим бедным людям.

Каменщики. Слава Псару! Ты — наш отец! Мы — твои дети! Ты — посох, поддерживающий старца! Ты — защитник угнетенных! Ты — убежище для тех, кому холодно в Фивах! Ты — хлеб сокрушенных!

Каменщики уходят вслед за совершенно растерявшимся Хамоизитом. Как только они ушли, из дому высыпали родные, рабы, друзья, клиенты. Псару ходит среди них, с удовольствием потирая руки.

Псару. Недаром царь любит Псару, недаром все люди ходят в свете Псару, недаром все кланяются Псару! Кто, кроме Псару, сумел бы так ловко спровадить бездельников! А теперь узнайте, что сейчас здесь будет сам божественный сын Ра! Приготовьте пути сокрушителю врагов, могущественному быку, который любит истину! Ибо он уже появился под порталом Пирауи, подобно солнцу, восходящему утром на востоке неба, чтобы залить весь мир своими лучами!

Тем временем рынок несколько опустел, потому что наступил час полуденного отдыха. Около пивной валяется пьяный. Вдруг, расталкивая и сбивая с ног редких прохожих, выбегает десяток черных скороходов с палками в руках, наклонясь вперед. За ними появляется взвод разноцветной иностранной гвардии со знаменем, булавой, пиками, секирами и щитами. Они становятся шпалерой, тесня народ к стенам. Псару, его друзья и все прочие, кроме солдат, падают ниц.

Вылетает Рамзес, красивый, как бог Озирис. Стоя на маленькой колеснице, один, с веером в руке, он другой рукой осаживает на скаку двух белых лошадей прямо против ворот дома градоначальника.

За колесницей фараона появляются колесницы Царицы и свиты. Все с веерами. У Царицы — густо и красиво раскрашенное стареющее лицо.

Царь сходит с колесницы и поднимается на кресло с маленьким возвышением, которое уже успели вытащить из дома.

Рамзес. До слуха нашего дошло, что слуга наш Псару нездоров. Мы прибыли сюда для того, чтобы увидеть нашего верного слугу Псару. Может ли еще служить нам правитель священного города Псару?

Псару лежит без движения. Царь обращается к одному из друзей.

Поднять его, и пусть он нам ответит.

Псару (*встает*). О, Горус между людьми, избранный солнцем, возлюбленный Аммона, золотой ястреб, богатый годами и весьма мощный! Я был как колос, срезанный серпом жнеца в поле твоих отцов, доколе твой свет не озарил меня, и твое сияние не ослепило меня, и твоя речь не воздвигла меня, и вот, я стою перед тобой и отвечаю тебе.

Рамзес. Пускай Озирис продлит дни слуги нашего Псару. Теперь пускай Псару скажет нам, как он провел время в деревне и как он исполнил поручения своего государя.

П с а р у. О, мощно-истинный, как Ра, возлюбленный солнца, повелитель обоих Египтов! С востока на запад и с запада на восток объехал я вверенную мне тобой область; я был у богов южной страны и был у богов северной страны; всюду набирал я здоровых юношей в твоё могущественное войско заранее и всех их запер в тюрьмы и в амбары, пока они ещё не успели разбежаться в горы; ибо ты ведаешь, что мирные египтяне не любят войны и страшатся твоего взора.

Р а м з е с. Нам приятно слышать, что Псару сумел предупредить бегство ленивых и трусов. Пусть знают все, что и нам не угодна война, но мы не прекратим её, доколе не покорим всех подлых врагов из пустыни Сирийской и из пустыни Ливийской, и будем воевать до полной победы. Пусть ответит нам слуга наш Псару, есть ли у него довольно оружия, довольно колесниц и довольно хлеба для войска?

П с а р у. Ты ведаешь, что нет колесниц в мире, равных по прочности и легкости колесницам Египта. Также довольно запасено у меня оружия, и всюду видел я одно, — как твои верные скрибы исправно отбирали хлеб у крестьян, так что не осталось во всей стране Юга ни одной хижинки, которая смогла бы утаить от тебя хлеб, зерно или муку.

Р а м з е с. Всё это хорошо, что сказал нам слуга наш Псару. А кто это стоит позади него — не правда ли, это — смотрители житниц и скрибы?

П с а р у. Да, это они, повелитель; они сделали больше, чем было сделано со времени бога Ра; они собрали в одну жатву больше пшеницы, чем собирали в последние тридцать лет.

Р а м з е с (*обращается шутливо к Царице*). Псару только что вернулся из деревни. Не находишь ли ты, что Псару лицом и манерой стал похож на мужика?

Царица улыбается каменной улыбкой. Царевны и свита смеются. Понемногу все начинают подобострастно смеяться.

Р а м з е с. Выдать золота, много золота достохвалному начальнику города, правителю земли Юга, почтенному летами Псару, достигшему безупречной старости.

Перед фараоном ставят столик с драгоценностями. Он берет самое тяжелое ожерелье и вешает его на шею Псару. То же делают Царица и царевны, так что Псару в конце концов еле может устоять на ногах под тяжестью драгоценностей, висящих

у него на животе и на спине. Золото начинают бросать в народ.
Скрибы записывают розданное.
Псарю с трудом выпрямляется, воздевает руки и запевает хвалебную песню фараону, которую подхватывают все.

Псарю. О, царь, ты Горус меж людьми!
Ты мне даешь бытие!
Ты даешь бытие моему двойнику!
Ты возвеличил
Раба твоего!
С тобой достиг я
Счастливых лет!
Царь лучезарный,
Любимец Аммона,
Царствуй навеки,
Подобно Ра!

Рамзес (*задумчиво*). Да узнают все народы наши, как велика наша мощь и как беззакатна наша слава! Да стекутся все народы к ногам нашим, как песчинки, гонимые ветром пустыни! Да растерзают львы наши всех подлых врагов! И тогда мы поразим мир деяниями нашими; мы воздвигнем пирамиды превыше пирамид отца нашего; мы построим храмы величавее храма Сети. Так сказал нам Аммон, великий бог и отец наш; так говорит вам возлюбленный Аммона Узирмари-Сотпунири, сын Ра, Рамсизу-Миаmun.

Придворный. Гонец из Сирии сейчас прибыл и ждет позволения явиться перед твоим величеством.

Рамзес. Пусть войдет. (*Гонцу.*) Кто ты?

Гонец. Мудрость, сила, здоровье! Меня прислал князь Магедо с письмом к твоему величеству!

Подает толстую плитку. Рамзес передает ее переводчику.

Рамзес. Прочти.

Переводчик (*читает*). «Царю, моему повелителю, моему солнцу, я, Абдадад, твой слуга, говорю так: Хитизару, побежденный начальник подлых Хити, нарушил мир и дружбу, которые предки его заключили с твоими предками. Он забыл власть богов, он собрал своих полководцев, солдат и военные колесницы, он идет против правителей и царей, которых ты поставил по всей стране, чтобы они платили дань и чтили твое величество. Я послал соглядатаев в стан подлого Хитизару и сказал им: подите и посмотрите, что делается у подлого Хити. И вот, соглядатаи увидели, что он

стоит лагерем около Кодшу, и его нечестивые союзники с ним. Да соизволит царь мой и мой повелитель, солнце мое, скорее прислать своих стрелков из лука и свои военные колесницы. Если он промедлит, — я погиб».

Рамзес (*помолчав*). Ступай и скажи своему князю, что лучники мои готовы и что моим военным колесницам нет счету, как песку морскому. Скажи князю, чтобы он был спокоен, ибо нарушивший мир подлый Хитизару раскается. Скажи ему, что священный лев Рамзиу-Миаммунa уже рычит и ломает прутья своей клетки, готовый ринуться в бой вслед за колесницей своего повелителя. Ступай и передай своему князю ответ царя обоих Египтов. (*Гонец уходит.*) Да падет проклятие на голову подлого Хитизару, нарушившего мир и дружбу! Он помешал мне строить храм великому богу, но я настигну его, и колесницы мои растопчут его, и я возвращусь, чтобы удивить мир новыми пирамидами! — Пусть гонцы известят наместника Эфиопии, что мы не можем принять его, ибо сам царь изволил отбыть в военный лагерь к своим войскам. — Следуйте все за мною в храм принести жертву великому богу!

Рамзес уезжает со свитой, сопровождаемый криками толпы. Друзья и родные бросаются поздравлять Псару, целуя его ноги и одежду и освобождая его от золота, которым он увешан. Псару пытается двинуться вслед за фараоном, но шатается и валится на бок. Его тащат в дом с причитаниями. Кучка друзей перед домом начинает творить заклинания:

«Чародейная сила Псару, сына госпожи Тентнубаты, есть сила Озириса Атуму, царя богов. Сила левого виска его подобна силе левого виска бога Туму. Его верхняя губа — богиня Изида, его нижняя губа — богиня Нефтис, его зубы — мечи, его тело — Озирис, его пальцы — синие змеи, его живот — Ну, его бока — перья Аммона».

Из дома с плачем выбегают женщины — босые, с распущенными волосами, посыпанными пеплом.

Женщина. Шакал Анубис стережет его!

Другая. Заговоры не помогают!

Третья. Умирает!

Четвертая. Псару покинул земное жилище!

Пятая. О, скорбь, о, горе! На запад, на запад! Ты уходишь на запад, начальник, и сами боги скорбят!

Шестая. Ты уходишь на запад, лучший из людей! Быки, на запад! Ваш господин идет позади вас! Сами боги скорбят!

Вся площадь оглашается воплями. Женщины, друзья и клиенты шныряют в толпе.

Женщина. Месть, месть тому, кто погубил начальника!

Другая. Месть, месть тому, кто сглазил лучшего из людей!

Третья. Месть, месть!

Появляется оборванный Пророк.

Пророк. Вот, господь сидит на облаке своем и грядет на Египет! И потрясутся от лица его все идолы египетские, и сердце Египта растает в нем! И истощатся воды в море, и оскудеют реки, и водостоки египетские оскудеют и высохнут! Камыш и тростник завянут, и поля по берегам реки не принесут плодов, и всё развеется и всё исчезнет!

Женщина. Месть, месть тому, кто сглазил начальника!

Другая. Вот кто сглазил начальника! Бей, бей, бей!..

Толпа бросается к Пророку.

Пророк. ...И предам египтян в руки властителя жестокого, и свирепый царь будет господин их — так говорит господь, господь, господь...

Толпа озверела. Пророка бьют палками, вслед ему летят камни. В это время Хамоизит с постным видом вышел из дому. Его окружает толпа быстро сошедшихся с разных сторон резчиков, ваятелей, гончаров, ювелиров, столяров, парикмахеров, гробовщиков, сcribe.

Столяр. Самые прочные стулья на львиных лапах!

Парикмахер. Я могу поставить в три дня двенадцать париков!

Остальные. Сундучки для белья! Свивальники! Лучшие бальзамы! Соли! Духи!

Хамоизит. Погодите, погодите, не все зараз. Сначала бальзамировщик. Эй, бальзамировщик!

Бальзамировщик. Здесь, господин!

Хамоизит. Во сколько дней ты сделаешь мумию?

Бальзамировщик. Сделаю в двадцать дней!

Хамоизит. Ну и ступай себе. Нам таких не надо. Разве ты не знаешь, что таких людей нельзя бальзамировать меньше семидесяти дней? Делай для кого угодно, только не для возлюбленного фараона.

Другой бальзамировщик. Я сделаю, я умею. Ты меня, верно, помнишь, — ведь это я обряжал прежнего наместника!

Хамоизит. Помню, помню, приятель, припоминаю.

Бальзамировщик. Только моя работа будет стоить подороже, чем в двадцать дней.

Хамоизит (*важно*). Ну, понятно, подороже. Кто говорит о том, чтобы было дешевле. Сколько же, всё-таки?

Бальзамировщик. Да меньше ста серебряных утну нельзя.

Хамоизит. Вот тебе и раз. Ты сначала подумай, а потом говори. Сто серебряных утну, да разве это слыхано?

Третий бальзамировщик. Я за семьдесят пять сделаю.

Голос в толпе. Убили!

Другой. Утопили в реке!

Третий. Туда и дорога!

Четвертый. Собаке — собачья смерть!

Наступил вечер, на горизонте стоит огромный Сириус.

1919

ПРИМЕЧАНИЕ

Сцены составлены по книгам Масперо и Тураева.

При представлении важно выработать походку и движения, присущие восточным народам. Много должны помочь рисунки, где видно, что всё строение тела было несколько иное, чем наше; всего существеннее, что фигура египтянина представляет треугольник, обращенный вершиной вниз, тогда как люди нашей эпохи похожи на треугольник, обращенный вершиной вверх. Значит, все телесные навыки, всё самочувствие человека было другое.

Как будто три с половиной тысячи лет назад человек рос из земли, расширяясь, как цветок, а мы уже суживаемся и испаряемся, заостряясь к небу. К этому присоединяется различие в климате, одежде и т. д.

Автору представляется, что у современных актеров есть много средств для того, чтобы изобразить бытовые, с оттенком комизма типы толстого градоначальника и его тощего приказчика. Напротив, труднее представить фараона. В нем должно быть подчеркнуто нечто странное, отвлеченное, «красивое» — рядом с очень некрасивым бытом. Ему как бы ни до чего нет дела, в нем заключено древнее воспоминание, и он — чужой среди подданных, как Эдип с юным лицом был чужестранцем (ξένος) среди долгобородых фивян, которые никогда не смотрели в глаза Сфинксу.

В языке автор старался подражать языку Плавта, так как ему казалось, что есть нечто общее между положительностью Египта и Рима.

ДРАМАТИЧЕСКИЕ
ПЕРЕВОДЫ

ДЕЙСТВО О ТЕОФИЛЕ (LE MIRACLE DE THÉOPHILE) РЮТБЕФА (RUTEBEUF), трувера XII – XIII столетия

ПРЕДИСЛОВИЕ

Теофил, история которого обработана в XII столетии на народном языке в забавной драматической форме «миракля» («чуда»), – историческое лицо. Это был «эконом», *vidame* одной церкви в Киликии, около 538 года. События его жизни издавна занимали духовных и светских писателей. История Теофила первоначально написана по-гречески его учеником Евтихианом и переведена в прозу на латинский язык дьяконом Павлом из Неаполя.

Известная Гросвита Гандерсгеймская написала в X веке латинскую поэму об отречении и покаянии Теофила. Особенной популярностью пользовалась история в средние века; ее касались рейнский епископ Марбод (XI в.), монах Готье де Куинси (XIII в.), св. Бернард, св. Бонавентура, Альберт Великий; во многих церквях существуют лепные изображения истории, между прочим – два барельефа на северном портале Notre Dame de Paris. – Текст истории (с рукописи королевской библиотеки) напечатан в редкой теперь книге: Michel et Monmerqué. Théâtre français au moyen âge (XI–XIV s.). Paris. 1839. Chez Delloye éditeur et Firmin Didot. Этим изданием текста и пользовался переводчик.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Мадонна.

Кардинал.

Теофил.

Сатана, именуемый также Дьявол.

Саладин, волшебник.

Задира, слуга Кардинала.

Петр и Фома, товарищи Теофила.

Здесь начинается история Теофила.

Теофил

Мой господин! В моей мольбе
Я столько помнил о тебе!
Всё роздал, раздарил, что мог,
И стал — совсем пустой мешок.
Мой кардинал сказал мне: «Мат».
Король мой загнан в угол, взят,
А я вот — нищенствую сам...
Подрясник свой к ростовщикам
Снесу, иль жизни я лишусь...
И как с прислугой разочтусь?
И кто теперь прокормит их?
А кардинал? Ему до них
Нет дела... Новым господам
Пусть служат... Он к моим мольбам
Не снизойдет... Чтоб он издох!
Ну хорошо! Я сам не плох!
Будь проклят верящий врагу:
Сам провести его могу.
Чтобы свое вернуть, готов
Пойти на всё, без дальних слов.
Его угроз не побоюсь...
Повешусь, что ли? Утоплюсь?
Отныне с ним я вовсе квит,
Путь для меня к нему закрыт...
Эх, славный бы провел часок
Тот, кто его бы подстерег,
Чтобы посечь, пообтесать!
Вот только, как его достать?
Он забрался так высоко,

Что нам добратся не легко,
Его нельзя и палкой вздуть:
Сумеет быстро улизнуть...
Ах, если б только удалось,
Ему бы солоно пришлось...
Смеется он моим скорбям...
Разбилась скрипка пополам,
И я совсем безумным стал!
Смотри, что слух пойдет, — скандал!
Меня прогонят от людей,
Запрут, не пустят к ним, ей-ей,
И всякий словом попрекнет,
Укажет пальцем, скажет: «Вот,
Как с ним хозяин поступил»...

Здесь идет Теофил к Саладину, который говорил с Дьяволом,
когда хотел.

С а л а д и н

Эге! Что с вами, Теофил?
Во имя господя! Ваш лик
Печален, гневен... Я привык
Всегда веселым видеть вас...

Т е о ф и л

Ты знаешь сам: в стране у нас
Я господином был всегда.
Теперь — богатства нет следа.
Всего ж грустней мне, Саладин,
Что я, как верный палладин,
Не забывал латынских слов
И по-французски был готов,
Без всякой усталости, хвалить
Того, кто по миру ходить
Заставил нагишом меня.
И потому решаюсь я
По непривычному пути
К делам неслыханным идти,
Затем, чтоб только как-нибудь
Свое достоинство вернуть.
Его терять — позор и стыд.

С а л а д и н

Честь ваша мудро говорит:
Тому, кто злата видел свет,

Ведь ничего ужасней нет,
Чем к людям в рабство поступить,
Чтоб только сладко есть и пить
И слушать грубые слова...

Т е о ф и л

Совсем кружится голова...
О, Саладин, мой друг и брат!
Еще немного, и навряд
Не лопнет сердце у меня!

С а л а д и н

Мученья ваши вижу я,
Кто столько заслужен, как вы,
В таких делах и головы
Своей лишиться может вдруг.

Т е о ф и л

Увы! Всё так, мой верный друг!
И потому прошу тебя,
Не скажешь ли, меня любя,
Какие в свете средства есть,
Чтобы вернуть богатство, честь
И милость? Я на всё готов.

С а л а д и н

Угодно ль вам, без лишних слов,
В борьбу с хозяином вступить?
Тогда вы будете служить
Вассалом у того, чья власть
Воротит вам не только часть,
Но больше, чем хотели вы,
Богатства, почестей, молвы.
Поверьте мне, не стоит ждать,
Пора вам дельно поступать.
Я вашего решенья жду.

Т е о ф и л

На это с радостью иду.
Исполню твой совет благой.

С а л а д и н

Идите с миром вы домой.
Как ни грусти, придется им

Вернуть вас к почестям былым.
Я завтра утром здесь вас жду.

Теофил

Приду, брат Саладин, приду!
Да сохранит тебя твой бог,
Когда б ты всё исполнить мог.

Тогда уходит Теофил от Саладина и думает, что отречься от Кардинала — дело не шуточное. Он говорит:

Увы, что станется со мной!
Я плоть предам болезни злой,
Прибегнув к крайности такой...
Несчастный: знай,
Тебя не примет светлый рай,
Иван, Фома и Николай
И Дева Дев.
И ад откроет страшный зев,
Обнимет душу адский гнев,
Сгорит она,
В горниле черного огня
Расплавив бедного меня,
Ведь это — так!
Там каждый дьявол — злейший враг.
Ты поверни и так, и сяк, —
Не сыщешь чистого никак!
Их щель темна,
Их яма нечистот полна,
И оттого — мутна, мрачна,
И солнцу не пройти до дна, —
Вот где помру!
Плохую я завел игру!
Лишь с тем, чтоб сытым быть нутру,
Пойду в их черную дыру,
И без труда
Господь прогонит навсегда...
Кто был в отчаяньи когда,
Как я теперь?
Но Саладин сказал мне: «Верь,
Не будешь больше знать потерь»,
И обещал к богатству дверь
Открыть сейчас.
Да будет так. Теперь как раз

Хозяин мой меня не спас,
И я ль не зол?
Богат я буду, нынче гол.
Отныне спор я с ним завел
И с ним я квит.
Мне сильный Саладин велит
Так поступить.

Здесь Саладин обращается к Дьяволу и говорит:

С а л а д и н

Христианин пришел просить
Меня с тобой поговорить.
Ты можешь двери мне открыть?
Мы не враги.
Я обещал — ты помоги.
Заслышишь поутру шаги —
Он будет ждать.
И надо мне тебе сказать —
Любил он бедным помогать,
Тебе — прямая благодать,
Ты слышишь, черт?
Что ж ты молчишь? Не будь так горд,
Быстрее, чем в миг,
Сюда ты явишься, блудник:
Я знаки тайные постиг.

Здесь Саладин закликает Дьявола:

Багаги лака Башагэ
Ламак каги ашабагэ
Каррелиос.
Ламак ламек башалиос,
Кабагаги сабалиос,
Бариолас,
Лагозатха кабиолас,
Самагак эт фрамиолас,
Гаррагия!

Тогда заклятый Дьявол появляется и говорит:

Д и а в о л

Вы правильно сказали речь.
Она, как самый острый меч,
Мне ранит слух.

С а л а д и н

И поделом, нечистый дух,
Затем что на ухо ты туг,
 Когда я здесь.
Я вот собью с тебя всю спесь,
Не станешь больше спорить здесь.
 Эй, слушай весть:
У нас ведь клерк послушный есть,
Ты должен, черт, из шкуры лезть,
 Чтоб залучить
Его к себе чертям служить!
Как полагаешь поступить?

Д и а в о л

Зовется как?

С а л а д и н

Зовется: Теофил. Был враг
Чертям — и вовсе не дурак
 В юдоли сей.

Д и а в о л

Я с ним боролся много дней,
Но он бежал моих сетей.
Пусть он приходит без друзей
 И без коня
В сей дол, чтоб увидеть меня
На утре завтрашнего дня:
 Не тяжек труд:
И Сатана, и я, — все тут
Его охотно приберут
 К своим рукам,
Но только, чтоб святой свой храм
В пути к моим пустым местам
 Не вспомнил вдруг,
Не то — помочь мне недосуг,
Со мной повежливей будь, друг,
И больше не терзай мне слух,
 Теперь прости.
Хоть на недельку отпусти.

Теперь Теофил возвращается к Саладину.

Теофил

Не слишком рано мне идти?
Ну, как дела?

Саладин

Тебя кривая повезла.
Загладит всё, что было зла,
Твой господин.
Еще важней твой будет чин,
Не будь я сильный Саладин,
Ты не сочтешь
Богатств, какие соберешь.
Теперь ты к дьяволу пойдешь,
Но только знай:
Ты время даром не теряй,
Святых молитв не повторяй,
Ведь ты ж познал,
Что в день, когда ты в бедность впал,
Хозяин твой не помогал,
Тебя провел...
Ты был бы вовсе нищ и гол,
Когда б ко мне ты не пришел, —
Ведь я помог.
Теперь — спешу. Подходит срок.
Но, Теофил,
Чтобы молитв ты не твердил!

Теофил

Мой господин мне навредил,
Не мог помочь,
Так от него спешу я прочь.

Здесь Теофил отправляется к Дьяволу и страшно боится; а Дьявол говорит ему:

Дьявол

Приблизься. Сделай два шага.
Не будь похож на мужика,
Который жертву в храм принес.
Теперь ответь мне на вопрос:
Твой господин с тобой жесток?

Теофил

Да, господин. Он слишком строг.
Он сам высокий сан приял,

Меня же в нищету вогнал.
Прошу вас, будьте мне оплот.

Д и а в о л

Меня ты просишь?

Т е о ф и л

Да.

Д и а в о л

Так вот:

Тебя приму я как слугу,
Тогда и делом помогу.

Т е о ф и л

Вот, кланяюсь я, господин,
Но с тем, чтоб вновь высокий чин
Мне получить, владеть им мне.

Д и а в о л

Тебе не снился и во сне
Тот чин, который я, клянусь,
Тебе добыть не откажусь.
Но раз уж так, то слушай: я
Беру расписку от тебя
В умно расставленных словах.
Не раз бывал я в дураках,
Когда, расписок не беря,
Я пользу приносил вам зря.
Вот почему она нужна.

Т е о ф и л

Уже написана она.

Тогда Теофил вручает расписку Дьяволу, и Дьявол велит ему поступать так:

Д и а в о л

Мой друг и брат мой, Теофил,
Теперь, когда ты поступил
Ко мне на службу, делай так:
Когда придет к тебе бедняк,
Ты спину поверни и знай —
Своей дорогою ступай.

Да берегись ему помочь.
А кто заискивать не прочь
Перед тобой — ты будь жесток:
Придет ли нищий на порог, —
Остерегись ему подать.
Смиренье, кротость, благодать,
Пост, покаянье, доброта —
Всё это мне тошней креста.
Что до молитв и благостынь,
То здесь ты лишь умом раскинь,
Чтоб знать, как это портит кровь.
Когда же честность и любовь
Завижу, — издыхаю я,
И чрево мне сосет змея.
Когда в больницу кто спешит
Помочь больным, — меня мутит,
Скребет под ложечкой — да как!
Делаю я добрым — злейший враг.
Ступай. Ты будешь сенешал,
Лишь делай то, что я сказал:
Оставь все добрые дела
И делай только всё для зла,
Да в жизни прямо не суди,
Не то примкнешь, того гляди,
Безумец ты, к моим врагам!

Т е о ф и л

Исполню долг, приятный вам.
В том справедливость нахожу,
Что этим сан свой заслужу.

Тогда Кардинал посылает искать Теофила.

К а р д и н а л

Эй, ты, Задира, плут, вставай!
За Теофилом поспешай!
Ему вернуть решил я сан.
Кто ввел меня в такой обман?
Ведь он честнее всех других.
Среди помощников моих
Достоин сана он один.

З а д и р а

Святая правда, господин.

Здесь Задира говорит с Теофилом:

Кто здесь?

Теофил

Ты сам-то кто, злодей?

Задира

Я — клерк.

Теофил

Ну, я-то поважней.

Задира

Мой господин высокий, я
Прошу вас не судить меня.
Меня прислал мой господин,
Он хочет возвратить вам чин,
Богатство ваше и почет.
Веселья вам пришел черед.
Отлично заживется вам.

Теофил

Чтоб черт побрал вас всех! Я сам
Давно хозяином бы стал,
Когда б умнее поступал!
Я сам его вам посадил,
А он меня богатств лишил,
Послал на улицу нагим.
Прогнал меня, так черт же с ним
За ссоры, ненависть, вражду!
А впрочем, так и быть, пойду,
Послушаю, что скажет он.

Задира

Отдаст с улыбкой вам поклон.
Он думал вас лишь испытать,
Теперь начнет вас награждать.
Опять вы будете друзья.

Теофил

Недавно сплетни про меня
Мои друзья пустили тут!
Пусть всех их черти подерут!

Тогда Кардинал встает навстречу Теофилу. Он возвращает ему сан и говорит:

Кардинал

Привет мой вам, честнейший клерк.

Теофил

Я искушенью не подверг
Своей души — и духом здрав.

Кардинал

Пред вами, друг, я был неправ.
Моя к вам давняя любовь
Загладит всё. Примите вновь
Ваш сан. За честность вашу — мне
Угодно наградить вдвойне:
Мы будем с вами всё делить.

Теофил

Теперь мне выгодней твердить
Свои молитвы, чем тогда.
Теперь десятками сюда
Крестьяне будут притекать.
Я их заставлю пострадать:
Теперь я вижу в этом прок,
Дурак, кто с ними не жесток.
Отныне буду черств и горд.

Кардинал

Мой друг, иль вас попутал черт?
Вам надо помнить, Теофил,
Чтоб строгий долг исполнен был.
Итак, теперь и вы, и я
Здесь поселимся, как друзья.
Согласно дружбе, будем впредь
Съобща поместьями владеть.
Теперь я больше вам не враг.

Теофил

Мой господин! Да будет так.

Здесь Теофил отправляется спорить со своими товарищами, сначала с тем, которого зовут Петром.

Эй, Петр, взгляни-ка мне в глаза:
Ведь проморгал ты два туза,

Твое сломалось колесо,
Смотри, не упусти ты всё,
Всё прозевал, о чем мечтал:
Вернул мне сан мой кардинал,
Ну, что, язык ты прикусил?

Петр

Вы мне грозите, Теофил?
Еще вчера просил я сам,
Чтоб кардинал вернул вам сан.
Что справедливей может быть?

Теофил

Признайся, всем вам осудить
Меня хотелось этот раз,
Да вот, мой сан, помимо вас,
Мне возвращен — вам на печаль.

Петр

Мне, господин, вас очень жаль.
Когда скончался кардинал,
Я сан его вам предлагал,
Но вы отвергли сан такой
Богобоязненной душой.

Тогда Теофил отправляется ссориться с другим.

Теофил

Фома, Фома! Ты плохо спал?
Смотри-ка, вновь я сенешал!
Не будешь носа задирать,
Со мной сцепляться, враждовать!
Вот, нос тебе я наклеил!

Фома

Во имя Бога, Теофил!
Уж не хлебнули ль вы вина?

Теофил

Э, друг мой, не твоя вина,
Что завтра выгоню тебя!

Фома

О, Боже Правый! Вас любя,
Пленен я вашим был умом...

Теофил

Фома, не пленник я. Притом
Могу вредить, могу помочь.

Фома

Вы ссориться, кажись, не прочь.
Прошу, оставьте вы меня.

Теофил

Фома, Фома! При чем тут я?
Надеюсь время наверстать!
Придется всем погоревать.

Здесь расканвается Теофил; он приходит в капеллу Мадонны
и говорит:

Безумец жалкий я! Куда теперь пришел?
О, расступись, земля! Я в ад себя низвел,
Когда отрекся я и господином счел
Того, кто был и есть — источник всяких зол.
Я знаю, согрешив, отверг святой состав.
Я бузины хлебнул взамен целебных трав.
Над хартией моей злой дьявол тешит нрав,
Освободит меня, живую душу взяв.
Меня не примет Бог в Свой светлый вертоград,
Душа моя пойдет к чертям в кипучий ад.
О, расступись, земля! Там каждый дьявол рад.
Там ждут они меня, клыки свои острят!
Господь, что делать мне, безумцу, научи?
Всем миром надо мной занесены бичи,
Всех адских глаз в меня направлены лучи,
Все двери предо мной закрылись на ключи!
Сойду ль когда с пути моих безумных дел?
За малое добро я Господа презрел,
Но радости земли, которых я хотел,
Закинули меня в безрадостный предел!
Семь лет иду тропой твоею, Сатана!
Трудна моя вина от хмельного вина;
Расплата за грехи мне скоро суждена,
Плоть плотникам-плутам в аду обречена.
Больной душе моей возлюбленной не стать,
Мадонну за нее не смею умолять.
Плохие семена пришлось мне рассеять:
В аду придется им расти и созреть.

Безумен я, увы! Темна судьба моя!
В отчаянии и я, и ты, душа моя!
Когда бы смел просить святой защиты я,
Тогда спаслись бы мы — моя душа и я.
Я проклят и нечист. В канаве место мне,
Я знаю, что сгорю на медленном огне.
Такой ужасной смерть не снилась и во сне!
Я мукою своей обязан Сатане.
Уже ни на земле, ни в небе места нет.
Где черти обдерут несчастный мой скелет?
В крошечный ад идти совсем охоты нет,
А Господу я враг, — закрыт мне райский свет.
Не смею умолять святых мужей и жен:
Я к дьяволам ходил нечистым на поклон;
Проклятый свиток мой моим кольцом скреплен!
В несчастный день я был богатством искушен...
Святых мужей и жен не смею я молить,
Мадонну кроткую не смею я любить,
Но чистоту ее осмелюсь восхвалить,
Я знаю: за хвалу нельзя меня хулить.

Вот молитва, которую Теофил говорит перед Мадонной:

Мадонна святая
Дева Благая,
Твоей защиты молю я,
Тебя призывая,
В нужде изнывая
И сердце Тебе даруя.
Сойди, врачуя.
Радости чуя
Вечного рая,
Тебя молю я,
О Сыне тоскуя,
Дева Святая.
Тебе моление,
Тебе служенье —
Сердцу в уладу.
Но искушенье
Несет сомненье,
Уносит отраду.
Я предан аду,
Но сердцу надо
Твое утешенье.
О, дай в награду

Жалкому гаду
Твое прощенье!
Святая Мадонна!
Дрожит смущенно
Моя душа пред Тобою:
В скорби бессонной
Ей не быть исцеленной,
И станет вечной рабою.
Жар ее скрою
Лишь доской гробовою:
Лишь смерть — неуклонно
Ведет к покою
Того, кто Тобою
Душу обрел спасенной.
О, Дева, где Ты?
В кротость одета,
Ты нас спасла от заботы,
Полная света, —
От темной Леты,
От пучины адского гнета.
Трудна работа:
Славословлю без счета,
Да минует мертвая Лета,
Чтобы Тантала гнета
И бесплодной работы
Не узнал я вдали от света.
Мой грех безмерен:
Открыты двери
Мне в ад крошечный,
И как измерю
Злую потерю,
Когда там буду я, грешный?
Обрати же поспешно
Твой лик безгрешный,
Тебе я верен...
Во мрак крошечный
Из жизни здешней
Запри Ты двери.
Под солнцем цело
И не сгорело
Стекло иконы,
Тебя ж всецело
Оставил Девою
Твой Сын рожденный.

Алмаз граненый!
Душой непреклонной
Вели, чтоб тело,
Оставив душу спасенной,
В Тебя влюбленной,
В огне сгорело!
Царица Благая!
Струи из рая
Свет благодатный,
Чтоб волю, Святая,
Твою исполняя,
Душе быть Тебе приятной.
Был путь превратный,
Но в путь возвратный
Стремлюсь, Тобою сгорая.
Ты силой ратной
Защити от развратной
Дьявольской стаи.
Я жил порочный
В канаве сточной
И душу губил пороком.
О, Чистый Источник,
Свет Непорочный,
Огради Рукою Высокой!
Взгляни, Прекрасное Око,
Затеpli в сердце далеко
Мне свет урочный,
Дай зреть до срока,
В покаяньи глубоком,
Мой путь порочный.
Дьявол проклятый,
Темный вожатый,
Обрек меня аду.
Он ждет уплаты...
Свет Благодатный!
Пошли мне Сына-Усладу!
Светлому взгляду
Доступно стадо
Врагов заклятых.
Слабых ограда,
Спаси от ада,
Услышь меня Ты!

Здесь обращается Мадонна к Теофилу и говорит:

М а д о н н а

Кто там нашел в капеллу путь?

Т е о ф и л

О, дай лишь на Тебя взглянуть!

Я — бедный Теофил,
Кого сам дьявол заманил,
И обольстил, и окрутил.

Спасенья жду.

К Тебе с молитвою иду:
Не дай погибнуть мне в аду,

В пучине зла.

Меня лишь крайность привела.

Меня Ты некогда звала

Слугой Своим.

М а д о н н а

Иди отсюда, пилигрим.

Расстанься с домом ты Моим.

Т е о ф и л

Не смею, нет!

О, роз благоуханный цвет!

О, белых лилий чистый свет!

Что делать мне?

Попал я в сети к Сатане,
Неистов он, жесток ко мне,

Что предпринять?

Я не устану призывать
Твою святую благодать,

О, Дева Дев!

Сойди ко мне, Небесный Сев,

Смири их сатанинский гнев

И утоли!

М а д о н н а

Несчастный Теофил, внимли:

Ты был слугой Мне на земли,

Безумен ты,

Но черной хартии листы

Верну тебе из темноты,

Иду за ней.

Здесь отправляется Мадонна за хартией Теофила.

Эй, Сатана! Ты у дверей?
Верни Мне хартию скорей!
Затеял споры ты, злодей,
С Моим слугой,
Но здесь — расчет тебе плохой:
Ты слишком низок, дьявол злой!

С а т а н а

Мой договор?
Нет, лучше гибель и позор!
Не так я на согласье скор!
Вернул я сан: и с этих пор —
Он мой слуга!
Его душа мне дорога.

М а д о н н а

Вот, Я намну тебе бока.
Здесь приносит Мадонна хартию Теофилу.

Мой друг, вот хартия твоя:
Ты плыл в печальные края,
Но радости и бытия
Даю ключи.
Ты к кардиналу в дверь стучи,
Ему ты хартию вручи,
Пускай прочтет
Ее с амвона, чтоб народ
Узнал, каким путем влечет
Лукавый бес.
В богатство по уши ты влез:
Душе легко погибнуть здесь.

Т е о ф и л

О, Дева, — так!
Попал несчастный я впросак.
Труд потерял, кто сеял так:
Не проведешь теперь!

Здесь приходит Теофил к Кардиналу; он вручает ему хартию
и говорит:

Я здесь, во имя Вышних Сил,
Хоть грех тяжелый совершил.
Должны вы знать,
Что душу мне пришлось продать;

Пришлось худеть и голодать,
И был я наг,
А Сатана, лукавый враг,
Завел меня в глухой овраг
Вина тяжка,
Но Девы Светлая Рука
Меня вернула, бедняка,
На правый путь.
Я мог кривым путем свернуть
И в преисподней потонуть,
В пучине зла,
Затем, что добрые дела
Душа навеки предала,
И бес велел
Расписку дать, и захотел,
Чтоб я на ней запечатлел
Печать кольца.
Потом страдал я без конца,
Не смея приподнять лица,
И весь в огне.
Пошла Святая к Сатане,
Вернула ту расписку мне
И знак кольца.
Теперь прошу вас, как отца,
Чтоб знали чистые сердца,
Ее прочесть.

Здесь Кардинал читает хартию и говорит:

Кардинал

Во имя Бога, кто здесь есть,
Услышать радостную весть
Стекайтесь в храм!
О Теофиле бедном вам
Рассказ нелживый передам,
Как дьявол злой
Хотел владеть его душой.
Внимайте повести простой:

«Все те, кто этот лист держал и изучил,
Пусть знают: Сатане любезен Теофил.
Он, мудрый, поделом жестоко отомстил
За то, что кардинал богатств его лишил.

Несчастный Теофил, отчаяньем гоним,
К волшебнику пришел, что бесом одержим,
И твердо обещал смириться перед ним,
Чтоб только сан его не перешел к другим.

Боролся долго с ним я, сильный Сатана,
Но жизнь его была смирением сильна.
Теперь — он мой слуга. Расписка мне дана,
И власть ему за то сполна возвращена.

Он перстень приложил и кровью начертал,
Принять иных чернил он сам не пожелал
И ранее, чем я ему полезным стал
И сан его ему обратно даровал».

Так поступил сей мудрый муж,
Причтенный к сонму честных душ
Слугой небес.
И снова дух его воскрес.

Так посрамлен лукавый бес.
При виде новых сих чудес,
Мы все встаем
И славу Господу поем:

*Te Deum laudamus.**

*Explicit miraculum.***

1907

* Тебя, Бога, хвалим (лат.). — Ред.

** Развязка чуда (лат.). — Ред.

ФРАНЦ ГРИЛЬПАРЦЕР

ПРАМАТЕРЬ

Трагедия в пяти действиях

ПРЕДИСЛОВИЕ

Франц Грильпарцер, родившийся в Вене 15 января 1791 года, был старшим сыном адвоката доктора Менцеля Грильпарцера и супруги его Марианны, рожденной Зоннлейтнер. Внешние факты его жизни, как у многих писателей последних столетий, не представляют интереса. Он учился в гимназии; с 1807 по 1811 год слушал курс юридических наук в Вене; в эти ранние годы потерял отца, в 1813 поступил на государственную службу, в 1847 году был избран в члены Академии наук, в 1861 — в члены австрийской палаты господ.

Главною любовью в жизни часто вообще увлекавшегося Грильпарцера была Катарина Фрелих, с которой он познакомился, когда ему было тридцать, а ей двадцать один год.

Литературную деятельность Грильпарцер начал шестнадцати лет, под влиянием Лессинга, Гердера, Шиллера и Гете. Расцвет его начался в 1816 году, когда известный в то время драматург Шрейфогель побудил Грильпарцера серьезно приняться за драматургию и способствовал появлению на сцене «Праматери», и окончился в 1838 году, когда поэт, под давлением цензуры, критики и публики, холодно встретившей его последние драмы, совершенно отказался почти от публикации своих произведений.

В течение двадцати двух лет Грильпарцер завоевал себе драмами, стихами и прозой не последнее место в ряду своих современников, среди которых были имена: Гейне, Гофмана, Шамиссо, Ла-Мотт-Фуке, Брентано, Клейста, Рюккерта, Уланда, Иммермана.

21 января 1872 года, изведав тягость критических и цензурных гонений, чинов и почестей, изъездив Европу (Германию, Италию, Францию, Англию, Турцию и Грецию), Грильпарцер тихо скончался в родном городе. Похороны его равнялись по торжественности похоронам Клопштокa; в 1889 году ему поставлен памятник в Венском народном саду. Многие произведения Грильпарцера на-

печатаны только после его смерти; пьесы с огромным успехом шли в шестидесятых годах.

Грильпарцер писал стихи, беллетристические и критические произведения (новеллы, дневники путешествий, критические заметки, воспоминания, автобиография — два тома); но известен он, главным образом, драмами, из которых на русский язык переведена трагедия «Сафо» (перевод Арбенина в журнале «Артист» 1895 г.). Что касается «Праматери», то она, под названием «Прародительницы», шла с успехом на петербургской казенной сцене в 1830 году в переводе Ободовского; в моем переводе трагедия была поставлена в 1908 году в «Драматическом театре» Коммиссаржевской, которая на следующий год сама исполняла роль Берты в Москве.

В том внутреннем трепете, которым проникнута юношеская трагедия Грильпарцера, кроются причины, по которым пьеса выдержала много изданий, была переведена на все главные европейские языки и шла на многих сценах. «Праматерь», вышедшая из среды «трагедий рока», переросла эту среду и породнилась с такими творениями, как «Падение дома Эшер» Э. По и «Росмерсхольм» Г. Ибсена.

«Вступи в жизнь, дай страданью и горю бушевать в твоей беззащитной груди, и, когда волосы твои встанут дыбом, ты поймешь, что лежит в основе „Праматери“».

Так писал сам Грильпарцер одному из своих легкомысленных критиков сто лет тому назад; но этот таинственный внутренний смысл не сразу можно почуять за романтической бутафорией, которой пьеса щедро украшена.

«Праматерь» — не вечная трагедия, как «Эдип» или «Макбет», но, если можно так выразиться, *интимная* трагедия, которая сохранит свою свежесть до тех пор, пока человечество не перестанет переживать эпохи, какую пережил Грильпарцер, какую приходилось переживать и нам.

Когда читаешь историю Германии и Австрии, с Венского конгресса до революции 1848 года, становится страшно не столько за неумудренность горьким опытом политических деятелей, сколько за те повторения, которыми неумолимо дарит нас история.

В этом маленьком предисловии я не считаю уместным перечислять известные факты. Напомню только, что князь фон-Меттерних, человек с ироническим лицом и даже тайный поклонник Гейне (что, впрочем, не помешало союзному сейму запретить в Германии все бывшие и будущие произведения поэта), тридцать лет предсказывал сорок восьмой год; и всё-таки этот год наступил и, наступив, озадачил и испугал самого вершителя немецких судеб.

История политической реакции в Германии и Австрии сохранила драгоценные для нас внешние факты. Трагедия души двадцатисемилетнего австрийского поэта понятна до конца только в черных

дни, когда *старое* всё еще не может умереть и бродит, жалуясь на усталость и тревожа живых — робко, упрямо, порою музыкально; а *новое* всё еще не может окрепнуть, плачет немного неожиданными слезами, как Яромир, юноша сильный и мужественный, и погибает зря, как русские самоубивающиеся юноши без «цели в жизни».

Всё это не так просто и не поддается публицистическому учету. Нам было бы слишком легко «наложить» всю трагедию Грильпарцера на русскую современность, сказать, положим, что для России она символизирует медленное разложение дворянства, сыгравшего великую роль и увядающего, как осенняя георгина, «во мраке и сырости старых садов». В этом была бы доля правды, но не вся правда; да и подобные методы нас больше не удовлетворяют. Ведь для того, чтобы понять чью-нибудь гибель, будь то обряд, сословие, или отдельный человек, надо сначала полюбить погибающего, проникнуть в его отходящую душу; значит — горестно задуматься над ним. — Произведение Грильпарцера и есть произведение горестное и *задумчивое*, несмотря на весь юношеский задор.

Имена Вернера, Мюльнера, Гоувальда, драматургов, современных Грильпарцеру, не говорят нам ничего. Имя Грильпарцера история запомнила. Не есть ли это лучшее доказательство того, что поэт действительно «обнаружил способность влить человеческую кровь даже в безжизненные персонажи „трагедий рока“» и что эти трагедии относятся к «Праматери» примерно так, как сама «Праматерь» — к „Эдипу“, — как говорят доброжелательные критики? Но «Праматерь» — современница тех произведений, где изображается неумолимая покорность слепому року; все живые и страстные герои трагедии находятся во власти «странных шелестов», проносащихся по залам родового замка. Они скованы холодом зимней выюги, которая голосит за окнами, в полях. Все эти страшные шелесты и голоса воплощаются в какой-то *призрачной красавице*, которую отец принимает за дочь, а жених — за невесту. — Всё страстно желающее жизни, любви и обновления — гибнет; только она, чье единственное желание — *отдохнуть*, успокоиться в «гробовом ящике», — торжествует свою тусклую победу, озаренную луною да беспомощными свечами на столе.

Чем глубже Грильпарцер погружается в свою мрачную *мистику*, тем больше просыпается во мне *публицистическое* желание перевести шесу на гибель русского дворянства; в самом деле, тот, кто любил его нежно, чья благодарная память сохранила все чудесные дары его русскому искусству и русской общественности в прошлом столетии, кто ясно понял, что пора уже перестать плакать о том, что его благодатные соки ушли в родную землю безвозвратно, — кто знает всё это, тот поймет, каким воздухом был

насыщен родовой замок Боротин, сидя в старой дворянской усадьбе, которую сотрясает ночная гроза или дни и ночи не прекращающийся осенний ливень; кругом на версты и версты протянулась равнина, затопленная ливнем, населенная людьми давно непонятными и справедливо не понимающими меня; а на горизонте стоит тихое зарево далекого пожара: это, вероятно, молния подожгла деревню.

Я не могу быть до конца публицистом и знаю, что в трагедии Грильпарцера есть еще и невыразимое. Это — не только искусство; искусство драматурга далеко от совершенства. Скорее, это глубокое чувство *реакции*, которое знакомо нам во всей полноте, а может быть, еще какое-то чувство, которое неизбежно посещает человека в известные периоды его жизни, когда он «подводит итоги», начинает вспоминать... и иной раз *довспоминается* до того, что станет жутко.

Лучше не будить хаос «уснувших дум»: «из смертной рвется он груди и с беспредельным жаждет слиться». Во всяком случае, лучше молчать о нем; пусть он бушует в сирой и тревожной душе художника, рождая своих «светлых дочерей» — чистые создания искусства.

То невыразимое, что заключено в «Праматери», лучше всего выразил сам Грильпарцер в монологе старого графа: это то, чего боится мужественный отец, когда он остерегает юного Яромира от своего замка и от союза с любимой дочерью.

О, зачем сюда ты прибыл?
Думал ты, мой друг невинный,
Что царит здесь светлый праздник?
Посмотрел бы ты на нас
Здесь, в ночных пустынных залах,
За безрадостным столом;
Как тогда часы влекутся,
Как замедлен разговор!
Каждый шорох заставлял
Сердце каждое дрожать!
И отец в лицо родное
Милой дочери своей
С тайным страхом и тоскою
Лишь решается взглянуть:
То дитя его родное,
Иль виденье гробовое?
Видишь, сын мой, как живут
Здесь отмеченные роком!
Ты же — мужественный дух,
Радость жизни быстролетной
И покой своей души, —
Все богатства хочешь бросить
В дома нашего пожар?
О, мой сын, ты не погасишь,
Только с нами ты сгоришь!

Когда Яромир выражает готовность остаться с ними, хотя бы ему грозила гибель, старик горестно задумывается. Нежная Берта говорит жениху: «Он не любит, чтобы на него смотрели в такие минуты: это бывает с ним часто».

Вот смысл пьесы.

Если бы «трагедии рока» не были пустой бутафорией, жизнь и литература приняли бы их в свое лоно. Но они забылись, осталась в памяти только родственная им «Праматерь» — не простая «трагедия рока».

Она вошла в жизнь и заняла в ней по праву свое не очень большое, но жуткое место; на челе тех немногих, кто пристально вчитается в нее, ляжет непременно еще одна лишняя морщина. Это — трагедия не «реакционная», но и не вечная; может быть потому, что она создана в эпоху реакции, когда всё живое обессиливается мертвым. Это — интимная, *предостерегающая* трагедия — произведение не великой, но задумчивой и измученной души.

Александр Блок

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Граф Зденко фон-Боротин.

Берта, его дочь.

Яромир.

Болеслав.

Гюнтер, кастелян.

Капитан.

Солдат.

Толпа: солдаты и слуги.

Праматерь дома Боротин.

ПЕРВОЕ ДЕЙСТВИЕ

Готический зал. В глубине две двери. В боковых стенах справа и слева тоже двери. На одной из передних кулис висит заржавленный кинжал в ножнах. Поздний зимний вечер. На столе свечи.

Граф сидит у стола, устремив взоры на письмо, которое держит в руках. Вблизи Берта.

Г р а ф

Ну, так с богом! Будь, что будет!
Ветвь срывается за ветвью,
Догнивает шаткий ствол;
Лишь удар — он также рухнет,
И очутится во прахе,
Осенявший наши доли
Широковетвистый дуб.
Век за веком эти ветви
Зеленели, отсыхали,
Ствол иссохнет, как они;
От деяний наших предков,
Их стремлений, их борений
Не останется следа,
Не пройдет и полстолетья,
Как забудут наши дети
Род старинный навсегда.

Б е р т а (у окна)

Ночь ужасная, отец мой!
Мрак и холод, как в гробу.
Ветры вспугнутые воют
И спуют, как духи ночи;
Всё, что видит глаз, в снегу,
Все холмы и все вершины,
Все деревья, все равнины;
Как мертвец, земля недвижна

В снежном саване зимы;
И глазницами пустыми
Небосвод глядит беззвездный
В необъятную могилу!

Г р а ф

Как часы идут лениво!
Слышала их бой ты, Берта?

Берта *(отходя от окна
и сядя за работу против отца)*

Только семь часов пробило.

Г р а ф

Семь часов? А мрак уж полный! —
Ах, дряхлеют силы года,
Дни становятся короче,
Жилы медленнее бьются,
Год склонился в темный гроб.

Берта

О, настанет май веселый,
Вновь оденутся поля,
Ветерок нежней повеет,
Луг цветами запестреет.

Г р а ф

Новый год придет, конечно,
Этот луг зазеленеет,
Забурлят ручьи повсюду,
И цветок, теперь увядший,
Долгий зимний сон оставит,
Вскинет детскую головку
На подушке белоснежной,
Прежней, ласковой улыбкой
Улыбнется светлый взор.
Каждый куст, простерший к небу
Обессиленные бурей
И беспомощные руки,
Будет зелен, как бывало.
Всё, что дышит и живет
В доме радостной природы,
Все леса, долины, воды —

Новой жизнью зацветет,
Вновь с весною оживет;
Только род мой — не воскреснет!

Б е р т а

Грустно вам, отец мой милый!

Г р а ф

Счастлив, дважды счастлив тот,
Кто последний час встречает
Посреди своих детей.
То не смерть, а лишь разлука,
Он живет в воспоминаньях,
Жив трудами он своими,
Жив своих детей делами,
Жив у внуков на устах.
Как прекрасно пред разлукой
Семена своих деяний
В руки милые отдать,
Чтоб они, лелея всходы,
Плод забот своих вкушали,
В наслажденьи видя вместе
Наслаждение и дар.
О, как сладко, как отрадно
То, что нам отцы вручили,
Передать любимым детям,
Пережить себя на свете.

Б е р т а

Ненавистное письмо!
Принесло оно, казалось,
Вам, отец мой, свет и радость,
А теперь, когда прочли вы,
Мысли черные пришли.

Г р а ф

Не письмо тому причиной —
Всё, что в нем, я знал заране,
Нет, уверенность слепая,
Всё растущая во мне,
Что сама судьба решила
По всему лицу земному
Истребить мой древний род.
Пишут мне, что дальний родич

(Только раз его я видел,
Но наследники остались
В роде — только он, да я),
Он бездетным стариком
Умер в ночь, и я — последний
В знаменитом древнем роде,
Этот род умрет со мной.
Ах, не сын пойдет печальный
За моею колесницей, —
Нет, глашатай погребальный
Щит старинный, родовой,
Что в боях сиял со мной,
Шпагу ту, что мне служила,
Скорбно сложит на могилу! —
Есть старинное преданье,
Что идет из уст в уста:
Рода нашего Праматерь
За бывшие злодеянья
Здесь блуждать обречена
До поры, пока последний
Отпрыск проклятого рода
Не уйдет с лица земного.
Вот теперь ей будет радость,
Цель ее недалека!
Я почти поверил сказке,
Перст поистине могучий
Нам паденье указал.
Я стоял цветущий, сильный
Меж троих могучих братьев,
Всех скосила злая смерть.
Я супругу ввел в мой замок
Дивно-нежную, как ты.
Счастлив был союз наш верный,
И плодом его любовным
Были вскоре сын и дочь.
Но, когда она угасла,
Дети были мне единой
В мире радостью живой.
И берег я пуще глазу
Драгоценнейший залог.
Но — напрасная надежда!
Нашей мудрости невмочь
Бой неравный с мрачной силой,
Если жертв она просила,

Унесет в глухую ночь.
Сыну минуло три года
В день, когда, в саду играя,
Он от няньки убежал.
Дверь открытая из сада
Привела его к пруду.
Дверь всегда была закрыта,
Лишь тогда был вход свободен —

(С горечью.)

Ведь не то — он был бы жив!
Ах, твои я вижу слезы,
Вместе плачем мы с тобой,
Верно, знаешь ты развязку?
Я, несчастный, малодушный,
Поверял тебе нередко
Эти скорбные рассказы.
Что же? — Сын мой утонул;
Многие тонули раньше.
Правда, он *моим* был сыном,
Был единственной надеждой
Хилой старости моей,
Ну, и что же? — Он погиб!
И бездетным я умру!

Б е р т а

Ах, отец мой!

Г р а ф

Понимаю

Я упрек любимых уст.
Я зову себя бездетным,
Ты же, верная, со мной.
Ах, прости владельцу клада:
Я растратил половину
В лютой буре тяжких бед,
Избалованный избытком,
Я и с целой половиной
Нищим чувствую себя.
Ах, прости, когда утрата
Слишком ярко мне горит!
Ведь утрата, точно молния,
Что отнимет — озарит.
Да, поистине неправ я!

Разве — имя выше счастья?
Разве — я живу для рода?
Как же мне с холодным сердцем
От тебя всей жизни юность,
Жертвы радость принимать?
Дней моих остаток будет
Отдан счастьем твоему!
Только с любящим супругом,
Лишь с достойнейшим тебя
Обретишь иное имя
И иное счастье с ним!
Выбирай себе свободно
Меж сынов страны любого.
Верю в выбор благородный!
Ты вздохнула? — Или сделан
Выбор? Так ли? Яромир?
Яромир фон Эшен юный?
Правда?

Берта

Смею ли, отец?

Граф

Даже самый малый облак
На твоём девичьем небе
Не укрыть от глаз отца.
Но корить тебя не стану
Я за то, что угадал
То, что знать давно обязан;
Разве я — отец суровый
Милой дочери своей?
Благороден родом он,
Такоже — подвигом своим;
Пусть придет — хочу я только
Испытать его — тогда
Новый день взойдет над нами:
Отойдут немедля к трону
Лены крупные, но все ж
Хватит вам для скромной доли
Достоянья Боротин.

Берта

О, спасибо!

Граф

Нет, не надо!

Только старый долг плачу я!
Разве есть бедней награда?
Ты не больше ль заслужила?
Он — не больше ль, этот рыцарь?
Он — тот самый, что однажды,
Жертвуя своею жизнью,
Жизнь твою спасал в лесу?
Это он, дитя родное?

Берта

О, с опасностью ужасной!
Я, отец, вам говорила,
Как ушла я в ближний лес
И совсем одна гуляла,
Летней ночью упиваясь,
В тихой ласке ветерка.
И, цветов благоуханьем
Погруженная в забвенье,
Далеко я отошла...
Вдруг, сквозь ночь и мглу звеня,
Лютни звон настиг меня,
Полный жалобы и стона,
Силой музыки плена,
То голубки воркованьем
В темной зелени ветвей,
То протяжным замираньем,
Как влюбленный соловей...
Самый воздух слушал молча,
И листва осин дрожащих
Неподвижно замерла.
Я стояла, вся — вниманье,
Вся печалью исходя...
Вдруг хватают чьи-то руки,
Вижу странных пред собой
Двух злодеев, облеченных
В цвет кровавого убийства,
И кинжал сверкнул в глаза.
Уж взнесен кинжал разящий,
Мнится мне, я сражена
Прямо в грудь смертельной раной...
Чу! — кусты зашевелились,

Стройный юноша занес
Шпагу — правою рукою,
А рукою левой — лютню
На бледнеющих убийц.
Как поверг он их на землю,
Как один их победил,
Как он подвиг совершил, —
Я не помню. В смертном страхе
Потеряла я сознание,
И, когда вернулась к жизни,
Уж была в его объятьях,
Вся бессильная, больная;
Как дитя к родимой груди,
Я к устам его горячим
Льнула жаркими устами...
Но, отец мой, что могла я?..
За поступок благородный
Малый дар — любовь моя.

Граф

Вы встречались часто?

Берта

Случай

Подарил нас новой встречей
И еще — не только случай...

Граф

Для чего ж он избегает
Дружбы нежного отца?

Берта

Он — потомок знатных предков.
Но от предков получил
Только знатность — не богатство.
И такой, как он, бедняк
Должен, думал он, бояться,
Что богатый Боротин
Одарит его богато,
Но не дочь отдаст в награду.

Граф

Чтить умею благородство,
Если чтит оно других.

Пусть придет он и узнает,
Что богатый Боротин
Всем добром ему обязан,
Пусть он знает, что отец твой
Все сочтет богатства мира
Малой платой за тебя. —
А теперь — за арфу, Берта,
Хоть на краткий час попробуй
Усладить мои печали.
Поиграй немного, Берта.

Берта берет арфу. Скоро после первых аккордов старик поникает головой и впадает в дремоту. Как только он засыпает, Берта оставляет арфу.

Берта

Сладко спи, отец мой добрый!
Пусть возвращенные тобою
На пути моем цветы —
Лягут пышными венками
На челе твоём усталом: —
Буду я его супругой,
Звать своим могу его??
То, что было лишь мечтаньем,
Высшим счастьем мая,
Как из рога всех обилий
Сыплет цветом на меня.
Мне всё непонятно,
Я сама — непонятна;
Всё твердит и поет лишь о нем.
Расскажу я и тучам,
И ветрам могучим,
Чтобы весть разнесли о милom моем.
И в доме тесном
Мне мало места,
Скорей на вышку! Дом стал тюрьмой!
На темной ступени
В томной лени
Будить молчанье тьмы ночной!
Приди, мой милый,
Тебе вручила
Я жизнь и радость, тебе отдам.
В час блаженный,
Сокровенный
Прильни устами к моим устам.
Уходит. Пауза.)

Часы бьют восемь ударов. С последним ударом гаснут свечи; порыв ветра проносится по комнате; буря воеет за окнами, и в страшном шелесте — Праматерь, совершенно сходная с Бертой лицом и одеждой, отличаясь от нее лишь волнующимся покрывалом, появляется около кресла спящего Графа и скорбно склоняется над ним.

Граф (*в тревожном сне*)

Прочь от меня! — Прочь! — Прочь!

(*Просыпается.*)

А, ты здесь, со мною, Берта?
Это был тяжелый сон.
На душе еще тревожно.
Вновь возьмись за арфу, Берта,
Слушать музыку мне надо.

Призрак выпрямился и неподвижно смотрит на Графа широко раскрытыми, мертвыми глазами.

Граф (*в ужасе*)

Что ты смотришь на меня
Так ужасно, что мужское
Сердце в страхе пошатнулось,
До костей проникнул страх!
Прочь глаза! Зачем ты смотришь?
Так во сне тебя я видел,
И душа еще кипит.
Иль отца убить ты хочешь?

Призрак поворачивается и делает несколько шагов к двери.

Граф

Так! — Теперь очнулся я, —
Ты куда, дитя?

Праматерь (*отворачивается
от двери. Беззвучным шепотом*)

Домой!
(*Уходит.*)

Граф (*как громом
пораженный, откидывается на спинку кресла.
Небольшая пауза*)

Что со мной? — Или я грезил?
Но она стояла здесь,

Слышал я могильный голос,
Кровь моя оцепенела
Под лучами мертвых глаз!
Но ведь это — дочь родная!
Берта! Берта!

Берта (*вбегает*)

Ах, отец, что случилось с вами?

Граф

Здесь ты, Берта! Что с тобой?
Злая девочка, скажи мне,
Для чего, как дух ночной,
По моим пустынным залам
Бродишь ты чужой походкой
И тревожишь старый сон?

Берта

Я, отец мой?

Граф

Ты, конечно!
Ты не знаешь? И однако
Ты недвижным, мертвым взором
Мне кинжал вонзила в грудь!

Берта

Мертвым взором?

Граф

Мертвым взором.
Что ж ты смотришь удивленно?
Так... О, нет! Еще недвижней!..
Рассказать — не сыщешь слов...
Мягче, ласковой взгляни,
Чтоб рассеять мрачный ужас
Той минуты роковой!
Всё напрасно! До могилы
Страшный образ гробовой
Будет вечно предо мной!
Взор твой — лунное сиянье
Над вечерними полями, —
Но и смерть узнал я в нем!

Берта

Что я сделала такого,
Что волнует вас, отец?
Что бранить вас заставляет
Эти полные слезами
И испуганные очи?
Я покинула вас спящим,
Необдуманно ушла...

Граф

Ты ушла?.. Но здесь была ты?..

Берта

Я была здесь?..

Граф

Разве нет?
Вот на этом самом месте
Ты вонзала стрелы смерти
В сердце старого отца!

Берта

Вам приснилось...

Граф

Здесь! Я знаю!

Берта

Я сейчас была на вышке.
Тихий сон вас убаюкал.
И пошла я, вся — томленье,
На любимого взглянуть.

Граф

Стыдно, девочка! Не смейся!

Берта

Я смеюсь? Отец мой, — я?..

С глазами полными слез обращается к Гюнтеру

Не могу... Скажи.. не знаю!.

Г ю н т е р

В самом деле, господин,
Ваша дочь была на вышке.
С нею был я, — мы смотрели
На окрестный снег и ждали,
Не придет ли путник к нам.
Лишь заслышав резкий зов,
Мы прийти к вам поспешили.

Г р а ф (*быстро*)

Но я видел...

Г ю н т е р

Что?

Г р а ф

О, нет!

Г ю н т е р

Господин мой, что такое?

Г р а ф

Нет!.. Не видел ничего я!

(*Про себя.*)

Слишком ясно, то был сон.
Если даже разум спорит,
Если память так ясна,
Это так, — я видел сон!
Значит, яркий сон бывает
На действительность похож!
Вот рука — ее я вижу
Не ясней, чем видел это!
О, моя святая Берта,
Вижу ясно — то был сон.
Подойди поближе, Берта!
Не кори отца седого
За невольную суровость,
Оскорбившую тебя.
Ты была еще ребенком,
Но всегда так терпеливо
Ты сносила все обиды

И обидчика прощала.
И казалась ты виновной
Нежной кротостью своей.

Берта (*на его груди*)

Разве я не виновата?
Хоть не я — причина гнева,
Гнев обрушен на меня.

Граф

Ты простишь теперь мне, Берта?

Берта

Что, отец мой, вам приснилось?
Сны бывают с жизнью схожи!
Или этот озаренный
Тусклым блеском темный зал
Обманул виденьем лживым
Ваши слабые глаза?
Я нередко замечала,
Как взволнованный наш разум,
Бестолковый раб души,
Принимает лишь виденье,
Духа праздное творенье,
За живое существо.
Лишь вчера, отец мой, шла я
В старом зале наших предков
В предвечерний, серый час;
Перед зеркалом старинным
Я на миг остановилась,
Мне понравился наряд мой,
И осталась я глядеться
В потускневшее стекло.
И когда я так стояла,
Опустив свободно руки, —
Вы, отец мой, улыбнетесь,
Мне самой смеяться надо,
Страху детскому тому;
Но, когда я так стояла,
Страшен был душе смятенной
Образ дикий, искаженный.
В миг, когда я опускала
Руки — пояс завязать,
Образ в зеркале высоко

Поднял руки к голове, —
И, от страха цепenea,
Вижу в зеркале туманном
Искаженные черты.
То мои черты — я вижу —
Но они чужие вместе,
Страшно сходные с моими,
Как живой похож на труп свой.
Широко открыв глаза,
Страшный дух грозит мне пальцем,
Строго смотрит на меня.

Г ю н т е р

Горе нам! Праматерь!

Граф (с кресла,
как бы охваченный внезапной мыслью)

Праматерь!

Б е р т а (удивленно)

Праматерь?

Г ю н т е р

Разве вы не замечали
В зале старого портрета,
Будто с вас его художник
Нежной кистью рисовал?

Б е р т а

Часто видела его я,
С удивлением смотрела,
И живым со мною сходством
Был он дорог мне всегда.

Г ю н т е р

А известно вам преданье,
Что идет из уст в уста?

Б е р т а

С детства слышала его я,
Но отец не верил сказкам.

Г ю н т е р

Ах, теперь он сам узнал,
Что не сказку вековую,

Больше — правду роковую
Пред самым собой скрывал!
Рода вашего Праматерь,
В цвете юности и счастья,
Также — прелесть, также — диво,
Также Берта, как и вы,
Принужденная родными
К нежеланному союзу,
Не забыла в новом браке
Прежних радостей любви.
И в объятиях с любимым
Раз супруг ее застал,
И пылая жаждой мщенья
За позор и преступленье,
В сердце ей вонзил кинжал.
Тот кинжал навек прикован
Здесь, на дедовской стене,
В память древнего злодейства,
В память древнего греха.
Нет Праматери покоя,
И блуждать осуждена
До поры, пока не вымрет
Весь ваш род, зачатый ею,
И покуда ни один
Отпрыск свежий, сильный, ярый
Не останется на старом
Древе рода Боротин.
И когда грозят невзгоды,
Бури носятся во мгле,
То она, покинув своды,
Бродит, бродит по земле.
И тогда все люди видят,
Как идет, скорбя, бродить,
Всё грядущее провидит
И не может отвратить.

Берта

В чем же дело?..

Гюнтер

Всё сказал я,
Что посмею здесь поведать,
Но не всё, что знаю я,
И одно еще осталось, —

То, что слуги в этом доме,
То, что старцы втихомолку
Шепчут на ухо друг другу,
Что святыню древней сказки
От людей былых веков
Принесло в уста сынов...
Есть одно, что к стольким тайнам,
Тяготеющим над мрачным
Замком, — верный ключ дает.
Но посмею ли сказать я
Здесь, на месте, где сейчас
Только тень ее бродила...

С робким взглядом прерывает речь; Берта жмется к нему и следит
за его взглядом глазами.

Господин мой, вы сурово
Брови хмурите! Нет сил...
Рвется грудь моя на части,
Самому мне станет страшно,
Но не в силах я молчать. —
Госпожа, идите ближе,
Содрогайтесь, внемля мне:
Вместе с телом опустили
В гроб кровавый только семя,
Но не самый плод греха.
Преступленье, что кровавой
Сталью ей отомщено,
Говорит преданье, было
Свершено в последний ею,
Но, увы! не в первый раз.
Сын единственный ее,
Тот, кто в вашем древнем роде
Вашим праотцем считался,
Кто в наследство получил
Имя, лены и богатства, —
Он...

Граф

Молчи!

Гюнтер

Уж всё сказал я!

Он, неведомый отцу,
Был он грешным сыном счастья,

Был плодом преступной страсти!
Грех единой страстной ночи
Не дает сомкнуть ей очи,
И бродить средь мрачных зал
Темный рок ей указал,
В каждом внуке — плод свой видеть,
Лик свой каждому явить,
Тяжкий грех в нем ненавидеть,
Жар страстей былых любить.
Так она томится годы
И, томясь, упорно ждет,
Чтобы сгинул древний род,
Но, пока открыты вежды,
Каждый ваш удар — она
С тайным страхом и надеждой
Сторожить осуждена.
Оттого — протяжно воет
Ветер в мрачных переходах,
Полон стуков мрак ночной...

Отдаленный шум.

Берта

Небо!

Гюнтер

Горе!..

Граф

Что случилось?

Шум повторяется.

Ты опасен для здоровых, —
Заразить безумьем можешь.
Там в ворота постучали,
Пропуск требуют. Иди
И спроси, чего хотят.

Гюнтер уходит.

Берта

Вы бледны, отец мой; правда ль
То, что нам сказал старик?

Граф

Что звать правдой? Что звать ложью?
Мы своим должны гордиться
И своих грехов страшиться.
В роде нашем — пусть одна
В тяжкий грех вовлечена,
Нам одно должно быть страшно —
Быть похожим на нее.
Подойди ко мне, дитя,
Проводи в опочивальню,
Время сна не наступило,
Но усталым нужен отдых,
Испытал я в час единый
Больше, чем во много дней.

Уходит с Бертой. Пауза. — Ббегаает, шатаясь, с растрепанными волосами, в разорванной куртке, со сломанной шпагой в правой руке — Яромир.

Яромир (задыхаясь)

Не могу! Ни шагу дальше!
Дрожь в ногах! Всему — конец!
Не могу! — ни шагу дальше!

(Разбитый, опускается в кресло.)

Гюнтер (входя)

Господин, кто дал вам право
Так врываться в этот дом,
Не внимая увещаньям?
Что угодно вам — скажите?

Яромир

Лишь покоя! — Час покоя,
Только краткий час покоя!

Гюнтер

Что случилось, господин?
И откуда вы?

Яромир

Из лесу —
Там напали — там — напали...

Г ю н т е р

Ах, давно уж ходят слухи
О разбойниках в лесу!
Господин, я сожалею
Вас; но вы меня простите,
Если принял за другое
Ваше быстрое вторжение
И не должное сказал.
Если добры ваши мысли,
То последуйте за мной,
В верхних залах ждет вас ложе,
Отдых, пища и питье.

Я р о м и р

Не хочу!.. Уснуть нет сил!
Здесь, прошу, оставь меня,
Чтобы стать самим собою,
Надо мысли мне собрать.

Кладет оружие на стол и склоняет на него голову.

Г ю н т е р

Что мне делать с ним, не знаю,
Страх совсем его опутал,
Оставаться иль уйти?
Передать я должен графу,
Чтобы мог он сам, как знает,
Гостя странного принять.

(Уходит.)

Я р о м и р

Он ушел! Ушел! Что делать!
Твердо стой на страже, дух!

Граф и Гюнтер входят.

Г ю н т е р

Господин, вот гость ваш новый.

Яромир встает.

Г р а ф

Не тревожьтесь, милый гость,
И покой вкушайте нужный.

Верьте, вы желанны мне:
Сами вы и ваши беды
Говорят за вас вдвойне.

Яромир

Пусть беда моя, не сам я,
Оправданьем служит мне.
Лишь сейчас в лесу ближайшем
Я подвергся нападеню.
Долго рыцарски сражались
Я и двое слуг моих;
Но враги всё прибывали,
И, сраженные, лежали
Слуги в собственной крови.
Тут нашел я тайный выход
И, прыгнув в глухую чащу,
От разбойников, бегущих
По пятам за мной, пытаюсь
На свободу ускользнуть.
Быстроту дает надежда,
Темный страх дает мне крылья:
Я врагов опередил
И, свободы близость чуя,
Вижу — брезжит мне за лесом
Замок ваш гостеприимный.
Я пошел, — и вот — я здесь.

Граф

И владелец не обманет
Ваших радужных надежд.
Всё, что есть лишь в этом доме, —
Всё к услугам вашим здесь...

Берта (входит)

Чу! Я слышу милый голос?
Это он! — Мой Яромир!

Яромир

Берта!

Он спешит к ней; вдруг останавливается и отступает с поклоном.

Граф

Этот самый, Берта?

Б е р т а

Он, отец мой! Он, отец!
Это он, отец, тот самый,
Мой спаситель дорогой!

Г р а ф

Так приблизьтесь же друг к другу,
Мы отныне не чужие,
Обнимите дочь мою!
Вы спасли ее — по праву
Жизнь ее вам вручена!
Небеса благие дали
Мне увидеть и обнять
Вас, который мне украсил
День последний, одр мой смертный,
Кто со счастьем примирил.
Светлый ангел! Мой спаситель!
Дай прижать тебя к груди!
Если б мог я в благодарность
Жизнь отдать тебе, бесценный,
Как свою ты отдал ей!

Я р о м и р

Изумлен, не заслужил я...

Г р а ф

Мы тобой изумлены —
Так ничтожна благодарность,
Так прекрасен подвиг твой!

Я р о м и р

Он прекрасен? Если б мог я
Вам сказать, что труден он!
Что он стоил самой малой,
Малой раны — только в память
Вечно памятного дня!
За дела ничтожные
Больно брать бесценный дар!

Г р а ф

Скромность юных украшает,
Ты не знал себе цены!

Берта

О, не верьте же, отец!
Унижать себя он любит,
Знаю это я давно!
Знаю, он безмерно выше,
Но у ног моих он часто
Обнимал мои колени
И, терзаясь лютой скорбью,
Восклищал в слезах жестоких:
«Я тебя не стою, Берта!»
Он меня не стоит!

Яромир

Берта!

Граф

Вы хотите, чтобы меньше
Подвиг ваш она ценила?
Ведь на подвиг вас влекло
Только сердца благородство, —
Так прекрасно поступать.
Дайте ж нам гореть надеждой,
Что и в наш глубокий мрак
Мимолетный луч упал,
Вы несли не просто счастье,
Нам вы счастье принесли.
Кто отвергнет благодарность,
Тот дарящего унизит,
Друг мой! гордостью своей.

Яромир

Что ответить мне, не знаю!
Утомлен борьбой жестокой,
Страхом этой мрачной ночи,
Устоять едва могу я
В поединке благородном.

Граф

Вам пора напомнить было,
Что давно покой вам нужен!

Берта

Ах, отец, что было с ним?

Граф

Завтра всё, дитя, узнаешь.
Ну, пойдем на отдых, Берта.
Отведет его наш Гюнтер
В лучший дедовский покой.
Сон глубокий и спокойный
Осенит его рукой
Вплоть до позднего утра.
О, мягка его подушка,
Совесть юная чиста
Светлым подвига сознаньем! —
Так — еще рукопожатье,
Так — еще одно лобзанье,
Так, мой сын, иди на отдых!
Ангел сон твой сторожит!

Берта (*уводя старика*)

Спи спокойно!

Яромир

До свиданья!

Берта (*обернувшись в дверях*)

Доброй ночи!

Яромир

Доброй ночи!

Граф и Берта уходят.

Гюнтер

Отдохните, господин мой,
Я в покой вас провожу.

Яромир (*выходя на авансцену*)

О, примите, боги замка,
Дом святой, прими меня!
Здесь не ведают порока,
Здесь — невинности чертог.
Дом святой и непорочный,
Ты, священная обитель,
Будь убежищем моим!

Ты, дыханье мрака, прочь!
Только эту — эту ночь
Подари мне рок ночной,
Завтра — стану пред тобой!

Уходит с Гюнтером.

ВТОРОЕ ДЕЙСТВИЕ

Зал как в предыдущем действии. Густая тьма. Яромир вбегает.

Яромир

Или самый ад крошечный
По пятам за мной стремится?
Пляска страшных привидений
Предо мной, за мной, во мне!
Ужас с жадностью вампира
Кровь сосет из жил горячих,
Мозг из бедной головы!
Вот зачем сюда пришел я!
Думал — ангела обитель, —
Силу ада
Встретил здесь! —
Но куда, куда пришел я,
Тайным ужасом влекомый?
Иль не здесь покой высокий,
Где приют обрел пришлец?
Старика здесь спальня... Тише!..
Сердце! Спящих не буди.
Тише! Пусть они не знают
Сердце странного смятенья!

(Прислушивается около спальни Графа.)

Тихо!

(У левой двери заднего плана.)

О! какие звуки!

Знаю сладость этих звуков,
Жажду прелесть их впитать.
Чу!.. Слова!.. Ее молитва!..
О, молись, молись еще,
Ты, невинная душою!

(Прислушиваясь.)

«Светлый ангел, с нами будь!»
Будь со мною, светлый ангел!
«Защити нас...» О, спаси!
От меня спаси меня!
О, нежнейшее создание!
Нет, не в силах я сдержаться,
Должен, должен с нею быть!
Я у ног ее прекрасных,
В светлой близости к любимой,
Обрету покой и мир!
Ты могла бы надо мною,
Как над мертвым, помолиться,
И в твоём дыхании чистом
Я восстать хочу святым!

Он подходит к двери; она отворяется, и Праматерь выходит оттуда,
строго отстраняя его руками.

Я р о м и р

Ах, ты здесь, мой ангел светлый,
Это я — не упрекай
И меня не отстраняй,
Дай душе моей стесненной,
Не знававшей утешенья,
На груди твоей прекрасной,
Глаз твоих в сиянии ясном —
Дай вкусить успокоенья!

Призрак выходит из двери, которая закрывается за ним, и еще
раз отстраняет его от себя обеими руками.

Я р о м и р

Я не смею! Я не смею!
Но когда твою я прелесть
Упоенным вижу взором,
Быть к тебе хочу я ближе!
Да, я знаю, дни идут,
Чую тайными мечтами:
Чувства, скованные снами,
Вновь проснутся и вздохнут.
Пред страданьем ты молчишь?
Иль погибнуть мне велишь?
Тронься ты моей тоскою,
Дай войти мне за тобою!

Все должны преграды пасть:
Страсть — ответом будь на страсть!

(Бросается к ней.)

Берта!.. Берта!..

Он приближается, призрак поднимает правую руку с протянутым ему навстречу указательным пальцем.

Яромир *(с криком отступает)*

А!..

Берта *(изнутри)*

Ты ли это, Яромир?

При первом звуке голоса Берты призрак со вздохом начинает медленно двигаться по сцене. Прежде, чем он ушел, из двери выходит Берта, не замечая призрака: она смотрит на Яромира, стоящего в противоположном углу.

Берта *(со свечой)*

Яромир, ты здесь?

Яромир *(следуя за удаляющимся призраком глазами и вытянутым указательным пальцем)*

Там! Там! Там! Там!

Берта

Что с тобой случилось, милый?
Отчего глядишься ты
Диким взором — в темный угол?

Яромир

Здесь и там, и там, и здесь!
Здесь она! Она — нигде!

Берта

Небо! Что с тобой случилось?

Яромир

Бог свидетель, я не трус!
Всё снести готов, клянусь!
Черта выведи из ада

И считай удары сердца —
Разве страх стеснит мне грудь?
Но лицом к лицу он должен
Стать со мной, как смелый враг!
Не в моем воображении,
Не в горячечном мозгу,
Не в груди моей — пусть ищет
Он помощника себе!
Пусть предстанет великаном,
С головы до ног — в железе,
Пусть во мгле предстанет мне,
В адском пламенном огне, —
Я могу над ним глумиться
И могу я с ним сразиться.
Пусть обрушит весь свой гнев,
Буду я пред ним, как лев,
Взор во взоры погружая,
Зубы — зубом отражая,
Равный с равным! Но не в силах
Я бороться с тонким ядом,
С лстивым вкрадчивым обманом,
Отравляющим меня!

Б е р т а (*устремляясь к нему*)
Яромир! Мой Яромир!

Я р о м и р (*отступая*)
О, я вижу лик прекрасный!
Но исчезнешь ты, как дым,
Под дыханием моим!

Б е р т а (*обнимая его*)
Так целует привиденье?
Может призрак так смотреть?
Чувствуй, здесь, в твоих объятьях,
Чувствуй, чувствуй, я сама!

Я р о м и р
Это ты? Какое счастье
Слышать жаркий трепет сердца,
Пить дыхание твоё!
Это — свет очей прекрасных,
Это — милые уста,
Это — сладостный твой голос,

Хорошо знакомый звук,
Мир в мою сводящий душу!
Ты, любимая, со мною!

Б е р т а

Я с тобою!.. — Будь со мною!
Как дрожишь ты!

Я р о м и р

Я — дрожу?..
Кто увидит и не вздрогнет?
Я ведь — только кровь и плоть,
Не медведица в дремучем
Родила меня лесу,
Я не диким зверем вскормлен,
На челе моем начертан
Светлый лозунг: Человек!
Есть предел для человека,
Тайный есть предел — за ним
Доблесть прахом разлетится,
Взор духовный помутится,
Сила, как тростник речной,
Слышен шепот роковой:
«Стой! Ни шагу дальше! Стой!»

Б е р т а

Ах, мой милый, дух твой болен,
Возвратись в свои покои.

Я р о м и р

Нет, скорее в ад крошечный,
Чем опять вернусь туда!
Я с доверчивой душою
В отдаленные покои
Шел с вожатаем моим.
Очи сном смежить желая,
На высоком ложе лег,
Свет погас, и в краткий срок
Слышу, сон меня овеял,
Нежно, будто белый голубь
С мирной веткою маслины
Надо мною тихо рея,
И сужая круг за кругом

Над моим богатым ложем.
Вот — всё ниже, ниже он,
И нисходит сладкий сон. —
Вдруг все члены сводит ужас,
Содрогаюсь, слышу, внемлю:
Шум возник в пустом покое,
Будто воздуха душа
Вкруг волнуется, шурша,
Звуки странные вызывают,
Светы тусклые мерцают,
Ночь исполнена движеньем,
В страшный образ прах свился.
Шелестят, влачась, одежды
Там и сям, во мраке зала,
Слышно — плачут, слышно — воют,
И вблизи, из темной ниши,
Троекратный стон я слышу.
Тут с поспешностью безумной
Полог ложа я сорвал!
Ночь стоокими огнями
Дико смотрит на меня.
Вижу светлое мерцанье,
Быстролетное смыканье
Тусклых тысячи кругов,
Сотни рук ко мне простерлись,
Сотни ног ползут на ложе,
Зубы скалят чьи-то рожи;
У подножья моего
Словно лунный свет мерцает.
Лик знакомый выплывает,
С помертвевшими очами,
С дивно милыми чертами!
О, с твоими, друг, чертами!
Он глядит, открывши очи,
Прямо в душу — дикий ужас
Мой пронизывает мозг,
Я соскакиваю с ложа,
Устремляюсь чрез покой,
Призрак гонится за мной!
Словно бич жестоких фурий
В этот зал загнал меня!
Слышу милую молитву
И хочу к тебе приникнуть,
И тогда... Ты видишь?.. Видишь?..

Берта

Что, мой милый?

Яромир

Ты не видишь?

Там, в углу, не видишь ты,
Словно призрак шевельнулся?

Берта

Ничего не вижу, милый,
Это — дикие мечты
Твоего больного мозга.
Ты устал, измучен, милый,
Сядь вот здесь, на этом кресле,
Буду я оберегать,
Сладкий отдых навевать.

Яромир (*садится, кладет
ей голову на грудь*)

Благодарствуй, друг мой верный!
Благодарствуй, нежный друг!
Обними меня руками,
Чтоб виденья адской ночи,
Устрашенные священным
Кругом, близко не пришли.
Да — теперь, в твоих объятьях,
Под твоим дыханьем нежным,
Под лучами глаз любимых, —
Снится мне — на ложе роз
Убаюкан я весною,
Свод небесный надо мной.

Входит Граф.

Граф

Кто здесь шепчет в темном зале?
Берта, ты? И вы?

Берта

Отец мой...

Яромир

Что ответить вам, не знаю,
И сказать едва могу.
Вы глупцом меня зовите.

Сам бы звал себя я так,
Если б только я не видел
И не чуял в самых недрах
Каждый нерв души дрожащим,
Да, дрожащим; и поверьте,
В свете есть людей не мало
Потрусливее меня.

Г р а ф

Как понять мне?

Б е р т а

Ах, внимайте:
Чуть в покой богатый верхний
Он ушел, едва дремотой
Затуманились глаза, —
Возникает подлс...

Г р а ф

А!..

Уж тебя моим считают?
Или в этом страшном месте
Стало дьяволам известно,
Как ты дорог мне, мой сын?
О, зачем сюда ты прибыл?
Думал ты, мой друг невинный,
Что царит здесь светлый праздник?
Посмотрел бы ты на нас
Здесь, в ночных, пустынных залах,
За безрадостным столом;
Как тогда часы влекутся,
Как замедлен разговор,
Каждый шорох заставляет
Сердце каждое дрожать,
И отец в лицо родное
Милой дочери своей
С тайным страхом и тоскою
Лишь решается взглянуть:
То дитя его родное
Иль виденье гробовое?
Видишь, сын мой, как живут
Здесь отмеченные роком!
Ты же — мужественный дух,
Радость жизни быстройлетной

И покой своей души, —
Все богатства хочешь бросить
В дома нашего пожар?
О, мой сын, ты не погасишь,
Только с нами ты сгоришь,
Прочь, мой сын, пока есть время,
Лишь глупец свой дом возводит
Там, где исстари нисходит
Злая молния небес!

Я р о м и р

Будь, что будет! Так хочу я,
С вами буду заодно, —
Пусть погибнуть суждено!

Г р а ф

Если сын мой так помыслил,
Пусть придет на грудь мою!
Пусть отцовский поцелуй
Приобщит тебя к страданиям,
Приобщит и к упованиям,
К нашим радостям, мой сын.
И на самом колком стебле
Розы пышные цветут.

Старик садится в кресло, поддерживаемый Яромиром и Бертой;
они стоят перед ним рука об руку.

О, спасибо вам, родные!
Вижу вас перед собой
С полным радостью взором,
С упоением в очах, —
И опять цветет надежда,
И в груди моей чуть брезжат
Полустертые картины
Пролетевших милых дней:
О, привет вам, дни былые,
Горький, радостный привет!..

Я р о м и р

На отца взгляни ты, Берта...

Б е р т а (*немного отступает
с ним назад*)

Он не любит, чтоб глядели,
Так бывает часто с ним;

Будь же радостен, мой милый!
Ведь отец мой знает всё.

Я р о м и р (быстро)

Всё?

Б е р т а

И, кажется, доволен!
Как он добр сегодня был,
Ах, так ласков, добр и кроток,
Мягче, ласковей тебя,
Ты так холоден и сух,
Мне ж для чувств моих, для счастья
Слов прекрасных не найти.

Я р о м и р

Верь мне...

Б е р т а

Верить, верить, верить!
Лучше вовсе слов не надо,
Если слов любви не знать,
Если нет огня у взгляда,
То устам не рассказать.
Говорили мне когда-то —
Люди легкие бывают,
И любовь их не горит,
Но сжигает — и погаснет;
Не предмет любви им дорог,
Только самая любовь.
Мотыльки легко целуют
Целомудренную розу,
В ней любя цветок прекрасный,
Но не розу в ней любя.
Или ты такой жестокий?

(Снимая с пальцев шарф.)

Я свяжу тебе, упрямый,
Крылья легкие свяжу я,
Чтоб сам бог не развязал.

Я р о м и р
Нежный друг мой!
Она связывает его шарфом.

Г р а ф (*смотря на нее*)
Как томна!
Как она увлечена!
И без сил к сопротивленью
Предает себя теченью.
Но да будет так! И мнится,
Небо путь и мне откроет,
Заблуждаться я могу.
Не на всё еще готов я,
И на дне моей души
Догорают, дотлевают
Искры прежнего огня.
Но довольно! Жар напрасный!
Гордый замок мой разрушен,
Не взнесется никогда,
Лишь развалины остались
Кровом дочери моей.
Будь, что будет! Ах, как тяжко
Оторваться от надежды,
Ранней юностью впоенной,
Из груди оцепенелой
Вырвать знаки милых дней!
Дочь родная родилась
И прекрасно улыбкой
Улыбалась в колыбели...
Как тогда перебирал я
Все старинные рода,
И с какой заботой нежной
Ей супруга выбирал!
Самых знатных вспоминал я,
Но не мог найти достойных,
А теперь — конец всему!
С милой радостью расстаться,
Вижу ясно, так же трудно,
Как проститься с милым сном!

Б е р т а (*осматривая шарф*)
Смирно стой, нетерпеливый!

Г р а ф

Как разборчивым мне быть?
Если правду говорят нам,
То, что в тьме воспоминаний,
В отдалении юных дней,
Лишь расплывчатою мыслью
Я в мозгу своем ношу, —
Если правда есть в сказании,
Будто имя родовое,
Гордость высшая моя,
Только тайными грехами...
Прочь сомненья!.. И однако!..

Б е р т а *(смотря на свою
работу)*

Вот теперь и я довольна,
Только будь приветлив, милый,
Чтоб трудилась я не даром.

Г р а ф

Яромир!

Я р о м и р *(испуганно)*

Что?

Г р а ф

Должен ты
Рассказать нам наконец
О твоём далеком прошлом.
Яромир фон Эшен славный,
Ты рожден на дальнем Рейне,
В нашем войске хочешь быть —
Так мне дочь моя сказала!
Что же дальше? Я не знаю.

Я р о м и р

Больше не о чем сказать.
Род мой знатный, и богатый,
И могучий. Я — бедняк;
Так я беден, что, коль сердце
И мой твердый, сильный разум,
Закаленный в испытаньях,

И моей упорство воли
За ничто считаться могут,
То и сам я — лишь ничто.

Граф

Кратко ты сказал о многом, —
Славно сказано! Ты — наш!
Видишь, сын мой, я старик;
В гроб ведет меня природа,
А глухой и темный разум
Шепчет мне, что цель близка;
Век я смерти не страшился,
И теперь не страшно мне.
Но ты видишь эту деву,
Видишь ты дитя мое?
Если б мог ты в старом сердце
И в слезах моих прочесть,
Кем была она мне в жизни,
Ты постиг бы скорбь мою.
Ведь одну ее покинуть
Должен в страшном мире я.
Сердце может ли не стынуть,
Не болеть — душа моя?
На тебя упали взоры
Пробудившейся от сна;
Ты ценить ее сумеешь,
Драгоценность сохранить!
Раз один ты жизнь ей отдал,
И, когда судьба укажет,
Снова радостно отдашь.
Я тебе ее вверяю.
Любишь ты ее?

Яромир

Как жизнь!

Граф

Любишь ты его?

Берта

Себя я

Не умею так любить!

Граф

Будь над вами божья милость!
Так бери — она твоя!

Стук в ворота.

Что случилось? — Кто так поздно
В двери замка постучал?

Берта

Боже, если...

Граф

Не дитя ты,
И не думай — не посмеет
Шайка дерзкая вломиться
В защищенный замок наш.

Входит Гюнтер.

Гюнтер

Господин мой, королевский
Капитан пришел с отрядом,
Допустить его к вам просит.

Граф

Как? Солдаты?

Гюнтер

Да, солдаты.

Граф

Я не знаю, что им нужно,
Отвори скорей ворота.
Это — гость желанный мне.

Гюнтер уходит.

Что приводит к нам его
В поздний час? Но — всё равно:
Пусть рассказами своими
Окрылит он долгой ночи
Беспощадные часы.

Берта

Яромир, иди же в спальню,
Ты совсем еще больной!
Ты расстроен и встревожен,
Сердце бьется безудержно,
Ты больной, совсем больной!

Я р о м и р

Я — больной? Тебе приснилось!
Сердце бьется быстро, бурно,
Но лишь в буре сладко мне!

Гюнтер открывает дверь. Входит Капитан.

К а п и т а н

Вы меня простите, граф,
Что нарушить я дерзнул
Ваш покой глубокой ночью.

Г р а ф

Зáмок мой открыт носящим
Королевские цвета:
Он для вас — открыт всегда.

К а п и т а н

Вашу дочь я счастлив видеть?

Г р а ф

Да, единственную дочь.

К а п и т а н

Извинить меня прошу я;
Строг, прекрасная графиня,
Нашей службы грубый долг:
Он велит достигнуть цели,
Как достигнуть — всё равно.
Если только страх принес я,
Должен я рассеять страх.
Та разбойников ватага —
Этих мест давнишний бич...

Г р а ф

Да, суровый бич, я знаю!
Самой жизнью своею
Дочь обязана моя
Только доблести его:
Он — жених, ее достойный!
Яромир фон Эшен — вот он.
Сам он эту ночь в лесу

Подвергался нападенью,
Слуги пали, сам едва он
Страшной участи избег.

Капитан

В эту ночь?

Яромир

Да, в эту ночь.

Капитан

И когда случилось это?

Яромир

Три часа тому назад.

Капитан (*посмотрев ему
в глаза, обращается к Графу*)

Это зять ваш?

Граф

Да, мой зять.

Капитан

Если б только часом позже,
Миновала б вас беда.

(*К остальным.*)

Но теперь спокойны будьте,
Ничего не бойтесь больше,
Тех разбойников, тревогу
Наводящих, больше нет!
Мы давно их проследили
И сейчас на них напали.
После яростного боя
Мы победу одержали,
И толпа убийц сдалась.
Удалось бежать немногим,
Часть убита, часть в плену:
Мы идем по их следам.
Так пришел я в это место,
В этот замок я попал.

Г р а ф

О, примите благодарность,
Благородные бойцы.

К а п и т а н

Долг еще не весь исполнен.
Сокрушен уж ствол могучий,
Но еще остались корни,
И, когда меня избрали,
Сам себе давал я клятву
Их отродье извести,
Здесь крестьяне говорят,
Будто есть вблизи от замка
В камышах прудов ближайших
И в разрушенных окопах —
Подозрительный народ.
Потому позвольте, граф,
Из твердыни вашей древней
Мне разведчиков направить,
Верных слуг моих, готовых
Всюду ловко проникать.
Мы, надеюсь, кончим скоро, —
Вкруг расставил я посты:
Если кто еще на воле
Бродит там, в кустах и в поле,
Мы схватить его должны,
Дни его разочтены:
Цепь иль смерть грозит ему.

Г р а ф

Этот замо́к уж не мой;
И, пока вы здесь, да будет
Он — владеньем королевским.
Драгоценна ваша ревность,
Что дает вам правду знать
И в руках ее держать.

К а п и т а н

Похвалы не заслужил я.
Не об общем только деле
Я забочусь — о своем.
Шайка этих же убийц
В дни, когда я был придворным,
Родовой взяла мой замо́к,

Жгла, громила, убивала —
При одном воспоминаньи
Сердце старое дрожит.
О, ведь только долг кровавый
Отплатить я им хочу!
Буду я жесток, щадя их, —
Пусть не смерть в честном бою —
Будет их удел отрадный,
Нет, да будут беспощадны —
Колесо, топор, палач!

Б е р т а

Нет! Людей судить хотите —
Лейте кровь как человек!

К а п и т а н

Если б видела графиня
Ужас тот, что видел я,
Навсегда б закрылось сердце;
Лучше суетную жалость,
Как бесстыдного бродягу,
От дверей закрытых гнать.
Остов тлеющих развалин
Жарким пламенем объят,
Старых ужас,
Женщин крики,
Плач детей, упрямо льнущих
К мертвой материнской груди,
И пустыня, и безлюдье,
И над этим — мысль одна,
Что за жаждою наживы
Эта горсть убийц трусливых...

Я р о м и р (*выступая вперед
и резко обрывая его*)

Вы хотите затемнить
Зеркало души чистейшей,
Отразившей в светлой глуби
Мирозданья чистоту
Чистотой одной своею, —
Ядовитым вздохом мести
Вы хотите затемнить?
Дайте сладко сострадать,

Дайте ей и в падшем даже
Брата падшего любить.
Тростнику легко смеяться
Над разбитым мощным дубом.

Капитан

Он разбит — в огонь его!

Яромир

Слишком меток ваш язык,
То, что скоро он свершает,
Руки медлят совершить.

Капитан

А, что значат эти речи?

Яромир

Значат то, что я сказал.

Капитан

Если б вы не здесь сказали...

Яромир

Вы забыли бы досаду!

Капитан

Вы разбойников защитник!

Яромир

Кто в беде — всегда со мной!

Капитан

Пусть придет сюда сильнейший...

Яромир

Он придет, быть может, к вам!

Граф

Яромир, что слышу я!
Или ревность побудила
Оскорблять моих гостей?
Ты ли встанешь на защиту
Тех, кто сам себя обрек?
Нет! Сквозь пламень увлечения,

Сын мой, вижу я тебя,
Лишь немного слов еще —
Ты раскаешься в ошибке,
С нами сам пойдешь туда
По следам злодеев.

Я р о м и р

Я...

Г р а ф

Ты пойдешь!

Я р о м и р

О, никогда!

Как? Я должен ненавидеть
Бедных пасынков судьбы,
Тех, кто матерью жестокой,
Злою мачехою брошен
Вон, из рода своего,
На полночную охоту?
Тех, кто с хищными зверями
Сам жестоким зверем стал?
Тем, кто всё отдать готов,
Кто раскаянья желал,
Кто идет ко мне на встречу,
Протяну ли я кинжал?
Не рукой — руке отвечу?
Кто так низок, тот — не воин!
Враг мне — тот, кто может биться,
Я для сыска не гожусь!

Г р а ф

Если ж сам пойду вассалом
Королевским — и за мною
Этих сыщиков отряд,
Ты пойдешь ли?

Я р о м и р

Вы?

Г р а ф

Да, я...

Жизнь людей щадить умею,
И достоинство ценить:

Но жестоким не могу я
К лучшим братьям нашим быть
И щадить так низко павших.
Долг велит нам справедливо
Трепет сердца позабыть,
Чтобы добрый жил счастливо, —
Над злодеем суд свершить!

Я р о м и р

Справедливо! Справедливо!
Чтобы дети спали сладко,
Из дому гоните псов!
Дайте меч мой! Я иду!
Жизнь на кровь зовет меня!
О, кровавой будет битва!
Жизнь прекрасна и вольна,
Нет иного блага в мире,
Тот, кто всё ей подарил,
Тот достойно поступил:
Меч мне дайте! Меч мой! Меч мой!
Прочь отсюда! На охоту!
Пусть готовятся ловцы,
Пусть готовятся к погоне
Вплоть до позднего утра, —
Меч мой! Меч мой! Мне пора!

Б е р т а

Я, отец мой, говорила,
Что опасно болен он!

Я р о м и р

Это — правое возмездье!
Как могли они решиться
Нечестиво защититься
Под ударами судьбы!
Люди, люди! О, безумье!
Кроме нас самих, кто с нами?
Прочь из нашего челна!
Спорим мы одни с волнами!
Разве помощь нам нужна?
Если выплыть кто стремится, —
Весла тяжкие готовь!
Руки, руки — прочь с бортов,
Чтоб челну не накрениться
И на дно не погрузиться!

Граф

Что с тобою, Яромир?

Яромир

О, простите! Сам не знаю!
Страсть охотника проснулась
От забавного рассказа,
Как расставите вы сеть,
Чтобы зверя одолеть.

Граф (*Капитану*)

Извинить его прошу вас!
Этой ночи приключенья,
Также многое другое,
Привели его в расстройство,
Не владеет он собой.

Капитан

Он встревожен и взволнован,
Оскорбиться я не мог,
Речи нет об извиненьи.
Господин фон Эшен должен
Отдохнуть. Ведь в нашем деле
Много есть сторон хороших,
Но больным оно вредит.

Берта

Милый мой, иди за мной.

Яромир

Нет, оставь! Оставь! Ты видишь,
Я здоров! Мне хорошо!

Капитан

Долг велит мне предложить,
Соглашаться — ваше дело.
Позволения прошу я
Здесь долг исполнить мой.

Граф

Вам разбойники известны?
Не пришлось бы вам невинных
Потревожить без нужды?

Капитан

Не известны. В ночь пришлось нам
Нападать на них сегодня,
А в кругу кровавой битвы
Мы мечей внимаем звону,
Не глядим в лицо врагу.
Но у входа в этот замок
Ждет один из верных мне,
Он, когда-то отделившись
От отряда, в плен попал,
Был свидетелем их дела,
И в лицо их всех узнал.
Кто там?

Входит Солдат.

Капитан

Вальтера позвать!

Солдат уходит.

Граф

Яромир, не медли больше,
Отдохнуть иди в покой.
Страшно бледен ты лицом,
И в глазах пылает мрачный,
Лихорадочный огонь.
Успокойся, милый сын.

(Указывая на боковую дверь направо.)

Здесь, в спокойной этой спальне,
Не смутит тебя ничто.

Берта

Яромир, тебя прошу я.

Яромир

Хорошо, исполню просьбу;
Самому мне тяжело.

(Прижимает ко лбу платок.)

Вальтер входит.

Капитан

Подойди! В обход идем мы.
Ты идешь?

Вальтер

Да, капитан.

Капитан

Хорошо ли ты запомнил,
И любого из злодеев,
Кто появится, узнаешь?

Вальтер

Не тревожьтесь, помню всех!

Берта (*уводя Яромира*)

Ты шатаешься! Вот здесь!

Яромир уходит в боковую дверь направо.

Граф

Так! Теперь идите с богом.

Капитан

Но сначала надо кончить
С самым легким порученьем;
Всех трудней оно сегодня,
Но велит мне долг. Ведь много
Человек считает лишним,
А солдат — считать не вправе.
Граф, должны вы мне позволить
Обыскать как можно лучше
Замка вашего покои.

Граф

Как! И самый замок мой!

Капитан

Мне поручено строжайше
Обыскать здесь всё жилое,
Чье бы ни было, кто б ни был,
Чтоб злодеев проследить.
Покажись вам наглецом я,

Всё же долг исполню свой;
Пред высоким повеленьем
Места воле нет иной.
Сверх того, за ваших слуг
Поручиться вы не властны.

Граф

За себя еще, не так ли!

Капитан

Если вас я оскорбил...

Граф

О, не надо извинений!..
Никогда мне не измерить
Пропасть ту, что разделяет
То, что есть, и то, что было.
Надо это помнить мне!
Вспомнил я о старине,
Наших предков повеленья
Здесь звучали как закон,
Мрачной силой подозренья
Не был здесь никто смущен;
Недоверие не смело
В этот зал тогда вступить,
Я же — старый, я — последний!
Верьте вашим лишь глазам!

(Отворяя двери по очереди.)

Здесь вот мой покой — смотрите...
Спальня дочери моей...

(У дверей в покой Яромира.)

Здесь...

Берта

Отец мой, не будите!

Граф

Вы ведь видели недавно,
Как мой зять вошел туда.

Капитан

Вы стыдить меня хотите.

Граф

Нет, хочу лишь убедить!
Ну, идем!

Капитан

Куда?

Граф

На волю,
По разбойничьим следам.

Капитан

Вы идете?

Граф

Да, я должен!
Не вассал я королевский?
Так же твердо, как и вы,
Свой священный долг я знаю.
И теперь без промедленья
Прочь отсюда.

Берта

О, отец!

Погодите!

Граф

Тише, дочь!
Слышу здесь один лишь голос,
Он сейчас мне прозвучал!
Капитан, вы передайте
Королю, что Боротин
Не разбойников пособник,
Что жилец пещеры львиной
Не цветет здоровой силой,
Он — беспомощный и хилый,
Он — больной старик с горбом,

(Выпрямляясь.)

Но когда-то — был он львом.

Уходит с Капитаном.

Берта

Он уходит, он не внемлет,
Отдает меня во власть
Безутешного томленья,
В пасть змеиную забот.
Жизнь отца могу ль ценить я
Больше жизни дорогой?

(У двери в покой Яромира.)

Яромир... Мой Яромир...
Нет ответа, всё безмолвно,
Гробовая тишина.
Как мне страх мой укротить,
Укротить мой темный трепет?
Он, как туча грозовая,
На груди моей лежит.
Вижу в далях безответных
Звезды в тучах беспросветных.
Вижу — гаснет свет дневной,
Слышу голос грозовой.
Слышу, гром в совином взмахе
Свой полет остановил,
И душа трепещет в страхе.
Знаю, мрачной силы дрожь,
Чую, что ты мне несешь!
В сердце дрожь твою принять,
Это значит — потерять!
Нет, я знаю, в целом мире
Страха равного тебе...
О! Иметь и потерять!
Иметь и потерять!..
Где вы, дни златого мая?
Где ты, чудная страна?
Там жила я, не желая
И себя самой не зная,
Так невинна и ясна.
Вешним цветом, птички пеньем
Очарована была,
Ни с одним глухим волненьем
Не знакомая, жила.
Если небо облак полно,
Веселилась сердцем я,
На зеркально-светлых волнах

Колыхалась жизнь моя.
В свете солнечном играя,
Кубка край меня манил,
И блаженным ядом рая
Милый мой меня поил.
Уст моих коснулся милый,
И обвил рукою стан —
И на терны я вступила,
Больше нет волшебных стран:
В розе — тьма шипов колючих,
Нет шипам ее числа,
И среди восторгов жгучих
Я укол их приняла.
Жениха я жду, тоскуя,
Он приходит — всё цветет!
Но когда в глаза взгляну я,
Голос. внутренний растет,
Взор во взор, в груди — томленье,
Слышу голос вновь и вновь:
Ваши страсти — преступленье,
Ваша проклята любовь!
Мыслью мрачной и глубокой
Полон взгляд его очей,
Отстраняет он далёко,
Я боюсь его лучей;
Но, едва я отдаляюсь,
Снова кроток милый взгляд,
Над землей я поднимаюсь
И лечу к нему назад;
Как поток Харибды черной
От себя корабль стремится
И опять влечет покорный,
Так он гонит и манит;
Кто решит мои сомненья?
Кто рассеет темный страх?
Если путь мой — к преступленью,
Что так светел крыльев взмах?

(Простирает руки.)

Ты над этим замком дышишь,
Сила тайны полуночной,
Если ты мой зов услышишь,
Дай мне только знак урочный,

Озари звездою ночь!
Если ж смерть...

Раздается выстрел.

А! Что было?.. Выстрел!..
Знак зловещий — не пойму?
Дерзкий зов услышан мой?
Горе!.. Горе!.. Я одна!
Я одна!.. Одна!.. И холод
Дышит, веет на меня!..
Ты ли это, грешный дух?
О, твою я чую близость!
Слышу тихие шаги!

(У двери в покой Яромира.)

Яромир, проснись!.. Проснись!
Будь защитой Берте!.. Яромир!..
Только слово, только звук!
Спишь ли? Слышишь ли меня?
Не одна я?.. Я с тобой?..
Ты молчишь?.. Мне надо видеть,
Обнимать тебя руками,
Видеть, чувствовать, ты жив!

Открывает дверь и врывается. Раздается еще выстрел. Берта
выбегает, шатаясь.

Погодите!.. Погодите!..
Никого!.. Окно открыто!..
Он ушел!.. Его убили!..

ТРЕТЬЕ ДЕЙСТВИЕ

Зал как в предыдущих действиях. Берта сидит за столом, склонив
голову на руки.

Берта

Ты, любовь, открыла двери,
Это — счастье мое?
Какова же боль потери
И разлуки острее?

(Принимает прежнюю позу.)

Яромир (открывает боковую
дверь направо и делает быстрое движение назад,
заметив, что в зале кто-то есть)

Берта

Яромир! Уходишь прочь?
Ты уходишь?... О, останься!
Как я, милый, трепетала,
Как боялась за тебя!
Как теперь ты?

Яромир (тревожно и мрачно)

О, прекрасно!

Берта

Если б я могла поверить!
Как ты бледен, Яромир!
Боже мой!.. Повязка...

Яромир

Что?

Берта

Здесь!

Яромир

О, только шутка!

Берта

Шутка?

Посмотри, рукав в крови.

Яромир

Кровь? О, нет, о, нет! Пустое!

Берта

О, разве мой темный страх!
Где ты был и как ты ранен?

Их глаза встречаются; он быстро отворачивается.

Берта

Отвернулся? Вздрогнул ты?

Яромир (*отступая
на несколько шагов*)

Нет, не в силах я, не в силах!
Лишь черты ее завижу,
Взор мой хочет ускользнуть,
И стремится демон лживый
Вновь назад — в больную грудь.
Изменись, душа моя!
Если путь сужден мне грешный,
Если ад сужден крошечный,
Пусть же чертом стану я!

Берта

Яромир! Ты скажешь мне!
Дай ответ, открой мне душу!
Где ты был и как ты ранен?

Яромир (*опустив глаза*)

Я во сне поранил руку.

Берта

Не во сне! Нет, нет! Не спал ты!
Было пусто в темной спальне,
И окно открыто было!

Яромир (*испуганно*)

А!

Берта

Скажи мне только, милый!
Ты не знаешь, сколько черных
Мыслей мне запало в душу.
О, смягчи их, прогони!
Где ты был и как ты ранен?

Яромир (*решиительно*)

Хочешь знать — пусть будет так.

(*С остановками.*)

Чуть войдя в опочивальню,
Слышу выстрелы и крики...
Твой отец там, помню твердо...
Я хотел спасти... помочь...

(Увереннее.)

Так стоял я, размышляя,
И внезапно вижу липу,
Что протягивает прямо
Ветви зябкие в окно.
Я за мощный ствол цепляюсь
И на помощь порываюсь,
Я спускаюсь в мрак ночной
С необдуманной мечтой.
Сто шагов едва прошел я...
Слышу выстрел... Друг, или враг...
Я не знаю... ранен я...
Пробудился мой рассудок,
Сердце трепет обуял;
Дальше — путь еще опасней,
И назад спешу я к липе,
И она мне указала
Вновь возвратный путь сюда.

Берта

И ни разу ты при этом
Не подумал и не вспомнил
Обо мне, мой Яромир?
Подвергаясь нападенью,
Не ценил своей ты жизни,
Но она ведь — и моя.
Любишь ты не так, как я!
Если б ты был так же страстен,
Знал бы ты: любовь должна
Дорожить своею жизнью:
Эта жизнь — в руках любимой.

Яромир (*терзая раненую
руку*)

Боль, вонзай в меня мечи!
Только сердце замолчи!

Берта

Не терзай больную руку!

Яромир

Перевязана она!

Берта

Этот шарф повязан грубо!
Боль мою пойми, жестокий,
Если сам страдать не можешь!
Есть бальзам и полотно...
Руку! вылечу тебя...
Протяни мне только руку,
Может быть, удастся мне
Хоть один из милых взглядов —
Дар прекрасный дней протекших,
Как награду, получить.
Яромир, узнать хочу я,
Не получит ли рука
Больше, чем сердечный трепет,
И да будет благодарность
Жарче, чем твоя любовь.

(Развязывает шарф.)

Посмотри, мой шарф прекрасный, —
Он прилежно вышит мной,
На него не пышный жемчуг,
Но любви смиренной слезы
Благодатные упали, —
Посмотри, как он разорван,
Ах! как сердце у меня!

Она перевязывает его. Шарф падает на пол перед ней.

Берта

Всё безмолвен, всё ты мрачен!
Ах, мой милый, странен ты,
Жар сменяется в лице
Бледным, тусклым цветом смерти,
Стянут судорогой рот,
Взор опущен боязливо.
Ты мне страшен!

Яромир *(дико)*

Страшен — я?

Берта

Боже, что с тобой случилось?

Я ромир

Чу... шаги... у входа... слышишь?
Прочь!

Берта

Останься!

Я ромир

Нет, нет, нет!
Чу, идут! Скорее прочь!

(Быстро уходит в свой покой.)

Берта

Он ли это? Тот ли самый?
Как дрожал он, как бледнел,
Глаз своих поднять не смел он?
Небо, пусть скрывает он!
Тяжело он болен телом,
Иль душой еще больнее?

Входит Солдат с оторванным куском шарфа в руке

Солдат

Капитан мой здесь, простите?

Берта

Нет, мой друг.

Солдат

Но где же он?
Был он с нами на посту,
А теперь — найти не можем.
Думал я, что он вернулся
Успокоить вас сюда.

Берта

А отец мой?

Солдат

Вместе с ним.
Успокойтесь же, графиня,
За разбойников нам страшно,
Мы открыли их следы.
Если б Курт наш целил метче,

Если б я счастливей был,
Атаман их был бы нашим.
Атаман! Вы удивитесь!
Был я близко от него,
Я опять узнал его.
Он сюда, к стене ближайшей,
Пробирался сквозь кусты,
Курт прицелился — и ладно!
Честью вам клянусь, попал он
Прямо в руку.

Берта

Боже... В руку?

Солдат

Да, и кровь текла с руки!
Тяжело он пошатнулся,
И надеялись мы, было,
Что на землю упадет.
Чуть завидев, что он ранен,
Я — вперед и на него!
За кушак схватил я крепко,
Придавил ему я горло,
Хоть противился он сильно,
Одолеть его я думал:
Но, в притоке страшных сил,
Крепко он меня схватил,
И среди сопротивленья
Не избегнул я паденья,
Чертов сын исчез в кустах.
Скоро я за ним погнался,
Но напрасно, — и остался
Лишь лоскут в моих руках.

(Протягивает кусок шарфа.)

Берта *(узнает его)*

А!

Она роняет на пол свой платок, так что он покрывает шарф, лежащий на полу, и стоит, вся трепеща.

Солдат

Прекрасная графиня,
Верьте мне, не шутка это,

И не каждый день бывает.
Долго был в его когтях я,
И теперь, лишь стоит вспомнить,
Страх пронзает до костей,
Как, бывало, этот дьявол
В круг друзей своих вступал
С взором мрачным и горящим,
Самый смелый трепетал,
И молчанье воцарялось,
Самый дерзкий умоливал.
И тогда, как крикнет он:
«Эй, вперед, друзья, на бой!» —
Всё к оружию поспешало,
Разносился дикий вой,
И до неба долетал он,
И окрестность пробуждал он.
И вперед бросалась стая,
Черный конь его под ним,
Словно выходец из ада,
Мчится, яростью пылая,
Мечет молнии из глаз.
Где б их месть ни пронеслась,
Всюду гибнет юность, старость,
Губит всё разбоя ярость,
Всё долой! И кровь и прах
На местах опустошенных,
В развалившихся домах!
Вы дрожите? Время близко,
За позор деяний низких
Их награда скоро ждет,
На помост палач идет.

Берта

Горе!

Солдат (*бросая лоскут
на стол*)

Прочь, лоскут ненужный,
Поплясать еще хочу!
Целиком его схвачу!
Да хранит вас бог, графиня.

(*Уходит.*)

Берта

Горе! Горе! Совершилось!

(Бросается в кресло и закрывает лицо руками.)

Яромир *(отворяя дверь)*

Он ушел?.. Но что ты, Берта?

Берта устремляет блуждающий взор на платок, лежащий на полу.

Яромир *(поднимает его)*

Шарф мой!

Берта *(протягивает ему
оторванный лоскут, — дрожащим голосом)*

Ты — разбойник!

Яромир *(отшатнувшись)*

А!

Хорошо же! Пусть свершилось!

Туча молнией грозила,

Тучу молния пронзила,

И дышу свободно я;

Пусть надежды ствол разбило,

Но уж это — было, было,

И теперь — свободен я!

Так, пора повязке рваться,

Цепь должна упасть давно!

Побоясь ли я назваться

Тем, чем жить мне суждено?

Так, теперь душа открыта,

Ложь мне больше не защита,

Ложь трусливая ушла!

То, что прежде тайно знал я,

То, о чем всегда молчал я,

Мука смертная была.

Яркой молнии стрелою

Разразилась гроза;

Ничего теперь не скрою,

Я свободен пред тобою,

И смотрю тебе в глаза.

Да, несчастная, таков я,

Как меня ты назвала;

Тот, за кем солдаты рыщут,

Тот, кого проклятья ищут,
Кто в молитвах мирных жен
Вместе с чертом заклемен;
Тот, кого отец проклятым
Назовет в кругу семьи,
Тихо шепчет: «Берегитесь,
Дети, быть таким, как он!»
Да, несчастная, таков я,
Как меня ты назвала;
Тот, кого убийцы знают,
Нежным братом называют,
Я — разбойник Яромир!

Б е р т а

Горе мне!

Я р о м и р

Дитя, дрожишь ты?
Лишь назвать мне стоит имя,
Страх берет тебя, дитя?
Не смущайся ты душою:
То, что девам страшно слушать,
Дева, делал я шутя!
Этот взгляд — твое блаженство —
Был для путника ужасен;
Этот голос — твой любимый —
Был разбойнику защитой,
Хладный трепет наводил;
Эти руки — так лукаво
С милой слитые рукой —
Пахнут кровью пролитой!
Не качай головкой нежной,
Да, несчастная, таков я!
Очи слезы проливают,
Руки слабо понижают,
Голос падает, дрожит, —
Это я, дитя, прости.
И разбойник знает, Берта,
Строгий час, когда отверста
Грудь для слез — самой судьбой,
Счастье — плакать мне дает!
Берта, верь мне, верь мне, Берта,
Тот, чьи очи пред тобою
Отуманены слезою,
То — разбойник Яромир!

Берта

Боже! Прочь!

Яромир

О, да, права ты!
Должен помнить я, кто я!
Прочь, трусливых слез струя!
Иль разбойнику доступны
Человеческие чувства?
Воспаленный взор злодея
Влага слез не освежит.
Прочь! Отринут я всем светом,
И да будет мне ответом
Только ненависть и стыд!
Как с самим собой я бился,
Как боролся, как стремился,
У меня не спросит суд.
Пред решеткою судейской
Не за помысел злодейский,
Но за дело проклянут!
Пусть прольется чаша гнева,
Я иду на эшафот,
Но Тебя, пресветлый Боже,
Голос мой Тебя зовет!
Слышишь зов мой, Всемогущий,
Видишь Ты, что грудь хранит?
Милосердно судишь, Боже,
Ты души не уничтожишь,
Что раскаяньем горит!
Средь разбойников возрос я,
Среди них я возвышался,
Был свидетель дел кровавых
И не знал иных примеров
Человеческого долга,
Духа светлого ученья
И обычаев святых:
Проклянешь ли, Милосердный,
Ты меня, подобно людям?
Ведь разбойника я сын!
Я не проклят тем, что связан
С делом тех, кого любил;
Сам отец своей рукою
Преступление мне открыл.

Сам ты знаешь, как, стряхнувши
Золотые грезы детства,
Ужас си в себе обрел;
Рок свой черный проклинал он,
Тщетно выхода искал он,
Он искал! — и не нашел.
Знаешь Сам Ты, как все ночи,
Этой девы встретив очи,
От своих злодейских дел
Отрепиться я хотел!
Знаешь Ты... но слов не надо!
Сердце сломлено, но нет
Сострадания мне отрады.
Всё ты знаешь, Вечный Свет!
От нее — пощады нет,
И меня она страшится...
И теперь всему конец!
Пусть же кровь моя прольется,
Разве ты уж не убил?
Что ж ты можешь, мой палач?

(Быстро идет к двери.,)

Берта *(вскакивая)*

Яромир!.. Постой!

Яромир

Что слышу?

Это — милой Берты взгляд!
Вновь свое я слышу имя,
Жизнь с крылами золотыми
Возвращается назад.

(Спешит к ней.)

Берта! Только слово. Берта!

Берта

Нет, оставь!

Она стремительно идет на авансцену. Яромир настигает ее и схватывает ее руку, которую она после некоторого сопротивления оставляет в его руке. Она стоит, отвернувшись.

Яромир

О, не оставлю!

Как могу, пловец несчастный,
Чудом спасшийся от бури,
До конца лишенный сил,
По пустыне вод носиться
И на берег не стремиться,
Где маяк мне засветил?
О, прими меня! Прими!
Всё, что было в прежней жизни,
Что в душе моей осталось,
Всё за твой единый взгляд
Брошу в бездну я назад;
Словно творческой рукою
Обновлен теперь мой дух!
Я у ног твоих простерся
И раскаяньем горю!

(Обнимает ее колена.)

О, прими меня! Прими!
О, как мать, ведаи молиться,
Как дитя, — твой Яромир!
Только б мне не оступиться
На пути в безвестный мир!
Научи туда стремиться,
Где блаженство и покой,
Научи меня молиться,
Быть святым, как ты, с тобой!
Берта! Берта! Всё не хочешь
Взор направить благосклонный
На молящего меня?
О, не будь же, Берта, строже,
Чем судья суровый Тот,
Кто в последний час пред казнью
Солнца светлыми лучами
Позлащает эшафот...
О, я слышу... трепет сердца...
Ты вернулась... Ты моя...

Заключает ее в объятья, она слабо сопротивляется.

Берта! Друг мой! Дева! Ангел!

(Вскакивая.)

Расступись земля теперь,
В небеса открыта дверь!

Б е р т а

Яромир, ах, Яромир!

Я р о м и р

Сожалений, слез не знаю!
Вызов бросил я судьбе,
Целый мир я презираю,
Если есть любовь в тебе!
Светлой мыслью я ликую,
Нет позора впереди,
Чувств бывалых цвет увядший
Вновь цветет в моей груди!
Вновь с людьми я связан, Берта,
Силой новых светлых уз,
И нисходят духи с неба
Прославлять святой союз:
Цвет невинности лилейный
И любви златистый плод,
Дух Надежды легковейный
В неземном венце идет:
Высоко вздымайтесь, волны,
Гребни, яростию полны, —
В пристань тихую мою
Я, смеясь, стремлю ладью.
А теперь внимай мне, Берта!
Прежде, чем тебя узнал я,
Я о бегстве помышлял,
Далеко, на дальнем Рейне,
Малый замок у меня,
По единому веленью
Там богатства ждут меня.
Там никто меня не знает,
Все привыкли почитать,
В этот мирный, тихий замок
Мы должны с тобой бежать.
Там найду я путь свой новый,
Новой жизнью буду жить.
И немного лет промчится —
Прежний путь нам будет сниться,
Как сказанья старины,
Как предутренние сны.

Берта

Мне — бежать?

Яромир

Могу ли медлить?

Берта

А отец?

Яромир

Дитя! А я?

Хорошо: мы будем вместе,
Здесь найдут меня и свяжут,
Заковать, убить прикажут
На глазах твоих, дитя.
Дочь примерная, останься,
За седым отцом ходи,
Забавляй, веди его
Вон туда, к местам проклятым,
Где на ложе, бурей смятом,
Черной кровью залитом,
Спит твой милый вечным сном!
Покажи на лобном месте
Эти тлеющие кости!..

Берта

Стой!

Яромир

Ты хочешь?

Берта (*почти без сознания*)

Да, хочу!

Яромир

Жизнь моя! Спасибо, Берта!
А теперь — скорей отсюда!
Здесь меня они настигнут,
Тайный след уже открыт.
Этот замок весь обрыщут,
Каждый здесь покой обыщут,
Подозрение их не спит.
В стороне теперь шпионы

В укреплениях старых бродят,
Но давно разбойник знает
Эти древние хода;
Там пока укроюсь, Берта,
Но придет заветный час
И навеки свяжет нас.
В час полночный всё живое
Непробудным сном уснет,
Вместе с полночью глухою
Тихо друг твой подойдет.
В старых сводах, где в гробницах
Предки спят в согласном сне,
Есть одно окно бойницы,
Ты придешь туда ко мне.
Быстрый знак подашь мне милой,
Легковейною рукой,
Полечу я от могилы
Встречу жизни молодой.
На старинные гробницы
Подозрение не падет,
Там любовь должна укрыться,
Чтоб лететь потом вперед.
Так придешь ты?

Берта (*тихо*)

Да, приду я.

Яромир

Так ты хочешь?

Берта

Да, хочу.

Яромир

Ну, прощай, идти я должен,
А не то врасплах застигнут:
В руки им живой не дамся.
Но, дитя, достань мне меч!

Берта

Меч? Не в силах! Никогда!
Чтоб, опасностью теснимый,
Сам ты собственную жизнь...

Я р о м и р

О, дитя, спокойна будь,
С той поры, как ты решила,
Слово клятвой закрепила,
Вновь ценю я эту грудь.
Разве острый меч мне нужен,
Чтоб свободу получить?
Этой склянки мне довольно.

Б е р т а

Склянку прочь!

Я р о м и р

Дитя, к чему!

Б е р т а

Как могу я быть спокойной?
Знать, что яд в руках твоих,
И душою не терзаться?

Я р о м и р

Если так, дитя, — возьми!

(Бросает склянку на стол.)

Меч теперь, достань мне меч!

Б е р т а

Меч! Зачем?

Я р о м и р

Что вижу я?

Не висит ли на стене
Там кинжал?

Б е р т а

Оставь! Оставь!

Не бери его из ножен,
Тяжкий грех на нем коснеет,
В час несчастный и зловещий
Этим ржавым острием
Рода нашего Праматерь
Лютой смерти предана.
Здесь висит он на стене —

Тайный знак ночного рока,
Что над родом тяготеет.
Видел он однажды кровь,
Кровь вернуться может вновь.

Праматерь появляется за ними, как бы ограждая их простертыми руками.

Берта

Что ты смотришь неподвижно?
Сильный, ты дрожишь? И мне
Страх могильный объял душу!
Трупом веет на меня!

(Прижимаясь к нему.)

Гибну! Гибну! Цепенею!

Яромир

Прочь! Кинжал кровавый знаю!

Берта

Не касайся до него!

Яромир

Мой привет тебе, союзник!
Это ты, я знаю, ты!
Ты со мной — и вот всплывают
Детства дальнего картины,
Глухо скрытые за далью
Жизни, страстью и печалью,
Словно горы голубые
Милой родины моей...
Ведь на утре дней веселых
Я знавал, знавал тебя;
С этих пор за ночью жизни
Ты мерцал, пугая взор,
Как кровавый метеор.
В ту таинственную ночь,
Первый плод греха вкушая,
Черный долг свой исполняя,
Страх не мог я превозмочь,
И увидел в тайном страхе,
Что не мой, не мой кинжал,
Твой, о, твой клинок торчал

Из горячей, первой раны!
С той минуты роковой
Жив твой образ предо мной!
Так привет тебе, союзник!
Вижу свет манящий твой,
И судьба зовет на бой!
Мой ты! Будь навек со мной!

(Идет к нему.)

Берта *(у его ног)*

Ах, помедли!

Я ромир *(всё еще неподвижно
глядя на кинжал)*

Прочь... Назад!

Он берет кинжал. Праматерь исчезает.

Что такое? Что случилось?
Ты мерцал на той стене,
Но как будто свет слепящий
Исходил из острия...
Робким, матовым лучом
Свет мерцал в одетых мраком
Долах темного былого,
И из ранних юных лет
Тихо образы поплыли
И предчувствия смутили...
Этот зал привет послал,
Эти стены улыбнулись,
И в груди своей как будто
Самого себя обрел я!
И потом — погас, исчез,
Словно молния с небес.

Берта

О, оставь кинжал кровавый!

Я ромир

Я — кинжал мой? Никогда!
Мой кинжал! Он мой! Он мой!
Право, сталь его крепка!
С каждой пробой, с каждым взмахом
Расстаюсь я с тайным страхом,
С ним судьба моя легка!

Он вполне меня достоин;
Дорогое острие!
Буду верен и спокоен —
Ты разишь одним ударом,
Золотое лезвее!
Ну, прощай!.. Прощай, дитя!
Будь светла. В грядущем — свет!
В полночь: помни свой обет!

(Уходит с поднятым кинжалом в боковой покой.)

ЧЕТВЕРТОЕ ДЕЙСТВИЕ

Зал как в предыдущих действиях. На столе свечи. — Берта сидит, опустив лицо на ладони, руки на столе. Входит Гюнтер.

Гюнтер

Здесь вы, юная графиня?
Как не страшно вам одной
Проводить в пустых покоях
Эту сумрачную ночь?
Ведь поистине страшнее
Не видал я никогда.
Там визжит и воет буря,
Здесь прокрался в замок ужас
И смущает разум наш,
В мраке лестниц слышен ропот,
В переходах темных шепот,
А в могильном склепе предков
Скрипы тлеющих гробов;
Голова моя кружится,
Дыбом волосы встают.
Кой о чем еще услышим,
Ведь опять Праматерь бродит,
Исстари об этом знают
И в смертельном страхе ждут:
Это злое предвещает —
Преступление, иль беду.

Берта

Преступление, иль беду?
Ах! Беду и преступление!
Не собиралось ли несчастье

Эту жизнь испепелить?
Так к чему же преступленье?
Грудь и так поражена.
О, к чему же, Справедливый,
Проклинать еще и совесть
И удваивать проклятье,
Жечь нас молнией двойной?
Разве мало нам одной?

Г ю н т е р

Ах, отец ваш престарелый
Бродит в бурю на дворе,
Предоставлен ярой вьюге
И кинжалу злых убийц.

Б е р т а

Ты сказал: кинжал? Какой?
Я дала? Он взял?

Г ю н т е р

Графиня,
Не теряйте вы отваги.
Эти трепетные знаки —
Лишь неясные намеки,
Близкой бури предвещанья:
Но не всякий гром — разит,
И огонь небесный — в длани
Сам Отец всегда хранит.

Б е р т а

Да, ты прав. В Господней длани.
Прав ты. — Я хочу молиться!
Нас он может защитить,
Погубить и заступиться,
Покарать и пощадить.

(Становится на колени у кресла.)

Г ю н т е р *(подходя к окну)*

Озаряется окрестность,
Светят факелы в полях,
То преследуют злодеев,
Укрывающихся здесь.

Берта (на коленях)

Мать святая, Всеблагая,
Дай мне, сердце облегчая,
От печали отдохнуть;
Вырви скорбь рукой волшебной
И пролей бальзам целебный
В эту раненую грудь.

Гюнтер

Наши стали тесным кругом,
Загражден везде проход,
Убежать никто не может —
Пусть их прячутся теперь!

Берта (с возрастающим
страхом)

О, укрой своим покровом
Бесконечно дорогого,
Он вернулся вновь к Тебе!
Сохрани его, Святая,
Невредимым в лютой стае,
Под мечами и в огне.

Гюнтер

Был бы с нами ваш отец —
Нет, он бродит в темном поле!
Он теперь остался б с нами,
Если б... Страх меня берет!

Берта

О, восстань от звездных тронов.
Сохрани его, молю,
Обездолен он судьбой!
Всё, что милому грозило,
Пусть прольет святая сила
Над моею головой!

Гюнтер

След как будто бы нашли!
Все бегут сюда, к стенам,
Пусть дерется сколько хочет, —
Никогда он не уйдет!

Берта (*в невыразимом
страхе, почти кричит*)

Отврати! Я умоляю!
В небо руки простираю!
Иль — кончай! кончай! кончай!

(Пауза.)

Оба вслушиваются с напряженным вниманием. Берта медленно выпрямляется.

Гюнтер

Чу! Кричат.

Берта

Кричат!

Гюнтер

Снова тихо.

Берта

Снова тихо...

Гюнтер

Боже правый! Это голос...

Берта

Кто кричал?

Гюнтер

Не может быть!

Смерть отрадней!

Берта

Кто кричал?

Гюнтер

Нет, пустое. Все столпились
Вкруг чего-то, что недвижно
Распростерто на земле.

Берта

На земле? лежит?

Гюнтер

Не в силах
Так далёко видеть я,
Острый выступ стен мешает
Видеть всё, что происходит.
Но, сдаётся мне, под липой,
Осенившей то окно...

Берта

Как? под липой?

Гюнтер

Да, как будто.

Берта

Там под липой? На земле?

Гюнтер

Да. Так, кажется, сказал я. —

Берта

Боже правый! Яромир!

Гюнтер

Спит спокойно он, графиня.

Берта

Спит? Он спит — и не проснется?

Гюнтер

Чу! Идут. — Спросить должны мы,
Что внизу случилось с ними.

Входит Капитан.

Капитан

Эй, постель и перевязку!

Гюнтер

Ах, скажите, господин...

Берта стоит без движения.

Капитан

Здесь вы, юная графиня?
Не был я к тому готов;
Оказать хотел я помощь,
А не злую весть нести...
Ваш отец...

Берта (*быстро*)

А он?

Капитан

Кто он?

Берта

А... разбойники?

Капитан

Не в силах
Были мы настичь... Отец ваш...

Берта

Нет? За весть благодарю вас!

Капитан

За какую весть?

Берта

За то...

Жду, хотела вам сказать я,
Жду я вести с нетерпением...

Капитан

Вот она в словах немногих:
Тяжко ранен ваш отец.

Берта

Ранен? Как, отец мой ранен?
О, ходить за ним я буду,
Раны буду я лечить!
На груди моей девичьей
Исцелится мой отец!

Капитан

Как я рад, что весть дурную
Вы встречаете так твердо.
Я готовился к иному.

Гюнтер

Так его я слышу голос!
Я сейчас иду туда...

Капитан

Нет... Пусть будет всё готово,
Уж несут его сюда.
Поразил его разбойник...

Берта

А, разбойник!

Капитан

Да, разбойник,
Кто ж еще? Ах, вы не знали...
Мы окрестность обыскали,
Был средь нас и ваш отец,
Все старанья были тщетны,
Он остался помогать нам,
Глубоко тая обиду,
Что нанес невольню я.
Чу, — кусты зашевелились,
Слышу оклик часовых.
Нет ответа. С громким кличем,
Близкой радуясь добыче,
Люди бросились туда.
И в одном из переходов,
Средь развалин древних сводов,
Где далёко мгла лежит,
Вал у замка сторожит,
Видим, чья-то тень бежит.
Ваш отец стоял всех ближе,
С высоко поднятой шпагой
Он бросается с отвагой
За разбойником в проход.
Раздается крик глухой,
Мы бросаемся туда,
Ваш отец упал на землю

Без дыханья, без движенья,
Сам себя не помнил он, —
И во грудь кинжал вонзен.

Берта

Что? Кинжал?

Капитан

Да, так, графиня.

Берта

Что? Кинжал?

Капитан

О, да, кинжал.

Берта

Прочь! К нему! К нему! К нему!

Капитан *(удерживая ее)*

Нет, останьтесь здесь, останьтесь.
Вот, несут.

Солдаты и слуги вносят Графа и ставят носилки посреди сцены.

Берта

Отец мой! Боже!

О, пустите!

Капитан

Успокойтесь!

Так убьете вы его.
Тише.

Берта

Тише? — О, пустите!

(Вырывается и припадает к носилкам.)

О, отец! Отец! Отец мой!

Граф *(с перерывами)*

Это ты, родная Берта?

Радость, бедное дитя!

О, несчастное дитя!

О, несчастное дитя!

Берта

Я, отец мой, вам не в радость,
Не к лицу мне похвала,
Тяжела моя вина.

Граф

Если в миг тот роковой
В дымном факелов мерцаньи
Взор меня не обманул,
Если тот, о ком я думал,
Он тогда был предо мной, —
Плачь, родная, над собой! —
Где же Яромир?

Берта (*тихо, дрожа*)

Не знаю.

Граф

Дочь моя! Где Яромир?

Берта (*пряча лицо в подушки*)

О, отец, отец!

Граф

Пусть так!

И прости, прости тогда,
Ты, последняя надежда!
Пусть же солнце закатилось,
Луч последний, догорай,
Сумрак ночи, наступай!
Время спать, — да, время спать.
Радость, бедное дитя,
Плачь, терпи, страдай, умри!
Нет тебе благословенья,
На земле — одно мученье,
Ты ведь — дочь моя родная,
Ты — из рода Боротин.

Гюнтер

О, молчите, господин!
Ваша раненая грудь
От речей страдает боле...

Г р а ф

О, позволь, слуга мой верный,
Раз еще, у края гроба,
Этой злой пустынной жизни,
Да, пустынной, но прекрасной, —
Раз еще взглянуть в глаза;
Эту радость, эти муки,
В миг последний, в миг разлуки
Затаить навек глубоко
В человеческой груди.
Дай в последний раз изведать
Сладость горького напитка,
А потом — бери, Судьба!

Б е р т а

Нет, не смерть, отец мой, нет!
Нет, не надо умирать!
Кто без вас отцом мне будет?
О, не надо умирать!

Г р а ф

Хочешь детскими руками
Колесом Судьбы ты править?
Не сдержать руке земной
Колесницы громовой.

Входит Солдат.

С о л д а т (*Капитану*)

Пойман только что разбойник;
У пруда лежал он, прячась
В камышах прибрежных, мы же
Привели его сюда.

Г р а ф

А! Разбойник!

Б е р т а

Правый Боже!

Г р а ф

Юный? Стройный и высокий?

С о л д а т

Нет, почти уже старик.
Говорить он с вами хочет;
Что-то важное расскажет
И для вас и для себя.

К а п и т а н

Как осмелился убийца
Человека час последний...

Г р а ф

Нет, мой милый, пусть войдет.
Если грешен предо мною,
Я хочу его простить.
Если ж я ему нанес
Оскорбление иль обиду,
Должен я очистить совесть
От проклятья бедняка.

К а п и т а н

Пусть войдет.

Солдат уходит.

Г ю н т е р

Мой господин!

Неудобно это ложе;
В вашу спальню родовую
Дайте вас перенести.

Г р а ф

Нет! Я здесь хочу остаться,
В этом зале, мне священном!
Игр веселых он свидетель,
Знал он юноши мечты,
Видел он деянья мужа,
Пусть и старца видит смерть.
Здесь, где души древних предков
Веют тихими крылами,
Где с высоких стен глядит
Длинный ряд достойных ликов
И о славе говорит,
На наследника взирая,

Здесь, где предков дух царит,
Я — последний — умираю.

Входит Болеслав, ведомый стражей.

Болеслав (*бросаясь на колени*)

Господин мой, милосердья!
Об одном я вас молю:
Слово милости изречь!
Я могу в ответ на милость
Вам поведать весть такую,
Что недуг тяжелый лечит,
Радость светлую несет.

Граф

Нет, увы, целящей вести,
Как сказал ты, для меня,
Но клянусь на этом месте
(Друг — свидетель будет мой), —
Если честен голос твой,
В нас найдешь ты состраданье
И за тяжкие деянья.

Болеслав

Так внимайте и простите!
Двадцать лет прошло с тех пор,
И, тогда уже — преступник,
Я однажды в летний вечер
Мимо замка проходил;
Я стерег свою добычу
И приметил под стенами,
Возле ближнего пруда,
Что прекрасный нежный мальчик
Года три ему лишь было —
За кремнем кремьнь бросает
В воды светлые пруда.

Гюнтер

Боже правый!

Граф

Что я слышу!

Болеслав

Был красив его наряд,
Шею белую ребенка
Яркий камень украшал.
Я, обрадован добыче,
Оглянулся — мы одни,
Нет у пруда никого.
Заманить его хочу я,
Отвести хочу от замка,
Плод, цветок ему дарю,
И веселый, славный мальчик
Всё послушней и послушней
Под вечернею зарей
В темный лес идет за мной.

Граф

Это сын мой, сын мой был!

Гюнтер

Мы-то думали — погиб он,
Утонул в глухом затоне —
Шляпа плавала в пруду!

Граф

Ты, безумец, рад чему-то?
Иль в разбойничьей груди
Место есть для состраданья?
Пощадил его он разве?

Болеслав

Да, его я пощадил!
Умертвить хотели братья,
Чтобы детские уста
Тайный след наш не открыли;
Я противился упорно,
И, когда друзья клялись,
Что не должен он вернуться
Из глуши и мглы лесной
В отчий дом родимый свой, —
Я сжился с малоткой сирым,
Сын ваш, граф, моим стал сыном,
Вас забыл и весь свой род
И меня отцом зовет.

Граф

Боже! Сын мой! Жив он! Жив!
Но живет среди злодеев!
Разве он?..

Болеслав (*опуская глаза*)
Таков, как я!

Граф

Он разбойник? Нет! Неправда!
Ты молчишь! Окаменел!
Сын — разбойник! А! Разбойник!
Лучше б нежный рот его
Залит был водой коварной,
Легче было б мне тогда,
Легче имени не знать мне,
Чем злодею быть отцом.
Ах, за что я проклинаяю?
Боже! Праведен твой луч!
Сам ли он избрал тот жребий?
Приведи его ко мне,
И разбойник дорог мне.

Болеслав

Здесь теперь он, в этом замке.

Граф

Здесь?

Болеслав

Но вам он не знаком.
Незнакомец тот, который
Здесь пристанища искал...

Берта

Яромир?

Болеслав

Он самый, да!

Граф

Дьявол ты! Злорадный дьявол!
Ложь свою возьми назад!

Болеслав
Это он, мой господин!

Граф
Отрекись!

Болеслав
Я не могу!

Граф (*поднимаясь на ложе,
со страшным напряжением всех сил*)

Отрекись!

Капитан (*успокоительно
Графу*)

Граф!

Указывая на Болеслава.

Взять его!

Болеслав
Благородный рыцарь!

Капитан
Прочь!

Болеслава уводят.

Граф

Он ушел, не скажет: нет!
Так скорей крушитесь, стены,
Мрачной гибели — привет!
Руштесь, крепкие колонны,
Что держали шар земной, —
Отца зарезал сын родной!

(Падает навзничь.)

Берта (*падая в обморок,*
Смерть, врата свои открой!

Пауза. Все стоят, онемев от ужаса.

Граф
Часто, часто плакал я,
Что лишился сына я.

Был бы рыцарь, феодал,
Кто бы род наш продолжал;
Вот судьбы коварной месть!
Сын, наследник, правда, есть,
Жизнь дана ему судьбой,
Чтоб покончить счет со мной!
Все напрасны были пени,
Жалость душу не спасет.
Предки! Здесь я — не последний!
Сын мой жив! — На эшафот!
Что у ног моих кровавым
Светом светит на полу?

Гюнтер (*поднимая и держа
в руках кинжал*)

Это тот кинжал, которым
Рана вам нанесена!

Граф

Это? Это — тот кинжал?
Ты — кровавое железо,
Ты — то самое, которым
В лютой ярости слепой
Кровь супруги пролил предок,
На тебя смотрю — и стало
Взору смертному светло!
Вы теперь дивитесь мне?
Сын мой в этом неповинен!
Силы тайные и злые
Шаткой правили рукой.

(*Хватается за Гюнтера.*)

Повтори, старик, сказанье
О Праматери несчастной,
О позоре родовом,
О семье, в грехе зачатой,
Погибающей в грехе!
Ясно ль вам, как знак кровавый
Из седого мира предков
Ярким пламенем бежит?
От отца, смотрите, к сыну,
И от прадеда — к потомку,
Возрастая и крутясь,
Он стремится, клубясь потоком,

Опрокинул все плотины,
Чрез поля, леса и доли
И легко смывает след
Человеческого счастья,
Мчится дикая река,
Размывая берега!
А! вздыбясь, кипит вода,
Пошатнулись стены зданий,
Свод старинный потрясен,
Мнится мне, я вознесен!
Ты, остерегающая,
Матерь злая злых детей,
Ты ль грозить пришла ко мне?
Торжествуй и радуйся!
Скоро, скоро сгинет род твой,
Осужден и проклят сын,
Мертв последний Боротин.

(Умирая, опрокидывается навзничь.)

Г ю н т е р

Боже! Порвалась повязка!
Горе, мертв!

*(Склоняется над ним, положив руку ему на грудь,
после некоторого молчания.)*

Его уж нет!
Бледны хладные ланиты,
Не вздыхает больше грудь.
Да, в мученьях жизнь провел он,
И в мучениях ушел.
— Мир тебе, душа святая!
Ах, и добродетели,
Словно ангельские силы,
Вознесут с земли унылой
Дух твой в лоно светлое!
Спи до утренней зари,
Господин! Что жизнь скупая
Отняла у счастья злобно,
Пусть хоть смерть тебе вернет!

Он молитвенно преклоняет колена. Капитан и все присутствующие
обнажают головы. Торжественная тишина.

Капитан

Долг заплачен благочестью!
А теперь, друзья, вперед,
Месть за черные деянья
На главу убийц падет!

Гюнтер

Что хотите вы?

Капитан

За мной!

(Уходит со своими людьми.)

Гюнтер

Милосердый Боже! Стойте!
Это сын его! Внимайте!
Сын единый господина!
О, графиня Берта! Сжальтесь!
(Уходит вслед за Капитаном.)

Берта *(поднимаясь)*

Кто-то звал: графиня Берта,
Это я зовусь так: Берта...
Нет, одна, совсем одна!

(Встав с полу.)

Тише! Здесь лежит отец мой,
Так спокоен, недвижим,
Тише. Тише. Тише. Тише.
Ах, как тяжело голове,
Взор мой смутен, взор так смутен..
Знаю я, что здесь случилось,
Сколько дел совершено,
Размышляя, вспоминаю,
Ах, но светлый, светлый знак,
Что в мозгу моем горит,
Спутал образы былые.
Стой! сказали ведь они,
Будто мой отец разбойник?
Не отец! Нет, не отец!
Яромир — злодея имя!

Сердце девушки одной
Из груди ее украл он,
Вместо любящего сердца,
Положил он скорпиона
В холодеющую грудь,
И теперь грызет он гневно,
Мучит девушку до смерти...
Сын убил отца родного...

(Радостно.)

А, мой брат пришел сюда,
Мертвый брат мой возвратился!
Брат... постой! Иду туда!
В ваши черные гробницы!

(Судорожно прижимая руку к груди.)

Лютый, сердце мне точи,
Мучь, но только — замолчи!

(Беря со стола свечу.)

Ах, хочу я лишь уснуть,
Лишь уснуть, уснуть, уснуть,
Грезы сонные так сладки,
Тяжки сны лишь наяву!

(Бросая на стол блуждающие взоры.)

Что блеснуло на столе?
Знаю блеск той склянки милой!
Мне дарил ее жених,
Как подарок для невесты!
И, даря, шепнул он мне,
Будто в этой колыбели
Залегла и дремлет дрема!
О, дремотной дремы сладость!
Ах, уста мои пылают,
Дай мне пить, прильнув у края,
Только — тихо — тихо — тихо.

Она идет на цыпочках, шатаясь всё больше с каждым шагом,
к столу. Не дойдя до него, она падает на пол.

ПЯТОЕ ДЕЙСТВИЕ

Замковый вал. Всюду полуразрушенные укрепления. Слева, в одной из стен первого плана, — окно бойницы, на заднем плане — часть жилого помещения с замковой капеллой. Яромир идет во тьме.

Яромир

Вот и место и окно!
Здесь в окопах полускрытых
Буду ждать, во тьме укрытый,
Чтобы счастья пробил час.

(Ходит взад и вперед.)

Прочь, мучительные мысли!
Черной тучей вы нависли
Над расслабленной душой!
Твердый дух, не знавший страха,
Вы смутили горстью праха,
Праздных призраков игрой!
А! Когда он был убит,
Тот, кто сам убить стремился,
Разве дух мой устрасился?
Кто страшиться мне велит?
Если в равной, честной стычке
Мой кинжал врага сразит —
Жизнь за жизнь, гласит обычай,
Право строгое гласит!
Чья душа трепещет в страхе,
Если враг лежит во прахе?
Прочь сомненья! Что со мной?
Был суровой я душой!
Если прав я в деле был,
Что за страх меня смутил?
Что мне сердце жарко жжет,
Кровь зачем хладна как лед?
И зачем в проклятый миг,
В миг свершенья, тайно мнилось,
Будто дьявол сам настиг,
Сила неба отвратилась?
Я бежал в проход глухой,
Слышу — враг идет за мной,
Слышу — дышит надо мной,
Вот сейчас возьмет рукой, —

И нежданно в этот миг
Слышу тайный сердца крик.
«Прочь кинжал! Проси прощенья!
Сладко смерти искупленье!»
Но, как пламенный язык,
Гнев разбойника возник,
Душу яростью проник!
Взору чудится мерцанье,
Слуху чудится жужжанье,
Духи, как луны сиянье,
Мчатся в пляске круговой,
И кинжал уж сжат рукой,
Красен пламень роковой!
Слышу крик: «Спасай себя ты!»
И взношу кинжал проклятый,
А, попал! Мгновенный взмах —
За спиною слышу: «ах!»
Голос слабый и знакомый,
Смертной скованный истомой.
Слышу этот вскрик дрожащий,
И безмерный обнял страх,
Ужас, душу леденящий,
Я безумьем поражен!
Трепет! Дрожь! Хочу бежать!
Словно Каина печать
На челе моем пылает!
Все старанья, все стремленья
Заглушить не в силах крик,
Всё звенит в моих ушах
Страшный отзвук, тайный страх,
И несется, полный яда,
Смех чудовищный из ада —
И противиться нет сил:
Не врага ты истребил! —
Кто идет из-за развалин,
Кто спешит ко мне сюда?
О, безумный, путь возвратный
Не найдешь ты никогда!
Если тигр хоть раз единый
Утолил свой дикий гнев,
Ярость стала господином,
Алчет крови жадный зев.

Отступает назад. Входит Болеслав.

Болеслав

Слава богу! Счастье с нами!
Убежал от стражи я,
Но еще я сжат стенами,
И слабеет мощь моя.
Сына нашего ищу я,
Пусть со мною Яромир
Припадет к ногам отцовским,
О, тогда пощада будет,
Или — пусть покончит с сыном
И с отцом — один удар!

Яромир *(выходя)*

Слышу я отцовский голос!

Болеслав

Яромир? Ты здесь?

Яромир

Я здесь.

Болеслав

Будь благословен.

Яромир

Спасибо!

Не давай благословенья,
Ведь разбойник — проклят он.
Ты, отец, откуда прибыл?
Тайный ход иль верный лом
Вел тебя в объятья сына?

Болеслав

Я бежал из рук врага!
Окружен врагом у пруда,
Был я к графу приведен,
Но болезнь его смутила
Слуг его, и я бежал!

Яромир

Ты бежал! Хвалю тебя!
Сам я также спасся бегством!
Не цветет с тобой нам счастье
Средь людей, душой невинных,

Только в сумраке лесном
Мы — разбойники — живем.
И друг друга <мы> достойны,
Духом равен сын отцу!

Бо л е с л а в

Сын? Он всё еще не знает!
Ты зовешь меня отцом.

Я р о м и р

Разве нет? Ну, переменим.
Ты отца возьми назад,
И назад возьму я сына!

Бо л е с л а в

Для чего теперь молчать?
Час решения наступает,
Пусть завеса упадет!
Друг, пора тебе узнать,
С кем ты в жизни крепко связан,
Кто сей дар тебе вручил.
Но храни мне благодарность:
Жизнью ты не мне обязан,
Но сберег я жизнь твою.

Я р о м и р

Не тебе? Что говоришь ты?

Бо л е с л а в

Да, мой сын — не сын он мой!

Я р о м и р

Я — не сын твой? Не отец ты
Мне, разбойник Болеслав?
Я — не сын твой, нет, старик?
Дай подумать, дай поверить,
О, как сладко верить мне!
Значит, был же, был когда-то
С теми я, кого искал,
Значит, в первый час рожденья
Бог меня не проклинал?
В святотатственную книгу
Богом я не занесен?

Мог любить я, мог стремиться,
Жизнь моя — не страшный сон?

(Сильно схватывает Болеслава.)

О, чудовище порока!
От меня ты укрывался,
Видел ты, как я терзался,
Слышал тайной муки крик —
И немел твой злой язык!
Ты кощунственно проник
В грудь невинного ребенка,
В незапятнанный мой храм,
Лик отца украл ты там,
И поставил свой — пред Богом,
Над божественным порогом!
О, чудовище обмана!
В час, когда, склонив колени,
Я молился — и горел
В сердце пламенном мне образ
Неизвестный и святой,
И отцом его назвал я,
И его благословлял я, —
Ты во храм мой проникал,
Уст моих благословенье
Ты, убийца, принимал!
Повтори еще, скажи,
Что отца родное имя
Ты украл, как вор трусливый,
Что не твой я сын, злодей.

Болеслав

Сын мой!

Яромир

Нет, молчи, молчи!
Повторяй слова убийства,
Не священные слова!
Я не сын твой! Я не сын твой!
За такую весть — спасибо!
Ненавидел я тебя,
Чуть добро и зло узнал я,
Чуть узнал я имя Бога;
Оттого смертельным взором,
Как убийственным кинжалом,

Грудь ребенка ты пронзал;
Оттого, рукой кровавой
Щеки полные лаская,
Бледный страх ты насылал,
Нежно ты ко мне склонялся,
Над убитыми смеялся,
Смехом рот кривился злой:
«Будь мужчиной, будь со мной!»
Я ж, глупец, глупец слепой,
В глубине души не слышал
Потаенных голосов,
С кротким сердцем я боролся,
Изнемог в борьбе бесплодной,
Изливал любовь свою
На кровавые седины
Палача души невинной!
Негодяй, верни назад,
Что рожденье мне сулило,
Сердца радостный покой,
Счастье жизни, сердцу милой,
Дух невинности молодой!

Б о л е с л а в

Боже! Выслушай меня!

Я р о м и р

Кто ты, где отец мой милый?
Отведи меня к нему!
Пусть он будет земледелом,
Улучившим землю предков
Пóтом хмурого чела, —
Этой жизни многотрудной
Дай отдаться вместе с ним,
Бороздить пласты земли
Неподатливой и скудной,
И слезами орошать
В землю брошенные зерна,
И с надеждой робкой ждать
Зеленей на пашне черной.
Пусть он будет бедняком,
Будем с ним в нужде влачиться,
В жалкой хижине ютиться,
В нищете и страхе жить,
Хлеб и рубище делить!

Под лучом звезды осенней
Будет ложем мне земля,
Стану я душой блаженной
И богаче короля,
Очи сном утомоня.
Отведи к нему меня!

Болеслав

Хорошо, иди за мной!
Он — не бедный земледелец,
И не знает нищеты,
Нет, он сильный властелин,
Здесь, в стране, его все знают,
Всем князьям родным считают,
Перед ним трепещет мир,
Он — отец твой, Яромир.
Так воспрянь же духом, сын,
Не обижен ты судьбою,
Здесь ты — полный господин,
Стань уверенной стопою,
Гордый граф фон Боротин!

Яромир (*испуганно возражая*)

А!..

Болеслав

Твой первый детский лепет
Раздавался в залах замка,
Здесь узрел ты свет дневной,
Здесь, хозяина целуя,
Сам не ведая, не чуя,
Жался ты к груди родной...

Яромир (*вскрикивая*)

Нет!

Болеслав

Поверь, сказал я правду!
Мы пойдем с тобой к нему.
Голос строгого закона
Для разбойника ужасен,
Для родного сына он
Будет, может быть, смягчен.
Поспешим, пока не поздно,

Тяжко раненный лежит он,
С ложа встанет ли, не знаю,
Нынче ночью он упорно
В переходах мрачных замка
По следам гнался за нами,
И кинжалом поражен.

Я р о м и р

Страшный черт! Злорадный черт!
Ты разинь единым словом!
Нет оружия при мне,
Но, взамен его, природа
Ярость лютую гиены,
Зубы, когти мне дала,
Чтоб терзать тебя больнее,
Чтоб послать схижду в ад!
Эти руки посильнее,
Чем слова твои и взгляд!

(Наступает на него.)

Б о л е с л а в

Он сошел с ума! На помощь!

(Убегает.)

Я р о м и р

Это правда? Это правда,
Что сказал мне негодяй?
То, о чем лишь помысл бледный,
Лишь предчувствие одно
Возбуждает дрожь и трепет,
Останавливает кровь?
Неужели правда? — Да!
Да! Сомнений больше нет!
Да — взывает бедный разум,
Да — взывает мрак души,
Образ страшный и зловещий,
Пронсясь перед глазами,
Головой окровавленной
Мне кивает: да, да, да!
Стон печальный, похоронный,
Прозвучавший в страшный час
Из груди его сраженной,

Слух наполнил навсегда...
Замер он, шепнув мне: «да!»

Он отец мой, он отец!
Сын ему я, сын ему!
Кто сказал такое слово?
Это слово и убийца
В тайниках души дрожащей
От себя скрывает в страхе.
Кто сказал? Отцеубийца!
Сын — убийца! Сын — убийца!

(Закрывает лицо руками.)

Всё, что мир святого знает,
Что прекрасным называет,
Недоступным и святым,
Не сравнится с ним одним.
С милых уст бальзам струится,
Тот, на ком его рука,
Лютой бури не боится,
Видя свет от маяка;
Но безбожник иступленный,
Кто заносит на отца
Свой кинжал рукой презренной, —
Проклят, проклят — до конца!
Слышу, слышу в иступлении
Голос вечного Суда:
Всем преступникам прощенье,
Мне — убийце — никогда!

Разрывай свои оковы,
Яд порока, проступай,
Ад, ворота отворяй,
Отмыкаются засовы,
Выходите, своры ада:
Ложь в веревках и сетях
С языком своим лукавым,
Зависть с пропастью в очах,
Смерть с ножом своим кровавым,
Лживой клятвы тонкий яд!
Дикий пес богохуленья
Злобно скалит волчьи зубы
На того, кто ласков с ним!
Выходите все на свет,
Вам преграды больше нет!

За блужданье, за скитанье
Не грозит вам наказание,
Не сравнимы все деянья
С тем, что сделал я один!
Я ли сделал? Я ли это?
Я ль виновен пред судьбою?
Пусть кинжала лезвее
Внесено моей рукою —
Преступление — не мое!
Знаю, это сделал я!
Но меж раной и ударом,
Меж убийством и кинжалом,
Между действием и мыслью —
Пропасть страшная лежит,
Не могли ее заполнить
Никакие мысли мудрых,
Ни порывы мощной воли,
Ни науки человека,
Ни живая сила духа,
Ни кичливые открытия,
Что живут не дольше дня;
В недрах пропасти играют
Силы мрачные с судьбой,
Кости черные бросают
За грядущий род людской.
Да, моя была здесь воля,
Но судьбе дано свершить,
Как ни плачу я от боли,
Мне судьбы не отклонить.
Кто сказать открыто смеет:
Так хочу, да будет так!
Все поступки — лишь метанья
В ночь случайности, во мрак,
Сохранит, иль уничтожит —
Кто узнает в вечном сне?
Я могу метанья множить,
Но решать — дано не мне!
Сила мрака, ты не смеешь
Крикнуть мне: «Убийца — ты!»
Я удар ударом встретил,
Но отца убила — ты!

Кто стоит передо мной?
Что мне шепчет мрак ночной?

Дай понять мне знак туманный!
Да, ты шепчешь: лечат раны,
Исцелить велишь больного...
Благодарствуй, вестник добрый,
Бог тебя благослови!
Упоительной надеждой
На его выздоровление
Ты вернул меня любви.
Да, он должен исцелиться,
Пусть утихнет боль от ран,
Их не сын отцу наносит —
Злого ада злой обман,
Я хочу к ногам приникнуть,
Эти раны целовать,
Лютый пламень жгучей боли
Слез потоком освежать.
Нет, над этой мрачной далью
Темной силе власти нет,
Но над солнцем и звездами —
Всё хранящий отчий свет.
Силы мрачные не властны
Над деянием ужасным,
И не случай здесь царит;
Это Бог рукою властной
К неизвестной, но прекрасной,
Светлой цели нас стремится.
Он и мною руководит,
Лишь руки я знать не мог;
Тот, кто в скорбь меня приводит,
Мне в блаженстве недалек.

Между тем окна замковой капеллы осветились и оттуда начинают звучать нежные, но строгие звуки.

Что я слышу? — О, спасибо!
О, шепчитесь, звуки рая,
Сладко пойте, пойте мне,
Словно лебеди ныряя
В моря пенистой волне.
Вашей сладости небесной
Лейте в сердце мне струю,
Вашей песнею прелестной
Усыпляйте скорбь мою.
Знаю, в сладостном напеве
Мир душа моя найдет;

Тот, кто звал в громовом гневе,
Вашим голосом зовет.
Есть надежда на прощенье?
Вы не скажете мне: нет,
И врата уже открыты,
Мира вестникам привет!

Звуки становятся всё строже, и наконец им начинают сопутствовать следующие слова:

Хор изнутри

Встаньте, братья!
Поднимайте
Гроб на траурный порог,
В тьме гробницы
Мирно спится
Тем, чья жизнь полна тревог.

Яромир

Как меняетесь вы быстро,
Голоса духов незримых!
Полны сладости единой
Пели вы, как рой пчелиный,
Так за что ж теперь, казня,
Тайно жалите меня?
То не звуки жизни мирной,
Так звучит напев могильный!
Церковь свет бросает в ночь —
Тише, сердце! Не пророчь!
Только б видеть, видеть, видеть!
Пусть мне гибель суждена!

Он взбирается по грудам развалившихся камней к окну капеллы.

Хор (продолжает)

Если мира
В этом мире
Сын лишил тебя родной,
Там в награду,
Вместо сына,
Твой Отец навек с тобой.
И слепого
Он обрящет,
Как Он Каина нашел,

Преступленью
Есть отмщенье,
Справедливый суд тяжел.

Я р о м и р (бледный, шатаясь,
возвращается назад)

Что там было? Что я видел?
Это правда, правда, правда?
Или очи отражают
Только сны души туманной,
Вместо мира светлого?
В месте мрачном и глухом
Был обширный Божий Дом.
Смертно бледные ланиты
Флером траурным повиты;
В алтарё — Господень Лик
Отвернулся и поник,
Будто знают эти очи
Тайный ужас долгой ночи.
И, возмездием горя,
Мрачный хор из алтаря
Властно требует отмщенья
За ночные преступления.
На помост пустой взнесен,
Слуг толпою окружен,
Бледным светом свеч облитый,
Раной красной и открытой
Бледный там грозит мертвец,
Мертвый мой лежит отец.

Тем временем свечи гаснут в церкви.

Как? Отец? Сказать нет силы!
Тот лежит, кого убил я:
Что бы ад мне ни вопил —
Не отцом моим он был!
Я ведь только человек,
Пусть дела чернее ночи,
Всё же — то дела людские,
А над жизнью отца —
Дьявол сам бы содрогнулся...
Я о голосе природы
Прежде слышал и читал;
Если вправду был отцом он,

Отчего же он молчал?
Должен был он громко крикнуть
В миг, когда кинжал взнесен:
«Стой! Кого разишь? Опомнись!
Ты к убийцам сопричтен!»
Если б та, кого люблю я,
Та, к кому стремлюсь с тоскою,
Если б мне была сестрою,
То откуда — жар страстей,
Что влечет так жадно к ней?
Бред безумный и больной!
Так ли любит брат родной?
Нет! Пусть факел Гименея
Озаряет, пламенея,
Нашу страстную любовь —
Здесь сольется наша кровь!
Вижу свет, туман редет,
Всколыхнулась мгла, плывет;
Смелым сердцем Бог владеет,
Пусть решенья час пробьет!
Разве слово иль хотенье
Грех помогут искупить?
Нет с дороги возвращенья,
Раз вступив, не отступить.
Не на счастье я родился,
Цвет не цвел невинный мне:
Тот, кто с чертом породнился,
Предан будь ему вполне.
Обладать мне ею надо,
Пусть грозит ей пламень ада,
Пусть небесная гроза
Мечет молнии в глаза!
Ад крошечный, дай любое
Имя ей! — в честном бою
Назову ее женою,
Вырву милую мою!
Наступает час решений,
Дела требует, зовет
Час зловещий привидений!
Вот — окно! Вперед! Вперед!

(Взбираясь наверх.)

Страшно, милая? Не бойся,
Ждать недолго, успокойся,

Сладко грезить, сладко спать,
Сладко друга обнимать.

(Влезает в окно.)

Входит Капитан с солдатами, которые ведут Болеслава.

Капитан

Приучил ты нас не спать,
Не пытайся убежать!
Стой, не двинешься ты с места!
Где товарищ твой, скажи?
Здесь ты с ним расстался?

Болеслав

Здесь.

Капитан

Я не вижу никого.

Солдат

Капитан, вот здесь в окне
Видел я, мелькнуло что-то,
Мне казалось, человек
В это узкое отверстие
Торопливо проскользнул...
Это он, клянусь! Наверно
В подземельях тайных замка
Хочет скрыться он от нас!

Капитан

Нас он больше не обманет,
Где бы ни был он — всегда
Мщенья меч его достанет.
Так за мной, друзья! Туда!

(Уходит с солдатами.)

Могильный склеп. На заднем плане — высокий памятник Праматери с подобающими эмблемами. Справа, на первом плане, помост, покрытый черной тканью.

Яромир *(входит)*

Так! Я здесь! — Душа, мужайся! —
Веет ужасом от стен,
Тихо сказанное слово

Возвращается в мой слух,
Словно кто-то незнакомый
Произнес его... Куда бы
Ни пошел я, предо мной
Лента по полу влечется,
Черно-красная, как кровь.
Возмущается природа,
Трепет ужаса в груди,
Но за ней — иди, иди...

(Его руки встречаются.)

А! Кто холодом обжег?
Чья рука? — Моя, моя!
Как недвижна, холодна,
Прежде кровию полна,
А теперь — рука убийцы,
Холодна рука убийцы!

Задумывается.

Пустяки! Нас ждет покой.
Пробил свадьбы час ночной.
Жду невесты дорогой!
Берта!

Праматерь выходит из глубины.

П р а м а т е р ь

Кто зовет меня?

Я р о м и р

Это ты! — Теперь — всё благо,
Возвращается отвага!
Дева, дай тебя обнять,
Бледность с щек твоих согнать!
Отступаешь ты назад?
Устремляешь мрачный взгляд?
Разве свадьбы час печален?
Веселей, любовь моя!
Видишь, счастлив я и весел,
Будь и ты такой, как я!
Знаю я, подруга, басни,
В целом мире нет смешней!
Это — злая ложь, я знаю,

Но смешная, странная!
Эти басни — смейся, Берта! —
Говорят, что ты — сестра!
Ты — сестра моя! Невеста!
Смейся, смейся, без конца.

Праматерь (*глухим голосом*)
Нет, тебе я не сестра.

Я ромир

Говоришь ты жалобно.
Смейся, смейся, ты — сестра!
А отец... Бежим! Готов я!
Ты готова?

Праматерь

Где отец твой?

Я ромир

О, молчи!

Праматерь (*возвышая голос*)

Где твой отец?

Я ромир

Не буди ты в сердце гнева.
Кроток я с тобою, дева,
Но когда и мрак и ад
Из глубин души звучат
В возрастающем напеве,
Ярый лев в пустынном гневе —
Пес — в сравнении со мной...
Кровь поет в глубоких недрах,
И тому, кто близок сердцу,
Так же близок мой кинжал!
Замолчи!

Праматерь (*сильным голосом*)

Где твой отец?

Я ромир

Кто велит держать ответ?
Где отец? Да знаю ль я?
Ты твердишь о бледном старце

В седирах святых кудрей!
Я настиг его, ты знаешь,
И теперь — он спит, он спит!

(Прижимая руки к груди.)

Часто, часто хочет встать,
Но опять, опять ложится,
И смыкаются зеницы,
Засыпает он, ропща...
Ты смеешься надо мной?
Прочь! Бежим с тобой отсюда!
Головой качаешь бледной?
Клятвы жаркие забыла,
Так любовь мою ты ценишь?
Смелый подвиг ценишь мой?
Всё, что было драгоценно,
Весь покой души бесценной,
Мир и небо продал я,
Чтобы крикнуть: «Ты моя!»
Если б знала ты страданья,
Если б ведала терзанья,
Муки ада, бремя зла,
Сердце, кровью залитое,
Приняла душой святою, —
Ты б нежней со мной была,
Ты б меня не предала!

П р а м а т е р ь

Воротись!

Я р о м и р

Вернуться? Мне?

Нет! Ни шагу без тебя!
Я уйду — и ты — за мной!
Сам отец твой пусть придет,
Пусть в объятия возьмет,
Пусть открытых ран устами
Заклеймит меня словами:
«Проклят будь, убийца!» — Ложь!
От меня ты не уйдешь!

П р а м а т е р ь

Воротись!

Я р о м и р
Нет, никогда!

Слышно, как выламывают дверь.

П р а м а т е р ь
Чу! идут!

Я р о м и р
Пускай идут!
Только — жить с тобою, Берта,
Иль с тобою умереть!

П р а м а т е р ь
Прочь! Беги! Еще не поздно!

Вторая дверь выломана.

Я р о м и р
Берта! Прочь! Бежим со мной!

П р а м а т е р ь
Мне не быть твоею Бертой!
Я — покойная Праматерь,
Сын греха! Я — мать твоя!

Я р о м и р
То — ланиты Берты милой,
То — любимой Берты грудь!
О, приди! Проснулись силы,
Страсть и радость — с нами будь!

П р а м а т е р ь
Здесь, взгляни, наряд мой брачный!

Она срывает ткань с закрытого помоста. Мертвая Берта лежит
в гробу.

Я р о м и р (*оттрянув*)
Горе! Призрак! Лик обманный!
Всё напрасно! Я с тобой!
Берта! Лик сияет твой!
Ты одна душе желанна!

(*Спешит к ней.*)

Праматерь

Так приди, погибший!

Открывает руки, он падает в ее объятия.

Яромир

А!

Он отпрядывает, делает несколько шагов, влача дрожащие колени, потом падает на гроб Берты. Дверь срывается с петель. Врываются Гюнтер, Болеслав, Капитан и солдаты.

Капитан

Сдайся! Ты умрешь, убийца!

Праматерь простирает к ним руку. Все останавливаются у двери в оцепенении.

Праматерь (*наклоняясь
над Яромиром*)

Выйди с миром, дух мятежный.

Она склоняется над Яромиром и целует его в лоб, потом поднимает гробовой покров и скорбно покрывает оба тела. Потом произносит с поднятыми руками.

Совершилось! В час ночной
Вам хвала, благие силы!
Вскройся, ящик гробовой!
То Праматерь в сон могилы
Возвращается домой.

Она возвращается торжественной ступою в гробницу. Когда она исчезает, вошедшие бросаются на первый план.

Капитан

Не уйдешь теперь!...

Гюнтер (*идет поспешно
к гробу, поднимает покров и говорит со слезами*)

Мертвец!

Занавес падает.

ПРИЛОЖЕНИЯ

I. ПРЕДИСЛОВИЕ 〈К СБОРНИКУ «ЛИРИЧЕСКИЕ ДРАМЫ»〉

В заголовке этой книги я подчеркнул слово *лирические* драмы.

Лирика не принадлежит к тем областям художественного творчества, которые учат *жизни*. В лирике закрепляются переживания души, в наше время, по необходимости, уединенной. Переживания эти обыкновенно сложны, хаотичны; чтобы разобраться в них, нужно самому быть «немножко в этом роде». Но и разобравшийся в сложных переживаниях современной души не может похвастаться, что стоит на твердом пути. Между тем всякий читатель, особенно русский, всегда ждал и ждет от литературы указаний жизненного пути. В современной литературе лирический элемент, кажется, самый могущественный; он преобладает не только в чистой поэзии, где ему и подобает преобладать, но и в рассказе, и в теоретическом рассуждении и, наконец, в драме. Вот почему, мне кажется, читатели резко делятся на два лагеря: на бегущих от лирики и проклинающих ее — и на заколдованных лирикой.

Лирика преподносит в изящных и многообразных формах все богатство утонченных и разрозненных переживаний. Самое большое, что может сделать лирика, — это обогатить душу и усложнить переживания; она даже далеко не всегда обостряет их, иногда, наоборот, притупляет, загромождая душу невообразимым хаосом и сложностью. Идеальный лирический поэт — это сложный инструмент, одинаково воспроизводящий самые противоположные переживания. А вся сложность современной души, богатой впечатлениями истории и действительности, расслабленной сомнениями и противоречиями, страдающей долго и томительно, когда она страдает, пляшущей, фиглярничавшей и кощунствующей, когда она радуется, — души, забывшей вольные смертные муки и вольные живые радости, — разве можно описать всю эту сложность?

Имея все это в виду, я считаю необходимым оговорить, что три маленькие драмы, предлагаемые вниманию читателя, суть драмы *лирические*, то есть такие, в которых переживания отдельной души, сомнения, страсти, неудачи, падения, — только представлены

в драматической форме. Никаких идейных, моральных или иных выводов я здесь не делаю.

Все три драмы связаны между собою единством основного типа и его стремлений. Карикатурно неудачливый *Пьеро* в «*Балаганчике*», нравственно слабый *Поэт* в «*Короле на площади*» и другой *Поэт*, размечтавшийся, захмелевший и прозевавший свою мечту в «*Незнакомке*», — все это как бы разные стороны души одного человека; так же одинаковы стремления этих трех: все они ищут жизни прекрасной, свободной и светлой, которая одна может свалить с их слабых плеч непосильное бремя лирических сомнений и противоречий и разогнать назойливых и призрачных двойников. Для всех трех прекрасная жизнь есть воплощение образа Вечной Женственности: для одного — *Коломбина*, светлая невеста, которую только болезненное и дурацкое воображение *Пьеро* превратило в «картонную невесту»; для другого — *Дочь Зодиака*, красавица, лелеющая библейскую мечту и погибающая вместе с Поэтом; для третьего — *Незнакомка*, звезда, павшая с неба и воплотившаяся лишь для того, чтобы опять исчезнуть, оставив в дураках Поэта и Звездочета.

Сверх этого, все три драмы объединены насмешливым тоном, который, быть может, роднит их с романтизмом, с тою «трансцендентальной иронией», о которой говорили романтики.

Уже самое техническое несовершенство этих первых моих опытов в драматическом роде свидетельствует о том, что ни одна из трех пьес не предназначалась для сцены. Идеальной постановкой маленькой феерии «*Балаганчика*» я обязан В. Э. Мейерхольду, его труппе, М. А. Кузмину и Н. Н. Сапунову.

Все три пьесы уже были напечатаны ранее: «*Балаганчик*» в «*Факелах*» (книга 1), «*Король на площади*» в «*Золотом руне*» (№ 4 1907 г.), «*Незнакомка*» в «*Весках*» (№ 5—6—7 1907 г.). Несмотря на крупные технические недочеты, я решаюсь собрать их в отдельную книгу: мне кажется, здесь нашел себе некоторое выражение дух современности, то горнило падений и противоречий, сквозь которое душа современного человека идет к своему обновлению.

Иного значения я не придаю ни одной из моих лирических драм.

Август 1907.

С. Шахматово Московской губ.

Александр Блок

II. «РОЗА И КРЕСТ»

1. ПЛАНЫ И ЗАМЕТКИ

〈Апрель 1912〉

I. Зима. Châtelaine* всю зиму слушает сладостные рассказы и песни из уст простого жонглера. Она смущена ими, она потрясена. Она требует автора. Но трубадур далеко, он сам не поет своих песен. Она тайно шлет к нему своего посла (хитрый дьявол).

II. Конец зимы. Трубадур давно слагает песни о далекой Châtelaine. Он стар. Стан его тонок, руки еще сильны, но синие глаза подернуты мутью, и серебристы седины. Посол Châtelaine является к трубадуру и с дьявольским смехом передает ему приглашение своей госпожи. Потрясенный старик отказывается. Сцена спора... Он соглашается под условием, что явится тайно в весеннюю ночь под окно Châtelaine и что она не увидит его, пока он сам не споет ей песню. Посол уходит с тем, чтобы передать госпоже условия поэта. Старик собирается в путь.

III. Весенняя ночь. Благоухание роз. Часть рва и вала, из узкого окна Châtelaine глядит на равнину. Издали кто-то скачет на коне. Всадник с лицом закрытым соскакивает с коня — юношеское движение. Он подходит к окну. Он поет. Песня. Châtelaine роняет розу. Трубадур в волнении открывает лицо. Châtelaine думает, что луна осеребрила его кудри. Лицо его в эту ночь любви сияет юношеским огнем. Она бросает лестницу Дьявольский посол, подсланный господином, которому служит и который велел ему смотреть за госпожой, бросается на трубадура с рыцарями. Châtelaine падает в обморок (окно пустеет). Трубадура заковывают в цепи.

IV. День и суд. Владелец замка велит привести трубадура. Входит старик в цепях. Вводят Châtelaine. Она не узнает его. Трубадур поет песню. Хорошая песня, говорит Châtelaine и смеется. Она говорит, что видела сон. Муж ее в бешенстве убивает предателя. Трубадура хотят бросить в темницу, но в ту минуту, когда рыцари приближаются, он падает мертвым у ног Châtelaine.

Другой сюжет. 27 апреля 〈1912〉. Сегодня ночью.

Рыцарь отправляется к своей даме. Его убивает по дороге коварный друг; пользуясь своим сходством с ним, он является к ней вместо него (она никогда не видала его в глаза). Но неотступно следует за ним и во всех движениях ему подражает убитый, сходный с ним, как его двойник.

* Хозяйка замка (фр.).—Ред.

Или — без двойника. Коварный друг обольщает даму, но в последнюю минуту встает перед ним грозный призрак убитого. Это — по-немецки или по-английски, но не по-французски.

Читаю II том Ланселота.

Действием следует считать то, где преобладает развитие сюжета. *Картиной* — то, где преобладают черты, необходимые для характеристики действующих лиц и их отношений.

СООБРАЖЕНИЯ И ДОГАДКИ О ПЬЕСЕ

14 мая <1912>

Главное действующее лицо — мозг всего представления — один из рыцарей, живущих в замке. Нескладно сложенный, некрасивый [уродливый] лицом, всеми гонимый и преследуемый насмешками, — он тяготится и своим положением в замке, и своим неудачливым прошлым, и главное — «вечным праздником», который наполняет эту бездеятельную и оставляемую пока в покое сарацинами страну; зимнее ли безделье и его скука, или летние охоты, турниры, пляски, — все праздник.

Он принадлежит к тем людям, на которых долгое и беспечное веселье нагоняет тоску; которых это вечно «беззакатное» (в переносном смысле) солнце заставляет мечтать о снегах, холоде, океане, безлюдьи; мечты эти уже не легкие и не юношеские; они добыты долгим трудом, долгим унижением; они уже не те [легкие] эфирные струи, которые могут окружить юношу, пока он юн, и покинуть его, когда он станет мужем; нет, это уже сама кровь; собственная кровь поет ему об океане и безлюдьи в его тяжелеющих венах. Вот почему и его приводит в волнение песня, которую привыкли петь здесь в замке все приезжие певцы, так как песня эта нравится госпоже (Châtelaine). Эта северная песня говорит о единственной необходимости, об Анку, отце страдания, о том, что прошлое и будущее — одинаково [туманно] неведомо (небытие). — Он силится петь про себя эту песню, но, слыша ясно ее напев в сердце, не умеет представить ничего своим некрасивым голосом.

История его жизни такова. Происходя из низкого рода, верностью своей службы он достиг посвящения в рыцари из «валетов». Его дамой была здешняя Châtelaine, почти ребенок тогда; никогда ни словом, ни взглядом он не дал ей заметить своего обожания.

На первом же турнире какой-то наглый, но более сильный, чем он, рыцарь вышиб его из седла и наступил ему ногой

на грудь, Châtelaine небрежно махнула платком, чтобы его не добивали. С тех пор он, посвященный в рыцари, но не рыцарь, занимает двусмысленное положение в замке. Все издеваются над ним, не пропуская ни одного случая. Только Châtelaine, давно любимая им тайно, очевидно, чувствует его любовь и преданность женским чутьем; всякая влюбленность — лишний раз льстит низкому бабьему самолюбию. И Châtelaine, презирая его в глубине души, не выражает этого внешне. Напротив, как истая баба, она умеет обмануть его мужскую честность, ослепленную к тому же любовью, ласковым обращением, взглядом, который она соблаговолит бросить ему раз в месяц, проходя через зал, встретясь с ним на лестнице.

Другой влюбленный в Châtelaine — паж, красавчик с пушком на губе, проныра и хвастун. До времени он делает вид, что влюблен в Châtelaine безнадежно. Он вздыхает на подушках у ее ног, всегда наряженный в голубое, вечно томный и сластолюбивый. Она ведет с ним легкий флирт — ту легкую кокетливую игру, которая бывает красивой, когда распускаются яблони и когда влюбленные молоды и позволяют себе — от робости, или от молодости, — не слишком много. Та же игра становится уродством, едва победит похоть, а за похотью последует скука. И это чувствуется уже в зачатках на их отроческих играх. — Однако Châtelaine еще молода и неиспорчена. Флирт рождается только из долгой скуки, он для нее — еще почти только игра в шахматы с той или другой *demoiselle** — способ коротать бесконечные зимние дни и вечера, когда нет ни турниров, ни полевых забав, ни песен и кривляний жонглеров. — Поганец паж, обладающий уже в достаточной степени терпением (свойственным трезвым мужчинам) и здравым смыслом, не торопит событий; он вздыхает и ждет только часа, когда его посвятят в рыцари. Тогда, полагает он, сбудутся его надежды. Характер несложный.

Супруг Châtelaine — пожилой, грубый и обыкновенный — граф (или герцог), как все. Его занимают земли, вассалы, охоты, турниры. По отношению к молодой жене — его занимает одно: чтобы честь его не пострадала; на остальное он смотрит сквозь пальцы.

Сама Châtelaine — молода и прекрасна; прекрасна лишь тем, что молода; и, как во всех молодых, в ней сладостно борются и еще не скоро доборются два стремления: одно — пошлое, житейское, сладострастное; этой частью своего существа она склоняется к пауку; но эта половина души освещена розовым, нежным, дрожащим светом другой половины, в которой скрыты высокие и женственные возможности. Воплотить эти возможности нет средств,

* Девницей (*фр.*). — *Ред.*

окружающая среда не дает никакой пищи ее неясным мечтаниям, которые поэтому принимают постепенно причудливые формы и наконец переходят в ясное ожидание и предчувствие чего-то иного, особенного, непохожего ни на что знакомое, непохожего даже на те розы и благоухания, которые наполняют эту полгода скучающую, а полгода утопающую в развлечениях, страну. Предчувствие внушено ей той самой *песней*, о которой уже была речь, которую она слушала не раз из уст заезжих певцов. Она становится все рассеянное, она уже почти не обращает внимания на пажа, который напрасно, сидя у ее ног, жалуется на утрату ее прежнего расположения. На этом застает их поднимающийся занавес.

Р(ыцарь)-Г(рядущее) — носитель того грозного христианства, которое не идет в мир через людские дела и руки, но проливается на него как стихия, подобно волнам океана, которые могут попутно затопить все, что они встретят по дороге. Вот почему он — *неизвестное*, туманен, как грозное будущее, и, принимая временами образы человека, вновь и вновь расплывается и становится туманом, волной, стихией.

Потому он жестоко предпочитает мирный сон обыкновенного, даже пошлого человека — мятежным крикам «богоборца». Потому он уничтожает Бертрана, как только человеческое отчаянье довело его до хулы на крест. *

Октябрь 1912

*Новый проект 4-й картины (вслед за ней — последняя). ***

Часть парка у замковой часовни. Паперть. Капеллан приводит Алискана на *veillée des armes*, «стражу оружия» (перед посвящением). «Наставление».

Алискан, тоже услышавший альбу, тоскует о любви Изоры. Рассвет, поют птицы, молодой валет засыпает на паперти. Входит Бертран, изможденный и измученный сомнениями. Его терзает поступок, совершенный в опьянении любви, — чужой рыцарь и враг — в замке.

Сквозь деревья синее просвет. По-видимому, это утреннее небо, глубоко синее, как будто еще звезды на нем. И вдруг

* Над текстом — помета Блока: «Нет, и это не так» и дата: 27 октября (1912). — *Ред.*

** Позднейшая помета Блока: «Нет, это начало той же». — *Ред.*

Бертран видит, что это — плащ Рыцаря-Грядущее. Их диалог поодаль от спящего мирно валета. Тот говорит сначала будто из бесконечной дали. В его голосе — и море, и даль, и Изора, и бесцельная синева, так что Бертрану чудится, будто он вопрошает только свое туманное и грозное будущее. Постепенно Рыцарь-Грядущее становится человеком — Газтаном и сурово отвечает несчастному на просьбы покинуть замок: «Я дал слово Изоре спеть песню. Я не покину замка. Я уйду отсюда мирно, если только она меня не оскорбит».

Отчаянье Бертрана.

От громкого пения птиц просыпается валет. Полное утро. Ему снилась Изора.

13 ноября 1912

Майские календы

Состязание жонглеров, на котором присутствуют: Граф с капелланом и рыцарями, Изора с пажом и с дамами, Бертран и весь двор графа. Жонглеры поют, потом (в перерывах) другие показывают разные штуки. Капеллан возмущается.

I. Поет один жонглер. II. Поет другой. Равнодушная Изора; она спрашивает только, когда же будет новый жонглер; удовольствие графа, ревность которого слабеет. III. Наконец, выступает старый рыцарь, переодетый жонглером. При первых звуках его песни Изора волнуется. Она в волнении сжимает руку пажа. Все восхищены песнью. Граф дает певцу лучшее свое платье (см. *Flamenco*). * «А вы что дадите мне в награду за песню», — спрашивает рыцарь Изору. Она, по-прежнему не узнавая его, говорит, что эту любимую ее песню никто не пел лучше его. Он просит поцеловать ее руку. Она протягивает ему руку. Он медленно удаляется. Изора спрашивает графа, где же новый жонглер. Этот самый, говорит граф. Только-то... говорит и думает она: этот старик действительно хорошо поет, но... Внезапно доносятся крики и выстрелы, ** граф вскакивает. И опять на Изору находит страстная тоска. Она чувствует, что что-то большое прошло мимо нее и ушло безвозвратно и, не умея выразить этого, склоняется в суматохе среди рыцарей к пажу, который страстно смотрит на нее. И вдруг их глаза встречаются. — (Паж, зашнуруй мне туфлю)... Новые крики, рыцари бросаются к воротам, граф кричит, чтобы подняли мост

* Исправлено взамен зачеркнутого: «кошелек с золотом». — *Ред.*

** Это слово позднее зачеркнуто карандашом с восклицательным знаком на полях (как анахронизм). — *Ред.*

(через ров)... Бряцание оружием, факелы, суматоха. Никем не замечаемая Изора вдруг дает руку пажу, который страстно хватается ее. И, приподнимая платье от росы, она бежит к замку, за ней — паж.

Вдруг, шатаясь, преграждает им дорогу Бертран. Он ранен и принес увядшую уже черную розу, которую уехавший рыцарь велел возвратить Изоре. Она смотрит на нее с изумлением (я видела такой сон) и со страхом. Изумление сменяется любопытством, она старается вспомнить. «Вы дали ее ему вчера», — говорит Бертран. «Неправда, вчера я была в башне, и нигде больше».

Эпиграфом ко всей пьесе может служить стихотворение Тютчева «Два голоса».

Тревога и труд лишь для смертных сердец...
Для них нет победы, для них есть *конец*.

Таков Бертран — не герой, но мозг и сердце всей пьесы, *человек* по преимуществу. Рядом с ним — Рыцарь-Грядущее — скорее призрак, чем человек; это — чистый зов, художник, старое дитя — и только. Алискан, разумеется, тоже не человек, это — тоже «зов», только — противоположный Рыцарю-Грядущее. Эти двое *зовут* Изору, которая, как существо низшей породы, уступает в конце концов второму зову; Бертран же никуда не зовет ее, он только *любит*. Любовь без зова и зов без любви.

Рыцарь-Грядущее — это зов. Смутный и бесцельный зов, который слышит женщина во сне и смутно слышит простой рыцарь Бертран только потому, что любит эту женщину.

Крест — — ?

Р(ыцарь)-Гр(ядущее) — в образе бродяги, дали, бедного рыцаря, едущего одиноко и не узнаваемого никогда и никем. Тогда покорны (есть *синтез*) — и даль, и бесцельность, и КРЕСТ.

Бедный рыцарь
Песня менестреля? (тетя)
Сон Изоры (тетя).

Все эти заглавия не подходят именно потому, что неясен Р<ыцарь>-Гр<ядущее>.*

⟨1912⟩

Март в начале.

I. Песня Бертрана.

II. Капеллан жалуется графу, что у Изоры на столе лежит вместо молитвенника роман о Флоре. Граф сначала не понимает, что в этом дурного, но капеллан уверяет его, что это пахнет ересью.

III. Граф велит позвать даму Алису и узнает от нее, что Изора скучает, плачет по ночам, кусает подушки и произносит во сне имя неизвестного рыцаря. Воспалившись ревностью, он велит Алисе доносить обо всем и грозит, что запрет Изору в дальнюю круглую башню. Уходит с капелланом приготовить.

IV. Алиса, Изора и паж. Изора задумчиво садится у шахматного стола, паж у ее ног. Тройной разговор, неверные ходы. Алиса уходит.

V. Жалобы пажа. Она велит ему привести «мажордома» (Бертрана?).

VI. Изора одна. Входит Бертран. Она дает ему поручение и отсылает.

VII. Входит разъяренный граф, велит заточить Изору. Удивляется ее равнодушию.

I. Бертран встречается в лесу с рыцарем. После поединка они признают доблести друг друга и повествуют взаимно о себе.

II. Рыцари находят... и называют его имя. Радость и слезы Бертрана. Все пускаются в путь.

Разгар весны. Вечерет.

I. Изора с Алисой в круглой башне у окна (Изора не подозревает об измене Алисы и ее доносах графу) осторожно разрезают пирог и читают вложенную туда записку Бертрана о том, что в полночь рыцарь явится к окну, а в случае опасности Бертран предупредит влюбленных альбой. «Оставь меня одну», — говорит Изора. II. Вечерет, она смотрит в окно. Поет. Выходит луна и бросает тень от башни. III. В тени появляется рыцарь с закрытым лицом. Их разговор. Он поет ей.

* Последняя заметка из папки «Сорбразения и догадки о пьесе» (с. 386—391), датированная 7 июня 1913 г., помещена на с. 392 для соблюдения хронологической последовательности. — *Ред.*

I. Разгар весны, вечерет. Комната в круглой башне. Изора, Алиса, граф. Изора притворно плачет, граф непреклонен, уходит, прогремев ржавым ключом. Приносят пирог, к которому со смехом бросаются Изора и Алиса, осторожно разрезают его и читают вложенную в него записку Бертрана. «Оставь меня одну», — говорит Изора. II. Темнеет, всходит луна. Изора слышит под окном шорох в розовых кустах. Она открывает потайную дверь. III. В лунной тени появляется рыцарь с закрытым лицом. Их нежные речи. Она дает ему розу, которую он прячет под плащом. Он сбрасывает берет (?), и седые волосы рассыпаются по плечам. Но ей в лунном свете они кажутся льняными кудрями. В последнюю минуту он ударяет мечом в окно (условный знак), и тотчас же слышится альба Бертрана. Испуганная Изора выпускает его потайным ходом. IV. Изора зовет Алису и садится печально с ней у окна. V. Через некоторое время входит граф; он сообщает, что в замок приехал новый жонглер и что на радостях он устраивает завтра состязание жонглеров, на котором позволяет присутствовать Изоре. Изора не скрывает своей радости.

7 июня 1913

Вт<орой> Рыц<арь> мог бы каяться в том, что смеялся над Бертраном. Но я сейчас так опустел и устал, что не стану этого переделывать. Пьеса настоящая; если когда-нибудь ей суждено быть на сцене, я и из Второго Рыцаря сделаю настоящую роль. А теперь — в последний раз приложив руку к «Розе и Кресту», посылаю маме, она отвезет в Шахматово для переписки, для Сирина.

1916

Нам, художникам, даны: 1) тот цветистый, путанный и необозримый материал, который обозначается словом *жизнь* (все: люди, идеи, образы, [цвета], чувства) и 2) некая (демоническая) воля, имеющая способность делать державный выбор из этого материала и распределять его при помощи тех методов, которые присущи только нам, художникам.

Поэтому я хочу, минуя всякие возможные идейные, исторические, критические вступления, — начать говорить *прямо*, на языке художника, о драме «Роза и Крест».

В драме действуют, кроме Бертрана, Изоры и Гаэтана, люди, разделяющиеся по следующим группам:

I. Хозяин — Граф Арчимбаут, Капеллан, Алискан, повар, первый рыцарь, придворная дама жены Графа — Алиса — и почти вся челядь.

II. Доктор и второй рыцарь, рыбак, кое-кто из остальной челяди.

Общие признаки: первой группы: обыватели, то есть насиженное место, курицы (с вариациями для Алискана); второй группы: униженные, которым плохо живется, с них не спрашивается «присутствие» и они имеют «право на отсутствие» (нужда засла). Когда же они проявляют человеческое, тихо и благодарно улыбаешься им, ибо доктор — добрая собака, второй рыцарь — усталая лошадь, рыбак — краб.

2. ПРИМЕЧАНИЯ К ДРАМЕ «РОЗА И КРЕСТ»

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Сцена II

Святой Иаков!

Граф и Капеллан часто поминают одного из наиболее почитаемых в их время святых — апостола Иакова Старшего, «святого Иакова Кампостельского». Прах святого Иакова, покровителя Испании, был перевезен в IX столетии в Кампостелло; легенда говорит, что место для погребения (в испанской провинции Галиции) было указано звездой; отсюда — имя местечка — *Campus Stellae*; немного позже, по преданию, сам Иаков на белом коне участвовал в битве с маврами при Logroño и принес испанцам победу. Все это сделало Santiago местом паломничества не менее знаменитым, чем Рим; один из торных путей северных паломников пролегал близ Тулузы; как раз в начале XIII столетия достраивался собор над могилой святого.

Сцена III

Болезнь называется меланхолией...

Диагноз Доктора заимствован мной из средневекового лечебника, составляющего часть рукописи XIII — XIV вв. муниципальной библиотеки в Cambrai (напечатан в статье A. Salmon, в книге «*Études romanes dédiées à Gaston Paris par ses élèves français et étrangers*», Paris, 1891). Лечебник начинается словами: «*Constentins et maistre*

Galiens et Ypocras nous tiesmoignent...» Далее: «Et u melancolie surhabunde, le corps malmet... et si ne puet la folie de legier esciver» (избежать... см. слова Алисы в IV сцене)... (Li sanc croist en printans, et en gain (осенью) noire cole. Li sanc croist... des ydes des fevrier dusques as ydes de marc... Melancolie regne des ydes d'aoust dusques en fevrier... Quant il i a trop sanc, par le nés s'en ist fors...)

...Contre melancolie, ki est froide et seke et aigre, on ne le doit mie tenir trop maigre; on le doit plenierement dyeter, et li doit on donner douc et moiste, et ce li vaut...»*

Дай сюда шахматы...

В романе Круглого Стола «Lancelot» фея Вивiana играет в шахматы с Ланселотом. О том, что шахматы были распространены в замках феодалов, свидетельствует и Вальтер Скотт в своих «Essais sur la Chevalerie», и популярные истории литературы и нравов.

Спеть вам песню, которую поют при Аррасском дворе?

Аррасский двор (Аррас — столица графства Артуа, главный город нынешнего департамента Па де Калэ), о котором только и мечтает Алискан, был в XII столетии, после долгого господства графов фландрских, присоединен Филиппом Августом к французской короне; он отличался особым блеском куртуазии в XIII столетии.

Аэлис, о, роза...

Только имя Аэлис в этой песне заимствовано мной (по его созвучию с именем Алисы) из известной старофранцузской народной песенки: «Bele Aaliz main leva...»** (см. Е. В. Аничков, «Весенняя обрядовая песня»; транскрипция имени принадлежит ему же).

* «Великие учителя Гален и Гиппократ нам свидетельствуют... И когда меланхолия возобладает, терзает тело... и таким образом не легко избежать безумия... Кровь бунтует весною и осенью черным цветом. Кровь бунтует от ид февраля до ид марта... Меланхолия господствует от ид августа до февраля. Когда бывает излишек крови, она исходит через нос...

...Против меланхолии, которая холодна, суха и остра, не следует быть слишком худым; следует полностью соблюдать диету и следует вводить влагу, и это помогает...» (старофр.).—Ред.

** Прекрасная Аэлис подняла руку... (старофр.).—Ред.

Сцена IV

Симон Монфор

Симон — сначала барон, потом граф Монфортский (родился около 1160 г.), в 1199 г. участвовал в крестовом походе в Палестину и был прозван за храбрость «Маккавеем» своего века; возвратясь, был избран баронами предводителем крестового похода против альбигойцев; поход этот начался в 1208 году, к которому и надо приурочить время действия «Розы и Креста». Крестоносное войско собралось в Лионе и пошло на юг; взятие Безье, при котором папский легат произнес исторические слова (слова Бертрана, д. III, сц. 1), а потом и Каркассона, относится к следующему году. Симон, прославившийся крайней жестокостью во время альбигойской войны, был убит (гораздо позже) ударом камня при осаде Тулузы.

Раймунд

Раймунд VI «Старый», граф Тулузский, родился в 1156 г., имел бурные разногласия со св. престолом по поводу альбигойства, которому он негласно сочувствовал; ему приписали убийство легата Петра де Кастельно. Два раза отлученный от церкви (1208, 1211), он выдержал страшную резню, шесть лет был в изгнании (пока Тулузой правил Симон Монфор), но потом возвратился и до смерти продолжал владеть графством, несмотря на нападения Амори Монфора (сына Симона). Раймунд был женат пять раз, но оставил только двух законных сыновей. В 1208 году графство Тулузское вмещало в себе графства Кверси, Альби, Каркассон, Ним, Безье, Фуа и «Прованский маркизат».

Монсегюр

Монсегюр — замок в Лангедоке — был одним из очагов сектантства.

Епископу их новому присягу...

Многие города Лангедока (Альби, Тулуза, Каркассон, Валь д'Аран) были почти сплошь заселены сектантами (катарами); в Альби жил епископ, стоявший во главе одной из епархий.

С дьяволовыми ткачами мы сладим...

«Ткачами» (tisserands, téxerands) назывались альбигойцы потому, что большая часть секты состояла из ремесленников этого рода, особенно в Тулузе.

Роман этот греческого происхождения (две редакции XII века); сюжет его использован, между прочим, Боккачио; это — трогательная история любви двух детей; их разлучают, но, после многих приключений и опасностей, они счастливо соединяются; родственная этой истории *chantefable* Aucassin et Nicolette,* написанная также в XII столетии, частью стихами, частью прозой (G. Paris, *La Littérature française au moyen âge*, XI—XIV siècle).

Сцена V

Святой Видиан

Изора, дочь бедной швей-испанки, из маленького городка Martres Tolosanes (Муки Толозанские), который лежит у подошвы Пиреней на берегу Гаронны; патрон этого городка — малозвестный St. Vidian, сын герцога времен Карла Великого, обративший в бегство мавров, убитый ими около городка Ангонии и погребенный там; на могиле его были явлены чудеса; с той поры Ангония (южнее Толозы) была названа городом «мучеников» (Martres), и до сих пор, около Троицы, праздник святого знаменуется там примерными битвами христиан с маврами (описание праздника и костюмов — в статье A. Thomas — Vivien d'Aliscans et la légende de St. Vidian в книге «Études romanes», указанной выше; в статье доказывается родство жития св. Видиана с некоторыми chansons de geste **).

Я клялся бы розой—Вы краше всех роз...

Изора принимает эти слова за общее место и удивляется, откуда мог научиться куртуазии бедный рыцарь.

За все заботы вы платите мне золотом Тулузы!

Золото Тулузы вошло в поговорку с языческих времен; оно означает богатство, приносящее беду.

* Сказка об Окассене и Николетте (фр.).—Ред.

** Героическими поэмами (фр.).—Ред.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Сцена I

Не верь безумию любви...

Песня, словами которой перекликаются Гаэтан и рыбак, записана виконтом de la Villemarqué в его собрании народных бретонских песен (Barzaz-Breiz, Chants populaires de la Bretagne). История сохранила смутную память о каком-то городе V века, который назывался Хрис, или Кэр-Ис. Легенда рассказывает, что Кэр-Ис был столицей Арморики; им правил благочестивый король Граллон, который был дружен со святым Гвеннолэ, первым аббатом первого монастыря, построенного в Арморике; город Кэр-Ис стоял на берегу моря и был отделен от него громадным бассейном, который спасал от наводнений во время приливов; в плотине, отделявшей бассейн от города, была потайная дверь, а ключ от нее хранился у короля. Песня, написанная на корнваллийском диалекте, начинается словами:

«Arabad eo en embarat!
Arabat eo en arabadiat!
Gonde levenez, Kalonad!»

то есть:

«Не верьте любви!
Не верьте безумию!
За радостью — страданье!»

Далее описывается, как старый король уснул после пира; он спал в пурпурной мантии, с золотой цепью на шее, его седины, белые, как снег, струились по плечам.

В это время коварная дочь Граллона, прекрасная Дагю (Dahu) проскользнула в его спальню, опустилась на колени, сняла с его шеи цепь и ключ вместе с цепью.

Она открыла потайную дверь, чтобы впустить своего любовника, чьи речи текли тихонько, как вода, ей в уши; океан хлынул и затопил город; только лесник слышал потом, как дикий конь Граллона, быстрый, как пламя, промчался в черную ночь; он видел, как водяница расчесывала на берегу под полуденным солнцем золотые волосы; она пела, и песни ее были печальны, как плеск волн; св. Гвеннолэ превратил коварную Дагю в сирену; рыбаки и поныне видят остатки стен и башен, выступающие из воды во время отлива, а в бурю слышат звон колоколов на дне морском.

Гаэтан — лишь один из слагателей легенды, источники которой восходят к легендам о гибели Содома.

Трауменек

Замок, о котором идет речь, в действительности назывался Тромéнес. Все имена деревень и местечек — исторические: Plougasnou, Plouézec и Plouguerneau — лежат на севере Бретани, в нынешнем департаменте Finistère. В книге брата Albert Le Grand, доминиканца XVI века (*Les vies des saints de la Bretagne — Armorique*. Brest et Paris, 1837, Imprimerie de P. Anner et fils; есть новое издание), есть глава, перепечатанная из «Истории церквей и часовен Божьей Матери, построенных в диоцезе Св. Льюа» (сочинение монаха Кирилла ле Пеннека — Morlaix, 1647). Здесь рассказывается следующее: близ Арморики виднеется приход Ландеда (Landeda); хоть он не велик, однако ничем не уступает другим в отношении почитания Пресвятой Девы. Отсюда — спуск к порту Аберврак (Aber-Grac'h, Aber-Wrac'h), где существует преданный церкви монастырь «Notre-Dame des Anges», основанный в 1507 году (таким образом, во времена «Розы и Креста» монастыря еще не было, как нет его и теперь: в наше время он превращен в гостиницу, а уничтожен был во время Великой Революции). В том же приходе можно посетить капеллу Божьей Матери на красивой и приятной лужайке, по соседству с прекрасным источником; она принадлежит благородному дому Троменек; замок находится рядом с ней (в наши дни от этого замка осталось лишь несколько развалин, заросших плочом); построена она сеньером Троменека на память о поединке с молодым сеньером Карманом.

Аберврак лежит на самом берегу бухты, при устье речки, от которой он получил имя, и прямо против него — выход в океан, укрепленный в 50-х годах прошлого столетия небольшим фортом, который теперь оставлен. Прибрежная полоса, отделяющая бухту от океана, только и носит теперь имя Арморики (древнее имя Бретани); близ этого форта есть скалы и камни причудливых очертаний. Ландеда и развалины Троменека лежат на высотах над Абервраком, в виду океана. Со всего этого берега виден лежащий в море пустынный остров Девы (Ile Vierge), на котором воздвигнут величайший из французских маяков, указывающий вход в Ламанш.

Мы все туда на праздник ходим...

Рыбак разумеет les pardons — «прощенные дни», которые исстари празднуются по всей Бретани танцами, шествиями, ярмарками и т. д.

Сцена II

Из Арморики милой я родом...

Гаэтан называет свою родину Арморикой по-старинному. В его время она уже носила имя Бретани.

*...Ты вернись,
Что в жилах у нас
Одна—святая, французская кровь?..*

Это не ходячее мнение; в то время, хотя и близкое к объединению Франции, большинство думало иначе, и Алискан, говорящий о «чужой и дикой Бретани» (действие 1, сц. 3), является характерным выразителем обывательских мнений.

*Пусть напрасно заехал я в ваши туманы,
С Толозанской дороги свернув!*

Бертран поехал на север, по поручению графа, выехав сначала на Толозанскую дорогу (La via Tolosana)—обычный путь пилигримов в Santiago с севера; путь этот указан в одном «путеводителе пилигримов» (Codex Campostellanus XII века; здесь значатся: Nîmes, Saint-Gilles, Saint-Guilhem-du-Désert, Toulouse). В последние годы Bédier в своей книге (Les Légendes épiques, recherches sur la formation des chansons de geste, 2 volumes, Paris, 1908), следуя указаниям Chansons de geste, проследил этот путь за Nîmes на Париж через Clermonts-Ferrand. Монфор, выйдя из Лиона и направляясь к Тулузе, очевидно, вышел где-то южнее на Толозанскую дорогу; там-то Бертран и встретил его. Затем, исполняя поручение Изоры, Бертран свернул к северо-западу и достиг пределов Бретани.

Возле синего озера юная мать...

Весь монолог Гаэтана навеян романом «Lancelot du lac»; Ланселот был унесен из колыбели феей Вивианой на дно озера; она воспитала его; она учила его играть в шахматы, за обедом он сидел против нее в венке из роз даже в те месяцы, когда розы перестают цвести; когда же юный Ланселот стал тосковать и пожелал стать рыцарем, фея долго не хотела отпускать его, наконец научила его христианским заповедям рыцарства и сама отвезла ко двору короля Артура и прекрасной королевы Джиневры.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Сцена I

Войска его святейшества

Крестовый поход против альбигойцев был вдохновлен папой Иннокентием III.

Орифламма Монфора

Герб Симона III Монfortского — в Версали. Все гербы зала крестовых походов (чертежи и описания) — см. в шестом томе «Galeries Historiques du Palais de Versailles» (Paris, 1840).

Они теперь в Безье...

Событие относится в действительности к лету 1209 года. Знаменитые слова произнес папский легат Арнольд Амальрик: после этого, говорит хроника, в городе «не осталось ни одного живого существа»; Безье разграбили и сожгли.

...Первый день весенний, вы знаете, он — первый года день...

«Апрель и май — купоч всего года» (старая французская поговорка).

Сцена II

Подсыть немного ивово́й коры...

Salix alba — известное в средних веках слабительное.

Сегодня я встаю на ночную стражу...

В обряд посвящения в рыцари входило, кроме поста и очистительной ванны, стояние на ночной страже в ночь перед посвящением; это называлось — «veillée des armes».

Сцена III

Многие места диалога Изоры и Алисы, особенно то место, где Алиса играет роль клерка, заимствованы мной из провансальского романа XII века *Flamensa*.

Им же навеян мне характер графа. Оттуда же взято имя графа Archambaut (Арчимбаут — транскрипция Е. В. Аничкова), имена Алисы (у Châtelaine Фламенки две «damoiselles»: Алиса

и Маргарита), Оттона и Клари. Наконец, из того же романа взяты мной некоторые отдельные образы и выражения в пьесе, например: волосы у графа, «как у черта на картинке»; «когда улыбаются, скалит зубы по-собачьи»; «ярость любого дракона можно смягчить кротостию»; и др. (Срв. «Le roman de Flamenca», publié d'après le manuscrit unique de Carcassone, traduit et accompagné d'un glossaire par Paul Meyer, Paris — Béziers, 1865).

Прекрасный, как святой Губерт

S. Hubert — «Arôtre des Ardennes» XII века, покровитель охотников.

Сцена V

Переключка ночных сторожей

Ночные сторожа в Тулузе до сих пор кричат: «Minuit passé, dormez en paix!»

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Сцена I

Душистый кларет —

смесь вина, меда, духов и пряностей.

Наука учтивой любви —

куртуазия.

Сцена III

Песня девушек

взята мною из разных майских песен («trimouzettes»). Начало ее:

C'est le mai, le joli mai,
C'est le mai, le tri mà ça.

(Срв.: Е. В. Аничков, «Весенняя обрядовая песня», часть I, глава 3, стр. 168 и сл.).

Майское дерево — столб, украшенный цветами и лентами, — носили девушки в венках и с песнями или возили на телеге, запряженной волами.

Бароны и богатей —

постоянный титул провансальской знати: «rics oms e baros».

Песня первого менестреля —

свободный перевод трех строф (I, II и IV) знаменитой сирвенты Бертрана де Борн:

«Be m platz lo dous temps de pascor»* (все чередования рифмы соблюдены).

Песня второго менестреля —

вольное переложение песенки пикарского трувера XIII века. Начало ее:

Le premier jor de mai
dou dous tans cointe et gai
chevalchai
entre Arras et Douai

(см. Анничков, «Весенняя обрядовая песня», т. I, стр. 124 и сл.).

Песня Гаэтана

принадлежит мне, но некоторые мотивы ее навеяны бретонской поэзией. В ней есть отголосок разговора ребенка с друидом, где друид говорит: «La Nécessité unique, Ankou, père de Douleur; rien avant, rien de plus»** (см. Villemarqué, Barzaz-Breiz).

В припеве повторяется постоянный мотив: «La neige tombait, le vent soufflait»*** (сравни. А. le Braz, «Vieilles Histoires du pays breton», Paris, 1905, «Nôel des Chouans»).

Что касается понимания песни Изорой, то оно зависит не только от ее собственного характера, но и от общего направления южного ума: итальянский ученый Egidio Gozzi, говоря о провансальской поэзии, подчеркивает: «joï et poesia sono sinonimi, come pure sinonimi sono poesia et amors»**** (Delle origini della poesia de medio evo, Torino, 1895). Суровый северный напев о Радости и Страдании откликается в южном сердце как «Страданье — радость с милым». Joï на севере — высокое вдохновение, на юге — легкая весенняя радость.

Шутов сюда!

Показывать акробатические фокусы умели часто те самые жонглеры, которые умели петь. Слова моих жонглеров — заимствованы.

* Очень мне приятно сладостное время пасхи (старофр.). — Ред.

** Единственная Необходимость, Анку, отец Страдания; ничего впереди, ничего более (фр.). — Ред.

*** Снег падал, ветер свистел (фр.). — Ред.

**** Радость и поэзия — синонимы, так же как чистые синонимы — поэзия и любовь (ит.). — Ред.

Сцена V

Крест над выгою —
видение бретонских рыбаков.

3. ЗАПИСКИ ВЕРТРАНА, НАПИСАННЫЕ ИМ ЗА НЕСКОЛЬКО ЧАСОВ ДО СМЕРТИ

Я, Бертран, сын простого тулузского ткача, с малых лет попал на службу в замок графа Арчимбаута в Лангедоке. За долгую службу граф опоясал меня мечом. Посвящение мое в рыцари прошло незаметно, и никакая дама не дала мне ни шарфа, ни пояса, но сам я, втайне от всех, избрал дамою своего сердца прекрасную супругу моего господина — графиню Изору. Жизнь моя так и протекла бы в неустанных заботах об охране замка, которые были все возложены на меня, я мог бы проводить еще долгие ночи на страже во дворе замка, так как силу не спать, но бодрствовать мне давала любовь к той, чье окно выходило на мой пустой двор; но случилось происшествие, которое дало толчок к перемене всей моей судьбы.

Однажды во время турнира, в минуту, когда я почувствовал непобедимую усталость после бессонных ночей, чужой рыцарь — великан с дельфином в гербе — вышиб меня из седла подлым ударом и наступил мне ногой на грудь. Горя стыдом и гневом, я умолял его пронзить мне сердце; но госпожа махнула платком, и меня пощадили. С тех пор никто не давал мне проходу, все стали смеяться мне прямо в лицо. Вероятно, и она смеялась надо мной за глаза, но любовь моя к ней не умерла, а только чувство горечи примешалось к ней, потому что я чувствовал себя ей обязанным моей, хотя и несчастной, жизнью; я решил тогда доживать свой век, редко позволяя себе утешаться мыслями о смерти и полагая, что мне уже ничем не смыть того унижения, которое так неожиданно на меня обрушилось.

Тем временем окрестные крестьяне, которых здесь зовут презрительно «ткачами», стали все чаще совершать набеги на замок, а иногда нападать и на наших рыцарей, которых заставляли врасплох на дороге. Таким образом они напали на Оттона и на Клари; правда, их не убили, а только исколотили дубьем до полусмерти.

Это было ответом на вызывающее поведение нашего двора; графу случалось для потехи устраивать облавы на крестьян, как на диких зверей, а иногда рыцари наши, наскучив турнирами, пирами и песнями, охотились за девушками из соседних деревень.

Видя все это, я не мог оставаться равнодушным, но также не мог ничем помочь беде, так как был только ночным сторожем и разведчиком и, в унижении моем, не имел даже голоса, чтобы умолить моего господина оставить жестокие забавы и предостеречь его от грозящих неприятностей. Может быть, — да простит меня бог, — в моей оскорбленной душе жило грешное чувство злорадства, ибо тот, кто унижал меня не совсем справедливо, сам не был чист. Особенно же мучило меня и восстанавливало против господина — его отношение к молодой графине, на которую он не обращал никакого внимания, не умея ничем занять свою прекрасную супругу, которой было только семнадцать лет. Молодые женщины требуют внимания и забот, а те из них, которые отличаются пылким нравом, умеют сами занять себя, когда их не занимает супруг.

Невнимание моего господина к прекрасной Изоре, которая отличалась пылким нравом, не замедлило сказаться. Юная графиня приблизила к себе своего молодого пажу Алискана, и я был иногда свидетелем того, как она резвилась на зеленом лугу среди цветов, приподнимая платье от вечерней росы, с этим красивым мальчиком, а он преследовал ее, как мотылек преследует пеструю бабочку.

Наступила весна этого тяжелого года, когда невинные забавы молодой графини были неожиданно прерваны. Засэжий жонглер спел в замке странную песню, которая произвела глубокое впечатление на прекрасную Изору; она отстранила от себя пажу и предалась непонятной ни для кого тоске. Напрасно размышлял я о том, чем волнует ее песня, из которой мне запомнились ярко слова о том, что беда и утраты преследуют человека всюду и нет для него иного спасения, кроме креста. В песне этой говорилось также о море, о снеге и Радости Страдания. Я помню утро, когда я, по обыкновению, стоя на страже во дворе замка, размышлял о своей несчастной судьбе, о неразделенной любви и о том, как может Страдание быть Радостью. Эти слова песни влекли меня, но я не знаю, сам ли я чувствовал скрытый за ними тайный смысл, или чувствовать его меня заставляла любовь к той, для кого в те дни эта песня была предметом всех стремлений. — Пока я стоял там на страже и тихо повторял про себя темный напев, придворная дама моей госпожи, распахнув окно наверху, велела мне, по обыкновению, принести воды из колодца и потом приказала отойти от окна. Я помню, она сказала: «Моя госпожа больна, ее расстраивает ваше пенье».

В те дни я был послан на разведки и узнал, что граф Раймунд снарядил войско в Тулузе и под знамя его встал сосед наш — Монсегюр. Граф Монфор, которого ждали у нас в замке как избавителя от еретиков, был, по словам окрестных жителей, еще только в Лионе. Господин мой, призвав меня через несколько дней к себе, расспросил меня обо всем подробно и велел ехать на север, чтобы узнать в точности, где находится войско Симона Монфора.

В тот самый день госпожа кликнула меня из окна, когда я проходил по двору. Я вошел к ней изумленный, ибо никогда прежде не удостоивался от нее такой чести. В присутствии своей придворной дамы она сказала мне, что ее супруг и мой господин подозревает ее и собирается заточить в Башню Неутешной Вдовы, чем возбудила в моей душе величайшее сострадание к ней. Узнав от меня, что я послан на север и что в башне есть потайной ход, она велела мне отыскать сочинителя той песни, которая не дает ей уснуть, по двум признакам, которые она видела во сне: по черной розе на груди и по имени «Странник». Поручение это показалось мне детскою сказкой, но, зная, что в детских сказках больше правды, чем думают люди, я дал ей слово погибнуть, или исполнить ее поручение, полагая втайне, что иду на верную гибель, которая не страшила меня, ибо я ни на что больше не надеялся в жизни.

После этого госпожа моя заставила меня, как я ни просил меня отпустить, признаться в моей любви к ней. Когда я безмолвно склонил перед ней колени, мне показалось, что тень привета скользнула по ее прекрасному лицу. В эту минуту вошел граф с ключами от башни и, застав меня в комнате госпожи, решил, что я ухаживаю за ее придворной дамой. Госпожа не стала, конечно, отрицать этого, чтобы не навлечь на себя худших подозрений, так как гневу графа и без того не было пределов. Он унижал меня словами, которых я не стерпел бы, если бы могла в те дни исполниться мера моего унижения. Но унижение мое тогда было беспредельно, и, когда граф на моих глазах отослал свою супругу в Башню Неутешной Вдовы, я исполнился желанием помочь моей невольной и прекрасной предательнице и, смущенный сердцем, отправился на далекий север — с двойным поручением: от господина, который с того часа стал вовсе чужим моей душе, но которому я не мог и не хотел изменять, ибо измену, даже неправде, почитаю делом, недостойным рыцаря; и от госпожи, любовь и сострадание к которой давали мне силу продолжать путь, еще самому мне непонятный.

Я странствовал долго и уже собрал все сведения о войске графа Монфора, которое застал на Толозанской дороге, в Безье,

где оно занималось делом, позорным для христиан, избивая, по наущению папского легата, мирных жителей. Давно свернув с Толосанской дороги, я доехал до самого берега океана в той местности, которая носила некогда название Арморики, а ныне называется Бретанью. Кружа по берегу на усталом коне среди камней под хлопьями снега и под ветром, который хлестал мне в лицо, — я увидел внезапно странного рыцаря в лохмотьях; он затеял со мной ссору, из которой я легко вышел победителем, так как он был стар и слаб. После этого он позвал меня отдохнуть у себя в замке, и я охотно принял его предложение, так как конь мой устал и я начинал отчаиваться в моих долгих поисках. Рыцарь, оказавшийся сеньором Трауменека и назвавшийся Гаэтаном, рассказывал мне чудно и непонятно о подводном городе, а я, слушая его голос и смотря на его юношеское лицо и глаза, которые не утратили своего огня даже под тенью седин, убелявших его голову, — исполнялся странным предчувствием, чего со мной никогда не бывало. Иногда во время его рассказа, содержание которого мне было трудно уловить моим простым умом, мне казалось, что он послан мне в награду за что-то. Каково же было мое изумление и радость, когда он наконец явственно повторил слова песни, волновавшей мою госпожу, и признался, что он сам сочинил эту песню! Я радовался и тому, что нашел того, кого, казалось мне, не было и не могло быть на свете, и тому, что рыцарь этот стар и что госпожа моя лучше услышит из его уст его песню, не смущаясь низкой мужской красотой. Да простит мне господь это грешное чувство, но я не должен скрывать, что, хотя я никогда не помышлял о близости к госпоже, зная, что недостойн ее ни по положению моему, ни по возрасту, тем не менее радовался тайно тому, что она отстранила от себя юного Алискана, и тайно боялся красоты того нового рыцаря, которого она поручила мне отыскать.

Мне было не трудно уговорить Гаэтана отправиться со мной на юг, ибо он не имел почти никакого имущества в своем замке и был по природе своей истинным Странником. То, что на груди Гаэтана вместо черной розы был вышит выцветший крест, мало смущало меня, ибо говорят, что сны нельзя толковать дословно; более смущала меня непонятность его речей, которые я слушал от него всю дорогу. Особенно волновал меня напев о Радости-Страдании, который он повторял часто; порою речи его и песни, имевшие какой-то таинственный смысл, которого я никак не мог уловить, наводили на меня жуть, ибо мне начинало казаться, что передо мной нет человека, а есть только голос, зовущий неизвестно куда. Тогда, чтобы разогнать свой испуг, я должен был прикоснуться рукой к своему собеседнику, и, убедив-

пись таким образом, что это — не призрак, я бережно укладывал его спать и кормил хлебом, как старого младенца. Он же, нисколько не интересуясь тем, куда и зачем я его везу, — не замечая ни времени, ни мест, по которым мы проезжали, и не нуждаясь почти ни в пище, ни в питье, ни в сне, без которых нельзя жить человеку, — рассказывал мне свои сказки и пел песни. Меня одновременно увлекал его странный образ, в котором было какое-то обаяние нездешнее, и отталкивала его беспомощность, слабого подобия которой я никогда не встречал в нашем мире. Некоторые черты его возбуждали во мне даже негодование, которого я никак не умел побороть; особенно не мог я простить ему того, что он не мог запомнить имени моей госпожи и часто смешивал ее с какой-то Морганой, к рассказу о которой он возвращался часто.

Так, волнуемый противоположными чувствами и зарождавшимися во мне сомнениями, привез я старого Гаэтана в наш замок, где в это время томила в заточении моя госпожа.

Доложив графу о своих разведках и приведя его в доброе расположение духа мало говорящим известием, что Монфор находится на Толозанской дороге, я воспользовался этим, чтобы просить графа — освободить юную графиню, упомянул, что наступает май, который все празднуют в нашей округе, и что я привез с собой нового жонглера с новыми песнями. Граф обещал мне на радостях освободить Изору.

Когда наступила ночь, я, перед тем как отправиться на стражу, спрятал Гаэтана в розовых кустах, чтобы его никто не нашел. Ложась спать, он продолжал рассказывать сказки, еще раз назвал госпожу мою Морганой и, когда я спросил его наконец, где у него правда и где вымысел и может он объяснить мне, как может Странанье стать Радостью, он сослался только на свои песни.

Стоя в ту ночь на страже у ее пустого окна, я чувствовал какую-то особенную тревогу, и крайние сомнения стали терзать меня. Мне с ясностью представилось, что старик, которого я привез с собой и которому должен завтра принести одежду жонглера, чтобы он пел на празднике, где будет слушать его моя госпожа, наслал на нее какие-то туманные и страшные сны, от которых она томится, не находя исхода. Я подумал о том, что она была счастливее, когда предавалась невинным играм с молодым пажом, и стал молиться господа богу, прося его освободить от туманных образов пламенную грудь юной Изоры.

Наутро, когда я пришел будить Гаэтана, он бредил во сне, а на груди его лежала черная роза, непохожая на все те красные, которые цвели над ним. Грудь моя исполнилась несказанным волнением, и я спросил его, откуда у него этот цветок. Он ответил, что цветок, вероятно, упал с куста, и, в ответ на мою

просьбу, с легкостью отдал мне розу. Взяв благоговейно цветок и спрятав его на грудь, я не пытался проникнуть в чудо, посланное мне за мою усердную молитву, но почувствовал необыкновенный прилив сил. В тот час я понял ясно, что старый младенец более не опасен для прекрасной Изоры и что любовь моя стала выше и чище с той минуты, как роза стала моею.

Перед началом праздника я узнал о готовящемся нападении на замок и пытался предупредить графа, который не захотел, однако, меня слушать. Положившись на волю божию, я был свидетелем того, как Алискан был посвящен в рыцари, как Гаэтан пел свою песню, как Изора от волнения лишилась чувств, как старик скрылся куда-то и как потом Изора, очнувшись от обморока, обратила свои взоры на Алискана. В ту минуту, когда придворные дамы скрыли от моих глаз двух влюбленных, пришла весть о нападении, все бросились к оружию, и я, чувствуя розу на груди моей, пошел в бой.

Богу угодно было, чтобы среди небольшого отряда нападающих, сторонников графа Раймунда, оказался тот самый рыцарь с дельфином на гербе, который был причиной всех моих несчастий. Я вступил с ним в бой, бой длился недолго, и в ту минуту, когда этот рыцарь нанес мне жестокий удар мечом в грудь, где была спрятана роза, я повалил его на землю, хотя он был ростом с великана, и, наступив ему ногою на грудь, так же, как некогда он наступил мне, заставил его просить пощады. Тогда войска нападающих рассеялись, и я, оставив моему противнику жизнь, возвратился в замок. Граф, узнав о том, что я ранен, передал через дружественного мне рыцаря, что он на эту ночь освобождает меня от стражи, но госпожа моя, встретив меня благосклонно, приказала мне быть на страже эту ночь, чтобы во время ее свидания с Алисканом подать ей знак ударом меча, в случае опасности. Теперь я чувствую себя в руке божьей и, насколько хватит сил (ибо мои раны болят), буду стараться, чтобы никто в эту ночь не нарушил покоя юных влюбленных, помня, как добрый отец, что не страшны те, кто убивает тело, души же не может убить.

Май 1913

4. «РОЗА И КРЕСТ»

(К постановке в Художественном театре)

Первое, что я хочу подчеркнуть, это то, что «Роза и Крест» — не историческая драма. Дело не в том, что действие происходит в южной и северной провинции Франции в начале XIII сто-

летия, а в том, что помещичья жизнь и помещичьи нравы любого века и любого народа ничем не отличаются один от другого. Первые планы, чертежи драмы в тот период творчества, когда художник собирается в один нервный клубок, не позволяет себе разбрасываться, — все это было, так сказать, внеисторично. История и эпоха пришла на помощь только во второй период, когда художник позволяет себе осматриваться, вспоминать, замечать, когда он «распускает» себя.

Вот вкратце содержание и основная мысль драмы «Роза и Крест».

Есть песни, в которых звучит смутный зов к желанному и неизвестному. Можно совсем забыть слова этих песен, могут запомниться лишь несвязные отрывки слов; но самый напев все будет звучать в памяти, призывая и томя призывом.

Одну из таких туманных северных песен спел в южном французском замке заезжий жонглер. Песня говорила о том, что в мире повсюду беда и утраты и что рыцарь должен отметить грудь свою знаком креста, ибо «сердцу закон непреложный — Радость-Страданье одно»; эта песня с суровым припевом о море и о снеге запала в душу юной графини Изоры, жены владельца богатого замка, и в душу бедного рыцаря Бертрана, который верно служил графу, не получая наград за трудную службу, и тайно любил графиню Изору без надежды на взаимность.

Семнадцатилетняя Изора, дочь простой испанки, начитавшаяся романов, поняла песню о Радости-Страдании по-своему: «Радость — любить, страданье — не знать любви». Она затосковала и заболела, стараясь припомнить и понять зовущую песню. Причина ее болезни неизвестна ни старому глупому мужу, ни лстивому и развратному капеллану, ни доктору, ни придворной даме, ни молодому и красивому пошляку — пажу Алискану, с которым Изора еще недавно занималась от скуки легкими любовными играми.

Простой и здравый разум сидящего неудачника Бертрана не умеет постичь туманного смысла песни. Бертран слишком свыкся со страданием, чтобы поверить, что оно может стать Радостью; но сердце его слышит далекий зов, и оно твердит ему, что госпожа, которую он любит, томится этой самой песней.

В то время разгорается на юге Франции восстание альбигойцев, и папа снаряжает против них крестовый поход; войско его движется с севера на выручку сюзеренов Лангедока. Граф, который также боится нападения окрестных крестьян, посылает Бертрана разведать, близко ли папское войско. Изора, узнав, что Бертран отправляется на север, велит ему отыскать создателя непонятной песни по признакам, которые ей приснились, и привести его к ней.

Бертран не отказывается от сумасбродного поручения и решает исполнить его или погибнуть. Поэтому, разузнав все, что ему приказано, о войске папы, он пускается в дальний путь и дости-

гает пределов Бретани. Здесь, на пустынном берегу океана, судьба или случай сталкивают его с высоким худым рыцарем, в поношенной одежде, с вышитым крестом на груди. В причудливых рассказах этого старого ребенка, которого зовут Газтаном, простой ум Бертрана не может различить правды от вымысла; но, вслушиваясь в рассказы, Бертран исполняется странным предчувствием; сам себе плохо веря, он узнает понемногу в странном старике создателя туманной песни, и с торжеством увозит его с собой.

На празднестве, устроенном в первый весенний день, Газтан должен выступить после других жонглеров и спеть свою песню; но, взволнованная ожиданием, графиня Изора ждала прекрасного юного певца и не признает его в призрачном старике. Только голос, слышанный ею во сне, потрясает ее так, что она лишается чувств. Придя в себя, она видит, что старик исчез, а рядом с ней влюбленный в нее красивый и молодой Алискан. Тогда все недавнее томление начинает казаться ей сном.

Празднество прервано нападением врагов. Бертран бросается в бой, обращает врагов в бегство и смертельно ранен. Изора, не зная о ране и видя в Бертрane единственного преданного слугу, просит его стать ночью на страже у окна, пока у нее будет Алискан, а в случае опасности, подать знак ударом меча о камень.

Бертран, помогая Алискану взобраться в окно госпожи, встает на стражу у окна счастливых любовников. Истекая кровью, он постигает наконец, как Страдание может стать Радостью. В ту минуту, когда Изоре грозит опасность быть застигнутой ревнивым мужем, умирающий Бертран роняет меч на каменные плиты двора. Алискан, услышав звон меча, успевает бежать. Изора, никогда не обращавшая внимания на бедного рыцаря, увидав его мертвым, плачет.

Такова основа драмы «Роза и Крест». Она есть, во-первых, драма человека, Бертрана; он — не герой, но разум и сердце драмы; бедный разум искал примирения Розы никогда не испытанной Радости с Крестом привычного Страдания. Сердце, прошедшее долгий путь испытаний и любви, нашло это примирение лишь в минуту смерти, так что *весь* жизненный путь бедного рыцаря представлен в драме.

«Роза и Крест» есть, во-вторых, драма Изоры, хотя в ней представлена лишь часть ее пути, дальнейшая же судьба неразумной мечтательницы, сердце которой чисто, потому что юно и страстно, — неизвестна. Изора еще слишком молода для того, чтобы оценить преданную, *человеческую* только любовь, которая охраняет незаметно и никуда не зовет. Изора прислушивается к нечеловеческим зовам, которые влекут ее на противоположные пути. Если Газтан — не человек, призрак и как бы *чистый* зов, певец, сам не знающий, о чем поет, то и Алискан — не человек, а красивое животное, которое слишком знает, куда зовет.

Естественно, что молодая и красивая женщина предпочла живое — призрачному; было бы странно, если бы темная и страстная испанка забыла южное солнце для северного тумана, но судьба Изоры еще не свершилась, о чем говорят ее слезы над трупом Бертрана. Может быть, они случайны, и она скоро забудет о них; может быть, и она приблизилась к пониманию Радости-Страдания; может быть, наконец, ее судьба совсем не сходна с судьбою человека, который любил ее христианской любовью и умер за нее как христианин, открыв для нее своей смертью новые пути.

25 мая 1915

5. <ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ>

Выяснить, чем я могу быть полезным при постановке «Розы и Креста».

Одним из главных моих «вдохновений» была *честность*, т. е. желание не провалиться «мистически». Так, чтобы все можно было объяснить *психологически*, «просто». События идут как в жизни, и если они приобретают *иной* смысл, символический, значит, я сумел углубиться в них. Я ничего не насиловал, не вводил никаких неизвестных.

Надо ли объяснять, почему часть написана в стихах и почему драма приурочена к XIII столетию и к французской жизни. Второе имеет и чисто внешние причины (Глазунов).

Надо придерживаться истории, зная, однако, все время, что действующие лица — «современные» люди, их трагедия — и наша трагедия.

Надо ли написать характеристики действующих лиц?

Объяснять ли *труднейшее*: как роза попала на грудь Газтана, почему, что от этого произошло с Бертраном, почему «исчез» Газтан и т. д.?

Трудность изложения пьесы (все запутано, как в действительности). «Преображение» Бертрана.

Надо ли что-нибудь переделать для театра?

Верность истории. «Латы» — романтика, что делать с этим? (в «Трех сестрах» — военная музыка, которой нет в артиллерии).

Распределение ролей. Самая трудная — Газтан (Бертран, Изора и Алискан, по-моему, — благодарные).

Декорации. Моя мысль о том, что, ввиду краткости сцен, они не должны быть богаты подробностями, но главное должно сразу бросаться в глаза (например — яркость «розовой заросли», древность корявой яблони на фоне очень толстой стены). «Квадратность» всего уклада жизни в замке и квадратность его коренных обитателей — всех, кроме главных действующих лиц.

Мои примечания.

Экземпляры «Розы и Креста».

Все душевные состояния людей, даже толстокожих и нечутких, имеют много причин, среди которых есть всегда неуловимые, действующие бессознательно. Например, томление Изоры происходит от неудовлетворенности мужем и Алисканом (вначале), от несбыточных мечтаний, от чтения романов и т. д. А *кроме того* — все от той же «квадратности» всего уклада жизни, которая, напротив, свойственна Графу, и он был бы ею совершенно доволен, если бы ему не мешали, в свою очередь, другие обстоятельства.

Мой Шекспир.

Соловьи должны петь, розы должны быть огромные, южные, у Капеллана и повара должно быть толстое брюхо.

Появление призрака в лунном луче — очень красиво; более красиво, чем страшно.

Некоторые аллитерации: «Бились вы, как храбрый воин» (значение их).

Прочсть ли *мне* пьесу вслух в Москве?

Прошлое Бертрана. Будущее Изоры.

Песни. Музыка? *Не* Гнесин (или — хоть не его Газтан).

Мой Вагнер.

Кони в конце 2-го акта. О, если бы они были!

ВЫСОКОЕ.

ДЕКОРАЦИИ

(19 сцен, 10 декораций)

Дверь замка — I,1, III,6, IV,5.

Переход в замке — I,2, IV,4.

Покои Изоры — I,3,5.

Покои Графа — I,4, III,1.

Берег океана — II,1,3 (разные?).

Дверь Трауменека — II,2.

Кухня замка — III,2.

Башня Неутешной Вдовы — III,3,5.

Розовая заросль — III,4, IV,2.

Цветущий луг — IV,1,3.

Бертран — Массалитинов (Леонидов?).

Газтан — Качалов.

Изора — Гзовская.

Алиса — ? (Книппер!)

Граф — Вишневецкий?

Капеллан — Лужский.

Алискан — ?

Доктор — ?

Рыбак — ?¹

Я должен в конце марта быть в Москве. — Буду 29-го.
Владимир Иванович смотрит как на расширение театра.

Mindron. Les armes. (Bibliothèque de renseignement des beaux arts).

Психология действующих лиц — вечная, все эти комбинации могут возникнуть во все века.

Почему же я остановился именно на XIII веке? (кроме внешних причин).

Потому что современная жизнь очень пестрит у меня в глазах и слитно звучит в ушах. Значит, я еще не созрел для изображения современной жизни, а может быть, и никогда не созрею, потому что не владею еще этим современным языком. Мне нужен сжатый язык, почти поговорочный в прозе, или — стихотворный.

Отчетливо помню, как возникали у меня некоторые представления, иногда — целые фразы.

Уходит человек или целая группа людей — и остается *воспоминание*. Это — вовсе не память о их делах, творениях, подвигах, а совсем другое — потребное только для художника. Я говорю об этом именно — художническом — анамнесисе.² <...>

О сатире, об отрицательных типах и прочем — пусть говорит критика. Мы же, художники, любим вещество, мы эмоциональны, как принято о нас выражаться, любим мы все то, что хотим изобразить. Грибоедов любил Фамусова, Гоголь — Чичикова, Пушкин — Скупого, Шекспир — Фальстафа. А я люблю всех *terre à terre*'ов* «Розы и Креста», всех ее обывателей.

Дело уже не в том, символисты мы или натуралисты, так как подлинный натуралист — символичен (Зола, Художественный театр), символист — натурален.

Жизнь феодального замка была, разумеется, всегда одинакова, особенно в то время. Время — между двух огней, вроде времени от 1906 по 1914 год. Крестовые походы совершенно вышли из моды, раздували их папа и авантюристы, а у молодых людей появились длинные, почти женственные одежды, т. е. они изнежились внешне (вследствие внутреннего огрубения и одичания — вроде наших декадентов).

* Низменных, пошлых персонажей (*фр.*). — Ред.

Граф Арчимбаут охотился, очевидно заезжал далеко, и странствовал. Попал в Толозанские Муки, где ему приглянулась хорошенькая швейка Изора. Очевидно, она сразу не хотела выходить замуж, уговорила ее мать, а сама она, будучи девушкой сметливой («демократка»), поняла, что быть графиней выгоднее, чем быть швейкой. Мужа она, я думаю, знала, но, во-первых, для южанки это проще и незаметнее, чем для северной русской девушки, а главное — темпераменты были совершенно несходные, все вышло скучно, без медовых месяцев. Граф Арчимбаут тоже скоро освободился от влюбленности и забоялся, главное, о том, чтобы не страдала его честь, а на остальное смотрел сквозь пальцы. Изора веселилась так, как было принято в то время, ближайшей поверенной (наперсницей) ее была Алиса (demoiselle), а флиртовала она слегка с Алисканом.

Алиса была глубочайшей кофейницей, плебейкой (а не демократкой, как Изора). Постарше своей семнадцатилетней госпожи — смазливая, на всех похожая; Изора — продувная и капризная, Алиса — осторожная и ничем не брезгующая: старый Капеллан, так Капеллан, если нельзя получить Алискана, молодого пажа. На мужчин напирает сразу, и «многие одобряют». Весьма...*

...Бертран и яблоня (Рыцарь под цветущей яблоней — «Flamensa»³). Привычное место, всегдашнее, его «мир». Весь монолог — печальный удар гонга. Шелестенье постылой жизни начинается со словами Алисы и продолжается во второй сцене всюю. Резкая противоположность первой и второй сцены.

Третья сцена. Сразу вступает нота Изоры (чем-то отвечающая первой ноте — Бертрану). Кругом — шорох (доктор, Алиса, Алискан). Доходя до звона в последних словах Изоры (вскрик ее: «Нет, теперь все постыло» — пытается разбить атмосферу), сцена шестью репликами сходит на нет.

Четвертая сцена. Сразу — нота Графа и Капеллана, — подыгрывает в миноре. Граф вообще шумит. Все сцены с ним проходят на фоне его поддельно властного голоса и вида. Сцена оканчивается его выходом из себя.

Пятая сцена. Изора очень возбуждена. Называя ее болезнь «зимней скукой», Алиса подло, наполовину, по-обывательски права. Суматоха после ухода Капеллана. Бертран — как соломинка, за которую хватается утопающий. Находчивость Изоры, ее стремительная сообразительность, сметливость (демократка). Ужас Алисы и ее вранье при входе Графа. Он на шумел и ушел. Последние слова Бертрана окончательно показывают, что он не отступит и что его драма началась.

* Далее в рукописи утрачен по меньшей мере один лист, то есть две страницы. — Ред.

Первая сцена — начало и конец, и третья сцена — немолчный шум океана, удары волн и попеременно с ними — людские голоса.

Вначале — снег и ветер. Бертран мелькает на коне — за камнями. Газтан и рыбак переключаются сначала совершенно по-птичьи, как какие-то приморские существа, потом — притихшее море позволяет им поговорить ненадолго по-человечески. К возвращению Бертрана шум океана возобновляется.

8—14 марта 1916

6. <КОНСПЕКТ БЕСЕДЫ С ТРУПНОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕАТРА>

Первое, что я хочу подчеркнуть, — это то, что «Роза и Крест» — не историческая драма. Вовсе не эпоха, не события французской жизни начала XIII столетия, не стиль — стояли у меня на первом плане, когда я писал драму. По многим причинам, среди которых были даже и чисто внешние, я выбрал именно эту эпоху. Первые схемы, чертежи, контуры, соотношения, словом — все то, что художник делает напряженно, лихорадочно, экономя время, собираясь весь в один нервный клубок, — все это было, так сказать, внеисторично. Только в следующей стадии, когда художник освобождается, так сказать развязывает себя, дает себе волю смотреть по сторонам, дает крови своей течь свободно, присматриваться, прислушиваться, вспоминать, выбирать, — пришла на помощь эпоха.

Итак, дело не в том, что действие происходит в 1208 году в южной и северной Франции, а в том, что жизнь западных феодалов, своеобразная в нравах, красках, подробностях, ритмом своим ничем не отличалась от помещичьей жизни любой страны и любого века.

На холме, окруженном бедными хижинами, стоит грубая, толсто-стенная громада — феодальный замок, окруженный серыми стенами, рвом, над которым кинут цепной мост, с башнями, бойницами, узкими окнами. На окрестных холмах — такие же поместья, вокруг — те же хижинки. Шесть месяцев зимы проходят в однообразии и скуке, остальное время — в пирах, турнирах, охотах, празднествах, в которых принимают главное участие приезжие жонглеры и менестрели.

В замке живет хозяин с семьей, двором, прихлебателями, челядью

и т. д. Если он женат, — дети его воспитываются в другом таком же замке, готовясь к посвящению в рыцари.

Совершенно таков же простой, давно установившийся, уклад жизни графа Арчимбаута, человека знатного рода; вероятно, в роду его были настоящие крестоносцы, и в его грубом облике, облике квадратном и тяжелом, как самый дом, в котором он живет, и в его речи, довольно широкой и высокопарной, когда он сохраняет самообладание, и рычашей, когда он его теряет, — сквозят все же аристократические черты. Живет он в то время, когда всякая мода на крестовые походы и на всякий героизм — прошла безвозвратно, и оттого жизнь его особенно однообразна. Привычные звуки этой жизни — собачий лай, лошадиное ржание, скрип цепей на мосту, дребезжание посуды на кухне; и голоса всех местных жителей — немножко похожи на все эти звуки. Лучи солнца ярки, трава зелена и жирна, розы красны и огромны — и все это только еще больше подчеркивает квадратность всего уклада, сонную животность его.

Самый близкий к Арчимбауту человек — Капеллан, потому что он все умеет пронюхать и обо всем донести, а вместе с тем, когда нужно, успокоить; [близок, разумеется, также и повар, потому что готовит кушанье, но повар все-таки зависит от капеллана.]* Доктор занимает довольно униженное положение, потому что все всегда, в сущности, здоровы и доктор содержится для штату.

В одно из своих странствий Граф заехал в Пиренеи и попал в маленькое местечко, называвшееся «Толозанские Мук». Здесь пленила его дочь простой швеи Изора, и он, наскучив холостой жизнью, решил на ней жениться.

Изора сразу не хотела выходить за графа, уговорила ее мать, и сама она, будучи девушкой сметливой и далеко не трусливой, решила, что не стоит гнушаться графским титулом. Она перескакала в замок и стала женой Арчимбаута, но ни взаимной любви, ни даже привязанности из этого не вышло.

Изора — смуглая, быстрая, хищная, жадная, капризная. Она не плебейка, но демократка. Все ее движения быстры, их угловатость смягчается природной грацией. Грация эта в ней именно — от природы, а не от породы. Она умва, находчива, в ней много здравого смысла и даже — грубости, которая опять-таки смягчается только обаянием ее женственного облика. Женщина она до мозга костей, и этим, конечно, ограничен диапазон ее движений, поступков, поз, мыслей; несмотря на широту ее размаха, она всегда обречена бросаться от ястребиной зоркости в кошачью мягкость. Мы застаем ее уже женщиной, а не девушкой, это смягчило в ней последние углы,

* Взятые в прямые скобки были Блоком позднее вычеркнуты. — Ред.

сделало ее всю расцветшей, *налившейся*, как сказал Флобер про одну из своих героинь. В Изоре так много звериного, темного, что все то новое, что неудержимо плывет на нее, что, помимо воли, ее бушует, — потрясает ее всю, даже физически, бросает ей кровь в щеки, доводит до припадков гнева, ярости, до обмороков. Но при всем этом, Изора — такой тонкий и благородный инструмент и создана из такого беспримесно-чистого и восприимчивого металла, что самый отдаленный зов отзывается в ней. — Из всех обывателей замка Изора одна — чужая, приезжая, и потому — без всякой квадратности.

Конечно, такая женщина не могла привязаться к старому и неуклюжему мужлану, каким был граф Арчимбаут. И он, когда первое увлечение прошло, нашел жену свою слишком беспокойной и предоставил ей полную свободу, заботясь только об одном: чтобы не пострадала его честь, а на остальное смотрел сквозь пальцы; для надзора за женой граф приставил к Изоре — Алису, которая стала ее наперсницей, за неимением лучшей.

Алиса, в противоположность Изоре, — глубочайшая плебейка, кофейница, как теперь бы сказали мы. Постарше своей семнадцатилетней госпожи, смазливая; она — осторожная, ничем не брезгует: старый капеллан, так капеллан, если нельзя залучить молодого Алискана.

Алискан состоит при Изоре в качестве пажа. Этот молодой человек с пушком на губе очень красив собой, строен, гибок и изящен. Он — сын богатых помещиков, дружественных Арчимбауту и отдавших своего сына на воспитание в его замок. Ходит с лютней, мечтательно рассеянный (когда ему неинтересно), говорит жирным голосом. Впоследствии он будет, в сущности, таким же Арчимбаутом, но с тою разницей, что у старого графа еще сохранились кое-какие обрывки понятий о родовой чести, а у этого — ничего нет, кроме изнеженности, свойственной молодым людям его поколения. Все дело спасает только молодость и животная красота. Алискан, разумеется, понимает, что Изора свободна и «плохо лежит», а Изоре нравится чернокудрый Алискан, и, конечно, они давно бы стали любовниками, если бы не помешала этому все развивающаяся «меланхолия» Изоры. Алискан, однако, не теряет надежды, но действует не торопясь и наверняка. Хотя Алискан и присезжий, но все упомянутые качества вполне способствуют его приспособлению к укладу жизни, он, в сущности, тоже — квадратный, при всей своей «мечтательности», и из рамок квадратности не выходит.

Теперь нам надо сказать несколько слов о последнем обитателе замка, который играет для нас главную роль. Это — бедный рыцарь Бертран. Он сам рассказывает свою биографию во II акте «Розы и Креста».

Захудалого рыцаря Бертрана заставили сторожить замок и ис-

ползать самую трудную и черную работу. Он безропотно исполняет все, будучи верным слугой.

Бертран, что называется, тяжелый человек; он и неповоротлив, и неуклюж, и некрасив лицом. Лет ему за сорок, в черных волосах пробивается седина, лицо обветренное, огрубевшее. Мы его застаем в самую трудную для него минуту — когда плечи его горбит безысходная тяжесть. Он неумолимо честен, трудно честен, а с такой честностью жить на свете почти невозможно, и все окружающие, пользуясь этой честностью на все лады, над ней же издеваются и ее же считают дурацкой.

Бертран скрывает под своей непривлекательной внешностью нежное сердце и любит все то, чего никто не любит и не умеет любить так, как он.

Он любит прежде всего Изору, полюбил ее с одного взгляда, понял о ней сразу все, что никому не приходило в голову, и ей самой в том числе; что она среди других — особенная, что в ней много детского, что ее капризы таят в себе настоящую волю, которая способна сломать много преград. Изора — для Бертрана — все, что есть светлого на земле; когда она страдает — страдает и он.

Изоре, конечно, нет дела до бедного сторожа, но ей, как всем женщинам, не лишнее — и его любовь, которую она прекрасно чувствует, хотя он ее до сих пор не проявлял никогда и ничем. Она способна иногда от скуки кивнуть ему из окна, подразнить его, пробежать мимо него по двору, кокетливо приподнимая платье от вечерней росы.

Бертран любит свою родину, притом в том образе, в каком только и можно любить всякую родину, когда ее действительно любишь. То есть, говоря по-нашему, он не националист, но он француз, для него существует *ma dame France*,* которая жива только в мечте, ибо в его время объединение Франции еще не совершилось, хотя близость ее объединения он предчувствовал. От этой любви к родине и любви к будущему — двух любей, неразрывно связанных, всегда предполагающих ту или другую долю священной ненависти к настоящему своей родины, — никогда и никто не получал никаких выгод. Ничего, кроме горя и труда, такая любовь не приносит и Бертрону.

И наконец — Бертран — слуга, служба и долг глубоко вошли в его жизнь. В этом чувстве нет ни тени лакейства; но он действительно и искренно защищает своих хозяев, действительно считает долгом сносить от них все зло, которое они ему причиняют, и защищать их от тех, с кем бы он был сам, при других условиях; так как он — сын тулузского ткача и в жилах его течет народная кровь, кровь еретика, [альбгойца] кафара.

* Моя госпожа Франция (*фр.*). — *Ред.*

Прибавим к этому еще, что Бертран по природе страстен, у него южный сангвинический темперамент. Это — единственный человек из здешних, из местных, у которого — квадратная внешность и не квадратная душа. Нужна большая сила событий для того, чтобы повернуть этого неуклюжего, тяжелого, обиженного человека, для того, чтобы он изменился даже внешне так, как он изменяется к концу драмы.

Таково положение, в котором мы находим действующих лиц перед началом драмы.

Вся эта жизнь так и шла бы без особых перемен, если бы не вступило в нее некое новое начало, сначала — в виде «мечты», воспоминаний (о голосе, о словах), предчувствий, а потом и в виде лица, которое, однако, не действует самостоятельно. Ему суждено только дать последний толчок к разрешению драмы и выйти из нее так же незаметно, как оно вошло в нее.*

Каков же Газтан?

Газтан есть прежде всего некая сила, действующая помимо своей воли. Это — зов, голос, песня. Это — художник. За его человеческим обликом скрывает все время нечто другое, он, так сказать, прозрачен, и даже внешность его — немного призрачна. Весь он — серо-синий, шатаемый ветром.

Про рост его ничего нельзя сказать — бывают такие люди, о которых мало сказать, что они высокого роста. Лицо — немного иконописное, я бы сказал — отвлеченное. Кудри седые, при лунном свете их легко принять за юношеские льняные кудри, чему помогают большие синие глаза, вечно юные; — не глаза, а очи, не волосы, а кудри, не рот, а уста, из которых исходит необыкновенно музыкальный и гибкий голос.

Газтан сам ничего не знает, он ничему не служит, ни с чем в мире не связан, воли не имеет. Он — *instrumentum Dei*, орудие судьбы, странник, с выцветшим крестом на груди, с крестом, которого сразу и не заметишь. Это именно — ξένος — странный чужеземец.

Ξένος — чужеродное начало — проявляет свою деятельность задолго до поднятия занавеса; может быть, год, может быть, два года — Изора томилась, сама себе не отдавая отчета, а влюбленный в нее Бертран, сторож замка, ходил по двору и останавливался на своем привычном месте под окном беспокойно спящей Изоры, под старой яблоней, на которую сам стал похож, которой он поверял все свои тайные мучения — старые обиды, ежедневные насмешки, собственное уродство, может быть, даже тайные мучения ревности,

* Это лицо и начало лучше всего определить словом ξένος, что значит по-гречески — чужестранный, необыкновенный и странный, пришлец («ксенос», ξένος).

в которых сам себе боялся признаться. Все это составляет, так сказать, увертюру драмы.

Но вот — чужеродное начало начинает явственно внедряться в жизнь, оказывает на нее ощутительное давление. Изора тоскует чуть ли не смертельно, так что пришлось позвать доктора, советаться с духовником.

Бертрана подминающийся занавес застигает, разумеется, все на том же месте двора, на 1001-м рассвете, в минуту, когда он мучительно припоминает слова и напев — который раз! — и все не может припомнить «ее любимой песни».

Что происходит в жизни, когда в нее вторгается непрощенный, неожиданный гость? В ней начинается брожение, беспокойство, движение. Можно изобразить это симфонически: раздается длинный печальный, неизвестно откуда идущий, звенящий звон; в ответ — многообразие сонных шорохов, стуков, шумов. Первый монолог Бертрана играет роль этого длинного печального звука; слова Алисы спросонья, потом — шепот в переходах замка во второй сцене — первый сонный, смешанный ответный гул жизни.

Неизвестное приближается, и приближение его чувствуют бессознательно все. Тут-то и проявляются люди, тут-то и выявляются их истинное лицо. Те, кто не только не ждет, но и не хочет нового, кто хочет прежде всего, чтобы все осталось по-старому, — начинают проявлять свое сопротивление способами, которые присущи каждому из них. Граф суетится, боится, ревнует; Капеллан шипит, ябедничает; вульгарность Алисы, служащей десяти господам, достигает особого безобразия.

Те, кто жаждет перемены и ждет чего-то, начинают искать пути, нащупывать линии того движения, которое скоро захватит их и повлечет неудержимо к предназначенной цели. Так как ни Изора, ни Бертран не знают, что должно произойти, и души их бродят ощупью, — их тревога сказывается прежде всего в невыразимой тоске. Вероятно, особенно напряженно тосковал Бертран в ночь накануне решительного для него дня; а Изора в ту ночь рвала зубами наволочки и рубашку на плече, когда ей приснился сон, который сама она капризно и властно окрестила вещим, не ведая о том, что сон этот был действительно пророческим и что он помимо ее воли предрешил судьбу ее упрямой, своевольной и страстной души.

Новое никогда не приходит одно, без свиты; и вот, на хозяина замка сразу обрушивается несколько бед: вместе с непонятной болезнью жены и с подозрениями — не изменила ли она ему, — угроза того полу-крестьянского, полу-рабочего движения, которое разгорается все ярче, угрожает непосредственно усадьбе Арчимбаута, увлекло даже некоторых из его соседей, с которыми он, вероятно, еще недавно по-помещичьи благодушно бражничал и охотился; охотился иногда,

который сыграл окончательно свою роль, успев бежать от скандала и истязания. Тут гаснет и свет Бертрана, и одна *Изора* остается на полпути, над трупом Бертрана, окруженная зверями и призраками, с крестом, неожиданно для нее, помимо воли, ей сужденным.

Март 1916

III. «ПРАМАТЕРЬ»

〈ИЗ СТАТЬИ «ОБ ОДНОЙ СТАРИННОЙ ПЬЕСЕ»〉

Пьеса, о которой я буду говорить и которая скоро появится в русском переводе, а потом пойдет на русской сцене, по времени написания (1817 год) непосредственно предшествует «Сафо». Следовательно, ей уже девяносто лет.

Она носит очень странное заглавие: «Праматерь» (*Die Ahnfrau*). Содержание этой пятиактной трагедии — следующее:

Действие происходит в родовом замке графа Боротин и открывается в тот момент, когда престарелый граф, потомок знатного рода, живущий в замке со своею единственной дочерью, получил известие о кончине своего дальнего родича. Со смертью его граф остается единственным в роде. Сын его погиб еще трехлетним мальчиком, утонув в пруде, его супруга давно умерла, и знаменитый древний род, таким образом, должен прекратиться. Но единственная дочь графа, Берта, полюбила юного Яромира, который спас ее жизнь от разбойников, живущих в соседних лесах. Узнав об этом, граф видит единственный исход в союзе своей любимой дочери с Яромиром, который, как говорит Берта, хотя и беден, но принадлежит тоже к знатному и древнему роду. Счастливый случай приводит Яромира в графский замок, и растроганный отец благословляет его союз с Бертой.

Но над родом и замком Боротин тяготеет древнее проклятие. Несколько сот лет назад Праматерь дома Боротин, такая же прекрасная, как дочь графа, совершенно похожая на нее лицом и станом, именуемая также Бертой, изменила своему супругу, была застигнута им на месте преступления и заколота кинжалом. С тех пор тень ее осуждена бродить по мрачным залам и коридорам замка и тревожить живых до тех пор, пока не вымрет весь род, зачатый ею во грехе и проклятии. Старый граф не верит этому преданию, которое со страхом и трепетом рассказывает ему старый слуга, но скоро сами обстоятельства заставляют поверить и мужественного графа.

В длинном ряде ночных сцен, следующих за поселением счастливого жениха в мрачном замке и протекающих при тусклом свете свечей, неспособном разогнать окружающей тьмы и ужасов снежной

бури, голосащей за окнами в полях и лесах, — выясняется, что гибель дома Боротин неизбежна, что дух мертвой Праматери не успокоится, пока не погибнет последний отпрыск ее грешного рода. Действие внешних и внутренних сил, ведущих к гибели, развивается постепенно и параллельно.

С одной стороны, тень умершей красавицы появляется беспрестанно. Отец принимает ее за дочь, жених за невесту, так как Праматерь отличается от юной дочери графа только волнующимся покрывалом, сквозь которое сквозят черты и стан Берты.

С другой стороны, постепенно выясняется, что жених Берты, Яромир, — предводитель той самой шайки разбойников, с которой издавна борется граф Боротин. Когда же Яромир, преследуемый и вынужденный к бегству, скрывается из замка, назначив Берте свидание в старинном склепе ее предков, старый разбойник, пойманный солдатами короля, сознается графу, что Яромир, которого он выдавал за своего сына, не его сын, что он и есть мнимо умерший сын графа, украденный и воспитанный разбойниками. Граф, пораженный страшной вестью и раненный к тому же разбойниками, которых он только что преследовал, умирает. Нежная Берта не в силах перенести утраты жениха и отца и сходит с ума.

Яромир, ничего не знающий ни о своем происхождении, ни о проклятии, тяготеющем над родом, приходит на свидание ночью в склеп. На зов его из могилы выходит сама Праматерь. В последний раз приняв ее за невесту, Яромир бросается в ее мертвые объятия и падает бездыханным.

Так кончается всеобщей гибелью эта печальная трагедия. Только Праматерь, успокоенная, мирно засыпает в своей гробнице, ибо цель ее достигнута, род ее стерт с лица земли, и она может уснуть спокойно.

Я не рассказал всех перипетий этой необыкновенно сложной пьесы, но и сказанное дает представление о ее мрачном романтическом характере. «Праматерь» написана в эпоху «политической реакции» 1815—1848 гг., в те печальные и тусклые времена, которые во многих чертах напоминают наше страшное и угнетающее безвременье.

За романтической бутафорией, которой щедро украшена юношеская трагедия Грильпарцера, не сразу можно почувствовать ее таинственный внутренний смысл.

Июль 1908

ПРИМЕЧАНИЯ

ДРАМАТИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

БАЛАГАНЧИК

Первая лирическая драма Блока была написана в январе 1906 г. по инициативе Г. И. Чулкова, который предложил Блоку «развить» в драматическое представление его стих. «Балаганчик», написанное в июле 1905 г. (см. т. 1 наст. изд., № 614).

Значительный интерес представляет первоначальный набросок, выявляющий тему будущей пьесы и в черновике предвещающий самый текст произведения (см. Собр. соч., т. 4, 1961, с. 425–427).

Пьеса предназначалась для задуманного Г. И. Чулковым, сообща с В. Э. Мейерхольдом, нового по духу и по формам театра «Факелы». Предприятие это не осуществилось, и в апреле 1906 г. «Балаганчик» (с подзаголовком: «Лирические сцены») был опубликован в собранном тем же Г. И. Чулковым первом выпуске альманаха «Факелы».

В дальнейшем «Балаганчик» вошел в сборник Блока «Лирические драмы» (1908) и в оба издания его сборника «Театр» (1916 и 1918). Посвящение В. Э. Мейерхольду появилось в издании 1916 г.

Впервые «Балаганчик» был поставлен в Петербурге, в обновленном театре В. Ф. Коммиссаржевской — безусловно по инициативе В. Э. Мейерхольда, приглашенного в театр главным режиссером. Премьера состоялась 30 декабря 1906 г. (в один вечер с пьесой М. Метерлинка «Чудо святого Антония»). Спектакль шел в постановке В. Э. Мейерхольда (он же играл Пьеро), в оформлении Н. Н. Сапунова и в сопровождении музыки, специально написанной на этот случай поэтом и композитором М. А. Кузминым.

Блок проявил к спектаклю живейший интерес. После предгенеральной репетиции он высказался о существе своего замысла и об его сценическом осуществлении в пространном письме к В. Э. Мейерхольду от 22 декабря 1906 г. (см. т. 6 наст. изд.). Вскоре он назвал в печати постановку Мейерхольда «идеальной» (см. с. 384 наст. тома), хотя допускал и совершенно другое театральное оформление своих «лирических сцен» (см. письмо к В. Я. Брюсову от 13 января 1907 г. — т. 6 наст. изд.).

Сам Мейерхольд впоследствии рассказал об идее и приемах этой своей постановки, которая явилась на его творческом пути поворотной и в известной мере решающей, в книге «О театре» (СПб., 1913, с. 171—172 и 198).

Демонстративно новаторский спектакль произвел сильное впечатление в литературно-театральной среде и вызвал многочисленные отклики в общей прессе (по преимуществу характера издевательского). В публике мнения о пьесе и спектакле резко разделились. Вот свидетельство человека, побывавшего на первом представлении: «Я никогда, ни до, ни после, не наблюдал такой непримиримой оппозиции и такого восторга поклонников в зрительном зале театра. Неистовый свист врагов и гром дружеских аплодисментов смешались с криками и воплями» («Культура театра», 1921, № 7/8, с. 20).

Спектакль был возобновлен в следующем сезоне и в августе — сентябре 1907 г. показан в Москве (во время гастрольной поездки театра), вызвав такие же шумные и разноречивые отклики. Несколько позже его играли в Минске, а весной и летом 1908 г. — в западных и южных городах России (Витебск, Минск — вторично, Могилев, Смоленск, Киев, Николаев, Херсон, Полтава, Екатеринослав, Харьков, Грозный, Боржом), силами гастрольной труппы В. Э. Мейерхольда, со значительными переменами против первой постановки.

Вторично при жизни Блока «Балаганчик» был показан в апреле 1914 г. молодыми актерами студии В. Э. Мейерхольда, в его постановке и в оформлении Ю. М. Бонди в Тенишевском зале (Петербург), в один вечер с впервые поставленной «Незнакомкой». Описание этого спектакля — в журнале «Любовь к трем апельсинам» (1914, № 4/5). Блок присутствовал на премьере и еще на двух или трех представлениях.

В декабре 1915 и в марте 1916 г. «Балаганчик» был поставлен известным в свое время режиссером Ж. Питовым (грузином по происхождению, с 1915 г. работавшим в Швейцарии и Франции), — спектакли состоялись в Женеве. Довольно многочисленные постановки, осуществленные уже после смерти Блока (преимущественно за рубежом), здесь не учитываются.

КОРОЛЬ НА ПЛОЩАДИ

Над своей второй лирической драмой Блок работал летом и осенью 1906 г. Известны три редакции этой драмы. Первая, помеченная в рукописи: «В прозе и вчерне кончено 3 августа 1906 г.», опубликована в Собрании сочинений (т. 6, 1933, с. 277—298). Отдельные сцены этого черновика были выделены в самостоятельное

произведение — «Диалог о любви, поэзии и государственной службе».

Осенью 1906 г. Блок коренным образом переработал черновик, переложив некоторые сцены в стихи. Эта новая редакция, помеченная в рукописи: «Второй вариант, окончен 10 октября», была напечатана в журнале «Золотое руно» (1907, № 4) и без изменений вошла в сборник Блока «Лирические драмы» (1908). Третьей и последней, еще раз значительно переработанной редакцией является текст сборника «Театр» (1916 и 1918).

Блок указал, что в «Короле на площади» получила развитие тема его неоконченной поэмы «Ее прибытие» (т. 1 наст. изд., № 694—700), написанной в ноябре—декабре 1904 г.: то же трепетное ожидание надвигающихся революционных перемен и то же горькое сознание «несбывшихся надежд». В черновике пьесы встречаются пометы такого рода: «Нечто из теперешних газет. Застой, ужас белого дня, реакция, муть».

Сам Блок, впоследствии и охарактеризовав «Короля на площади» как «петербургскую мистику», с самого начала относился к этому своему творению сдержанно (см. письмо его к В. Я. Брюсову от 17 октября 1906 г. — т. 6 наст. изд.), а в 1915 г., обдумывая план сборника «Театр», назвал «Короля» — «весьма сомнительным».

Пьеса намечалась к постановке в театре В. Ф. Коммиссаржевской в сезон 1906—1907 г. (в начале октября 1906 г. Блок с большим успехом прочитал ее труппе; ставить собирался В. Э. Мейерхольд), но подверглась цензурному запрещению.

Других попыток сценического воплощения «Короля на площади» не предпринималось до августа 1918 г., когда он беспоследственно готовился в Театре Петроградской трудовой коммуны (постановка Ф. Ф. Коммиссаржевского, в декорациях Ю. П. Анненкова).

В 1923 г. В. Э. Мейерхольд приступил в Театре Революции к монтажке блокковского спектакля, состоявшего из «Рамзеса», «Короля на площади» и инсценировки «Двенадцати». Но и этот спектакль не состоялся.

О ЛЮБВИ, ПОЭЗИИ И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЕ

Диалог, написанный летом 1906 г., был выделен из черновиков первой редакции драмы «Король на площади» и напечатан в журнале «Перевал» (1907, № 6, апрель). При жизни Блока диалог был опубликован еще дважды — в газете «Знамя труда» (1918, № 191, 28 апреля), и отдельной книжкой в изд-ве «Скифы» (Берлин, 1920).

В сборники «Лирические драмы» (1908) и «Театр» (1916 и 1918) он не входил.

К с. 57. Слова Шута: «Наука моя – заразительная, веселая наука» вызывают реплику Поэта: «Однако, он читал Ницше!» Здесь имеется в виду трактат Фридриха Ницше «Веселая наука» (1882).

К с. 58. Стихи, которые читает Поэт:

В одну любовь, широкую, как море,
Что не вместят земные берега... –

цитата из стих. А. К. Толстого «Слеза дрожит в твоём ревнивном взоре...».

НЕЗНАКОМКА

Третья лирическая драма Блока (первоначально, в рукописи, озаглавленная: «Три видения») была окончена 11 ноября 1906 г. и в мае – июле 1907 г. опубликована в журнале «Весы» (№ 5–7). В дальнейшем вошла в сборники «Лирические драмы» (1908) и «Театр» (1916 и 1918). Очевидно, Блоку осталось неизвестным отдельное издание драмы, самовольно выпущенное в 1914 г. журналом «Вестник знания» (большая библиографическая редкость).

По разъяснению Блока, в этой пьесе дано «развитие тем» нескольких его стихотворений 1906 г. («Незнакомка», «Твое лицо бледней, чем было...», «Шлейф, забрызганный звездами...», «Там, в ночной завывающей стуже...»). Связующим звеном большинства этих стих. служит образ женщины-кометы. Указанием на «развитие тем» служил и третий эпиграф к драме, взятый из стих. «Незнакомка» и снятый только в последнем издании:

И веют древними поверьями
Ее упругие шелка,
И шляпа с траурными перьями,
И в кольцах узкая рука.

Два других эпиграфа – из романа Ф. М. Достоевского «Идиот», где эти строки относятся к героине романа – Настасье Филипповне (ч. I, гл. 3 и 4).

Так же, как и «Король на площади», «Незнакомка» в конце 1906 г. намечалась к постановке в театре В. Ф. Коммиссаржевской, в режиссуре В. Э. Мейерхольда, и так же была запрещена цензурой – на том основании, что в лице Незнакомки-Марии будто бы изображена Богоматерь. Та же участь постигла постановку, предполагавшуюся в декабре 1907 г. в Новом театре. Запрещение было подтверждено в 1912 г.

И все же при жизни Блока «Незнакомка» была несколько раз представлена на сцене. Впервые — в начале февраля 1913 г. в Москве, в Литературно-художественном кружке, силами Студии молодых актеров при драматических курсах С. В. Халотиной (режиссер В. А. Соколов); вторично — в начале апреля 1914 г., вместе с «Балаганчиком», в Тенишевском зале (Петербург), силами молодых актеров студии В. Э. Мейерхольда (в его постановке и в оформлении Ю. М. Бонди); в третий раз — в конце 1917 г. в Москве, в «Кафе Питtoresк» (режиссер С. Вермель, художник А. Лентулов); в четвертый раз — в январе 1918 г. в Ростове-на-Дону (очевидно, любительский спектакль, под руководством Г. Ф. Гнесина). Блок видел лишь второй из этих спектаклей.

Кроме того, в сезон 1914—1915 г. постановка «Незнакомки» предполагалась, но не была осуществлена в студии Художественного театра, которою руководил Е. Б. Вахтангов.

Пейзаж «Незнакомки» был навеян Блоку блужданиями по глухим углам Петербургской стороны. Так, кабачок из Первого видения был «писан с натуры», — он помещался на углу Геслеровского пр. и Б. Зелениной ул. (еще в 20-х гг. можно было увидеть на стенах полуразрушенного домишки обрывки голубых обоев с изображением больших кораблей). Пейзаж Второго видения — мост и аллея, ведущие на Крестовский остров со стороны Б. Зелениной ул.

ПЕСНЯ СУДЬБЫ

Пьеса была задумана в начале 1907 г., и к работе над нею Блок приступил во всяком случае не позже весны. Первоначальные наброски до нас, очевидно, не дошли. Известно, что в 1921 г. Блок уничтожил часть черновиков, между прочим — наброски, по его же определению, «*таинливой сцены между Еленой, Другом, Фанной и Германом в игорном доме*», а также «*всякие другие наброски*». Возможно, что среди них были и самые ранние. В процессе дальнейшей работы в текст вносились радикальные изменения; так, например, в январе 1908 г. Блок сообщил матери, что выбросил «хорошо написанный, но идейно неудовлетворительный 5-й акт». Вероятно, это была «Сцена на вокзале», в конечном счете все же сохранившаяся в составе первой редакции драмы (см. эту сцену в Собр. соч., т. 4, 1961, с. 436—444). Рукопись первой редакции датирована: «Апрель 1907—29 апреля 1908 г.».

Вскоре после завершения первой редакции Блок писал матери: «Изменений много <...> Мне «Песня Судьбы» очень важна, я боюсь за нее. Это — мое любимое дитя...» Примерно тогда же (2 мая 1908 г.)

он записал для себя: «...люблю теперь эту вещь более всех, написанных мной: она — значительнее всех».

Тогда же, в мае 1908 г., В. Ф. Коммиссаржевская предложила Блоку поставить «Песню Судьбы» в своем театре, но он «ответил уклончиво», так как хотел непременно увидеть свое создание на сцене только одного театра — Художественного, причем «мечтал» о Н. Н. Волоховой в роли Фанни. Во время гастролей Художественного театра в Петербурге Блок прочитал «Песню Судьбы» К. С. Станиславскому и В. И. Немировичу-Данченко. Станиславский, как передал Блок, пьесой «ипленился», но автору было предложено внести в нее довольно значительные изменения, в частности — объединить две картины в одну (V картина окончательного текста — «Сцена на пустыре»).

Летом, в Шахматове, Блок занялся переработкой пьесы. В августе новая редакция была выслана в Художественный театр, где застряла надолго. Только 3 декабря 1908 г. К. С. Станиславский огорошил Блока известием, что ставить пьесу он не считает возможным (указав автору на действительно серьезные промахи его по части драматургии). «Я понял, что мое увлечение относится к таланту автора, а не к его произведению», — писал он Блоку. Тот заметил впоследствии (в дневнике 1912 г.): «Это поставило для меня точку, потому что сам я, отходя от пьесы, разочаровался в ней».

Предложения других театров — Александринского (где «Песню Судьбы» хотел поставить В. Э. Мейерхольд) и Нового (по инициативе Л. Н. Андреева) — Блок отклонил и отдал пьесу в печать; она появилась весной 1909 г. в 9-м альманахе «Шиповник» (с подзаголовком: «Драматический пролог» и с делением на четыре действия).

В декабре 1912 г., обдумывая план нового издания своих драматических произведений (в свет не вышедшего), а отчасти и в связи с новым предложением В. Э. Мейерхольда, Блок перечитал «Песню Судьбы», «опять волновался многим в ней» и собрался заняться новой радикальной ее переработкой: «Буду пытаться выбросить оттуда (и для печати и для возможной сцены) все пошлое, все глупое, также то леонид-андреевское, что из нее торчит. Посмотрим, что останется тогда от этого глуповатого Германа».

Однако намерение это было осуществлено гораздо позже, только в конце 1918 — начале 1919 г. (в оба издания сборника «Театр», 1916 и 1918 гг., «Песня Судьбы» не входила). Дата окончания переработки — 8 января 1919 г. Правка свелась к изменению самой композиции пьесы (была добавлена IV картина — «Уборная Фанни», написанная еще в 1908 г., но устраненная из первопечатного текста; было упразднено деление на акты) и к стилистической чистке: последовательно вытравлялись следы «условного и мистического»,

как выразился Блок, стихия. Вскоре, в июне 1919 г., «Песня Судьбы» в новой редакции была издана отдельной книжкой.

В «Песне Судьбы» обнаруживается богатый автобиографический «подтекст». В *Германе* сквозят черты самого Блока, в *Фаине* — Н. Н. Волоховой, в *Елене* — Л. Д. Блок, в *Друге Германа* — Г. И. Чулкова. В самом сюжете пьесы в известной мере отразилась та житейская ситуация, в которой в 1907—1908 гг. оказались названные лица.

Некоторые черты *Спутника Фаины* были навеяны обликом известного царского сановника графа С. Ю. Витте.

В тексте «Песни Судьбы» много переключек со стихами Блока 1907—1908 гг., в первую очередь — с теми, которые были вызваны увлечением поэта Н. Н. Волоховой («Снежная маска» и «Фаина», особенно цикл «Заключение огнем и мраком»), а также — с теми, в которых затронута тема России (ср., например, монолог Германа в V картине и стихи цикла «На поле Куликовом», написанные в июне—июле 1908 г., в разгар работы над первой переделкой «Песни Судьбы»).

Песня, которую в последней картине слышат Фаина и Герман, — из поэмы Н. А. Некрасова «Коробейники». Блок называл ее «великой песней» и говорил о ее «победно-грустном и призывном напеве».

РОЗА И КРЕСТ

Первоначально, в марте—апреле 1912 г., пьеса была задумана как сценарий балетного спектакля из жизни провансальских трубадуров XIV—XV вв., который Блоку предложили написать для композитора А. К. Глазунова, задумавшего сочинить балет на эту тему для петербургского Мариинского театра. Блок с юных лет любил германское и романское средневековье и охотно взялся за предложенную работу (см. на с. 385 наст. тома апрельские планы балета, еще очень далекие от будущей драмы).

В середине мая в работе Блока наступил важный перелом: он пришел к убеждению, что замысел его перерастает рамки балетного сценария. Более подходящей формой для реализации замысла Блок теперь считает оперное либретто. В центр произведения стала властно выдвигаться трагическая фигура рыцаря-неудачника, всем своим существом резко контрастирующего с окружающей его обстановкой «вечного праздника». К этому времени относятся важные «Соображения и догадки о пьесе», датированные 14 мая (см. с. 386 наст. тома), в которых в общих чертах уже намечен сюжет будущей драмы, охарактеризованы (но еще не названы по именам) главные ее персонажи: Бертран, Изора, Алискан, Граф; Гаэтана среди них нет.

Однако, чувствуя себя связанным обязательством перед музыкальным театром, Блок называет свое произведение еще не драмой, но по-прежнему «оперой» и заканчивает его (именно как оперное либретто) к середине июля 1912 г.

И тем не менее, вскоре после окончания «оперы», Блок уже окончательно решается, что «выходит» все-таки драма, и приступает к радикальной переработке уже готового текста. Так рождается вторая редакция пьесы, законченная 31 октября 1912 г. (Блок все еще по инерции продолжает называть ее «оперой»). Наиболее существенные выдержки из черновики первой и второй редакций опубликованы в Собрании сочинений (т. 4, 1961, с. 464—510).

Но и на этот раз результаты работы не привнесли Блоку полного удовлетворения, и 20 ноября он решает, что нужно «пьесу *всю* переделать»: «Очень улыбается, но много работы...» Следующий этап крайне напряженной и интенсивной работы «по новому плану» продолжался с 8 декабря 1912 г. по 9 января 1913 г., когда «осталась только отделка», которая заняла еще десять дней: датой окончания «Розы и Креста» Блок назвал 19 января 1913 г.

После того как драма была прочитана в кругу близких людей, Блок заметил: «По тому, как относятся, что выражается на лицах, как замечания касаются только мелочей, вижу, что я написал, наконец, настоящее». Мелкие поправки в окончательный текст драмы Блок продолжал вносить до 7 июня, когда «в последний раз приложил к ней руку».

В августе того же 1913 г. «Роза и Крест» увидела свет в 1-м альманахе «Сирин». Она вошла в оба издания сборника Блока «Театр» (1916 и 1918), причем в первом издании была сопровождается составленными Блоком обширными реально-историческими примечаниями (см. с. 393 наст. тома).

Зашифрованное посвящение драмы появилось только в последнем издании.

Работая над этой драмой, Блок погрузился в изучение исторических и литературных материалов по французскому средневековью. Среди рукописей «Розы и Креста» сохранились две тетради, украшенные старинными иллюстрациями к «Роману Розы», куда Блок вносил разнообразные выписки и заметки — даты исторических событий, географические сведения, прозаический перевод знаменитой сирвенты Бертрана де Борна, вольным переложением которой является песня первого менестреля в IV действии драмы, заметки о поэтике Розы, выписки из средневекового лечебника и пр. В этих же тетрадях имеется перечень книг, преимущественно французских, латинских и итальянских, которыми пользовался Блок во время работы над драмой. Список этот не исчерпывает круг специального чтения Блока, но и сам по себе свидетельствует о его эрудиции в области

историографии и филологии романского средневековья. (Вопрос этот досконально выяснен в монографии В. М. Жирмунского «Драма Александра Блока «Роза и Крест». Литературные источники». Л., 1964).

Заметим, что имя *Изора* встречается у А. С. Пушкина в сценах «Моцарт и Сальери»: так звали умершую любовницу Сальери, которая вручила ему склянку со смертоносным ядом.

Во втором действии драмы многообразно отразились живые впечатления Блока от природы и старины Бретани, вынесенные из летнего путешествия 1911 г.

«Роза и Крест» многократно намечалась к постановке на сцене. В апреле 1913 г. Блок решил предложить ее Художественному театру. «Пока не поговорю с Станиславским, ничего не предпринимаю, — записал он, узнав о желании режиссера Е. Б. Вахтангова поставить «Розу и Крест». — Если Станиславскому пьеса понравится и он найдет ее театральной, хочу сказать ему твердо, что довольно насмотрелся я на актеров и режиссеров, не даром высидел последние годы в своей мурье, никому не верю, кроме него одного. Если захочет, ставил бы и играл бы сам — Бертрана. Если *коснется пьесы его гений*, буду спокоен за все остальное».

Однако К. С. Станиславский «не воспринял» пьесы, и у Блока сложилось впечатление, что с Художественным театром «ничего не выйдет, и «Розу и Крест» придется только печатать, а ставить на сцене еще не пришла пора».

Чтобы «проверить драму для себя особым способом», Блок после разговора со Станиславским, в мае 1913 г., написал новеллу «Записки Бертрана...» (см. с. 403 наст. тома) — и решил, что «все верно, ничего не надо переделывать».

В 1913—1915 гг. Блок неоднократно получал предложения от других театров (Свободного, Нашего, Камерного и др.), но относился к ним безразлично. Когда же в ноябре 1915 г. Художественный театр уже по собственной инициативе (отчасти по настоянию Л. Н. Андреева) сам обратился к Блоку с просьбой предоставить ему «Розу и Крест», поэт принял это известие «как событие», которое его «возбодило в такой же мере, в какой обрадовало».

После предварительной беседы с В. И. Немировичем-Данченко в Петрограде, в марте 1916 г. Блок приехал в Москву, прочитал «Розу и Крест» труппе Художественного театра, провел восемь бесед с актерами, в основу которых была положена составленная им объяснительная записка (см. с. 415 наст. тома), принял участие в подготовке к репетициям. Руководители театра и труппа возлагали на постановку «Розы и Креста» большие надежды. Но свершиться им суждено не было, ибо слишком резко расходилась романтическая поэтика стихотворной драмы Блока с реалистическими,

а зачастую переходившими в натурализм традициями и навыками театра.

Весной и осенью 1916 г. был проведен ряд репетиций — сперва под руководством В. В. Лужского и В. И. Немировича-Данченко, позже — К. С. Станиславского. Декорации и костюмы были поручены М. В. Добужинскому. Затем в силу разных, отчасти внешних, причин и неблагоприятных обстоятельств темп работы над пьесой замедлился. В апреле 1917 г. Блок снова ездил в Москву на репетиции и нашел, что «все, за исключением частных, совершенно верно».

Однако работа шла все медленнее. Неоднократно менялся состав исполнителей, долго и тщетно искали композитора (С. В. Рахманинов, Б. К. Яновский, Ю. П. Базилевский, позже — С. И. Потоцкий и М. Ф. Гнесин). Пришлось отказаться от оформления М. В. Добужинского — как слишком громоздкого.

Репетиции с новым составом актеров возобновились только в 1918 г. — с тем чтобы открыть «Розой и Крестом» осенний сезон. Всего было проведено около двухсот репетиций, но спектакль так и не увидел света.

Кроме Художественного театра, «Розу и Крест» собирались ставить многие другие театры: в 1918 г. — Михайловский и Александринский в Петрограде, в 1921 г. — б. Корша и б. Незлобина в Москве. Но единственная постановка состоялась в сезон 1920—1921 г. в Костромском городском театре (режиссер и художник Ю. М. Бонди, музыка Б. А. Федорова). Пьеса выдержала пятнадцать представлений. Блок об этом спектакле был осведомлен.

РАМЗЕС

В мае 1919 г. А. М. Горький выступил с идеей создания в культурно-просветительных целях серии «Исторические картины». Задумано было большое дело — средствами театра и кинематографа осветить в драматической форме поворотные моменты всемирной и национальной истории и главнейшие достижения общечеловеческой культуры. К реализации своего замысла Горький привлек, в числе других, и Блока.

По предложению Горького Блок в августе 1919 г. изложил Общий план «Исторических картин» (см. т. 4 наст. изд.) и, собираясь принять активное участие в этом деле, перебрал несколько сюжетов, внутренне ему близких (Южная Франция в конце средневековья, история Тристана и Изольды, история Изотты Малатесты, Куликовская битва и др. — наброски этих планов опубликованы

в Собрании сочинений (т. 4, 1961). Но остановился он, несколько неожиданно, на сценах из жизни древнего Египта.

«Рамзес» был написан в ноябре 1919 г. и в 1921 г. издан отдельной книжкой (последняя книжка Блока, выпущенная при его жизни).

Пьесу собирались поставить в Василеостровском театре, потом, в 1923 г., о постановке ее думал В. Э. Мейерхольд, но света рампы она так и не увидела.

ДРАМАТИЧЕСКИЕ ПЕРЕВОДЫ

ДЕЙСТВО О ТЕОФИЛЕ

Блок перевел этот знаменитый в свое время средневековый миракль (драматизованную легенду о чудесах Богоматери) в октябре 1907 г. для только что созданного в Петербурге Старинного театра, поставившего задачей воскрешение стародавнего репертуара в строгих формах современного ему сценического воплощения.

В окончательный текст перевода, представленный в драматическую цензуру, пришлось внести некоторые сокращения и замены в связи с возможным обвинением в богохульстве. Так, например, вместо «Господь и Бог» было сказано «Мой Господин», вместо «Господь» — «Хозяин», вместо «Мадонна» — «Светлый Дух», православный «епископ» был заменен католическим «кардиналом».

Этой пьесой Старинный театр 7 декабря 1907 г. открыл свой первый сезон (постановка Н. В. Дризена и А. А. Санина, декорации и костюмы И. Я. Билибина).

Перевод был опубликован в альманахе «Стрелец» (1915); в 1916 г. Блок включил его в свой сборник «Театр».

ФРАНЦ ГРИЛЬПАРЦЕР. ПРАМАТЕРЬ

В январе 1908 г. В. Ф. Коммиссаржевская предложила Блоку перевести для ее театра, по его выбору, какую-нибудь иностранную пьесу, новую для русской сцены. Блок, отчасти по совету художника К. А. Сомова, предложил старую стихотворную трагедию «Die Ahnfrau» австрийского драматурга-романтика Франца Грильпарцера, написанную в 1816 г. и впервые представленную в 1817 г.

Русский перевод этой трагедии, выполненный в 1829 г. П. Обо-

довским (под заглавием: «Прародительница») и изданный литографским способом в 1894 г., в то время Блоку остался не известным.

Перевод был закончен Блоком в мае 1908 г. Постановку предполагалось осуществить осенью того же года с участием В. Ф. Коммиссаржевской в роли Берты, однако премьера состоялась лишь 29 января 1909 г. (режиссер — Ф. Ф. Коммиссаржевский, декорации и костюмы А. Н. Бенуа, музыка М. А. Кузмина). Сама В. Ф. Коммиссаржевская сыграла Берту один раз — в сентябре 1909 г., во время московских гастролей театра.

В том же 1908 г. перевод Блока был издан отдельной книгой в серии «Мировая литература» изд-ва «Пантеон». В книге было помещено предисловие Блока «Несколько мыслей о значении «Праматери» для нашего времени и краткие сведения о Грильпарцере», датированное июлем 1908 г.

В 1918 г. изд-во М. и С. Сабашниковых предложило Блоку переиздать перевод «Праматери» в серии «Памятники мировой литературы». Блок предложение принял, но, убедившись в серьезных недостатках своего перевода, занялся его переработкой. («„Праматерь“ переведена из рук вон — IV и V акты», — записано у Блока 8 мая 1918 г.)

Тем временем сборник избранных произведений Грильпарцера был запроектирован изд-вом «Всемирная литература» под редакцией Блока. В письме к М. В. Сабашникову Блок просил уступить его перевод «Всемирной литературе», что и было сделано. Переработанный перевод «Праматери» появился (уже после смерти Блока) в издании: Ф. Грильпарцер. Пьесы, т. 1. М. — Пг., 1923.

ПРИЛОЖЕНИЯ

I. Предисловие (к сборнику «Лирические драмы»). Впервые — Александр Блок. Лирические драмы. СПб., 1908.

II. «Роза и Крест»:

1. «Планы и заметки». Впервые (частично) — Собрание сочинений Александра Блока, т. 9. Берлин, 1923. Полнее — Собрание сочинений, т. 6. (1933). Заглавия *Песня менестреля?* и *Сон Изоры* с пометой: «(тетя)» (с. 390) были предложены М. А. Бекетовой.

2. Примечания к драме «Роза и Крест». Впервые — Александр Блок. Театр (1916).

3. Записки Бертрана, написанные им за несколько часов до смерти. Впервые — Собрание сочинений Александра Блока, т. 9. Берлин, 1923.

4. «Роза и Крест» (К постановке в Художественном театре). Впервые — «Утро России», 1916, № 94, 3 апреля. Было написано для композитора Ю. П. Базилевского, которому было поручено сочинить музыку для спектакля.

5. <Из записной книжки.> Впервые — «Записные книжки Ал. Блока» (1930). Заметки сделаны накануне и после встречи с В. И. Немировичем-Данченко, когда состоялось первое, предварительное обсуждение постановки драмы «Роза и Крест» в Художественном театре.

1. Предварительный проект распределения ролей среди актеров Художественного театра.

2. *Анамнесис* (греч.) — воспоминание (платоновский термин).

3. Сходство ситуаций в драме «Роза и Крест» и в средневековом романе «Фламенка».

6. <Конспект беседы с труппой Художественного театра.> Впервые — Собрание сочинений Александра Блока, т. 9. Берлин, 1923.

III. «Праматерь». <Из статьи «Об одной старинной пьесе».> Впервые — «Речь», 1908, 17 ноября. Извлечение из обширной статьи о «Праматери» Ф. Грильпарцера. Остальные фрагменты этой статьи Блок позже оформил в качестве предисловия к отдельному изданию «Праматери» (1908).

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

Фронтиспис. А. А. Блок (1911 г.).

Стр. 114. Черновой автограф. Страница рукописи драматической поэмы «Песня Судьбы».

Стр. 204. Черновой автограф. Страница рукописи драмы «Роза и Крест».

СОДЕРЖАНИЕ

ДРАМАТИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Балаганчик	7
Король на площади	21
О любви, поэзии и государственной службе. <i>Диалог</i>	55
Незнакомка	66
Песня Судьбы. <i>Драматическая поэма</i>	93
Роза и Крест	152
Рамзес. <i>Сцены из жизни древнего Египта</i>	224

ДРАМАТИЧЕСКИЕ ПЕРЕВОДЫ

Действо о Теофиле (Le Miracle de Théophile) Рютбефа (Rutebeuf), трувера XII—XIII столетия	243
Франц Грильпарцер. Праматерь. <i>Трагедия в пяти действиях</i>	265

ПРИЛОЖЕНИЯ

I. Предисловие (к сборнику «Лирические драмы»)	383
II. «Роза и Крест»	385
1. «Планы и заметки»	385
2. Примечания к драме «Роза и Крест»	393
3. Записки Бертрана, написанные им за несколько часов до смерти	403
4. «Роза и Крест» (К постановке в Художественном театре)	408
5. «Из записной книжки»	411
6. «Конспект беседы с труппой Художественного театра»	415
III. «Праматерь» (Из статьи «Об одной старинной пьесе»)	422
Примечания	424

Издательство приносит извинения читателям за выпавшие при печати знаки препинания в ряде стихотворных строк в томах 1—3 настоящего собрания сочинений.

Блок А.

- Б 70 Собрание сочинений: В 6-ти т. /Редкол.: М. Дудин и др.; Оформ. худож. Н. Нефедова. — Л.: Худож. лит., 1980—1982.
Т. 3. Театр. 1906—1919. /Сост. и примеч. Вл. Орлова. 1981 — 440 с.

Третий том составляют оригинальные драматические произведения А. Блока: «Балаганчик», «Король на площади», «Незнакомка», «Песня Судьбы», «Роза и Крест», «Рамзес», а также выполненные им переводы: «Действо о Теофиле» Рютбефа и «Праматерь» Франца Грильпарцера.

Б 70600-054
028(01)-81 подшивное 4702010100

ББК 84.3Р1

Александр Александрович Блок

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ШЕСТИ ТОМАХ
ТОМ 3

Редактор Т. Мельникова
Художественный редактор Р. Чумаков
Технический редактор Н. Литвина
Корректор Л. Никульшина

ИБ № 1567

Сдано в набор 29.08.80. Подписано к печати 23.04.81.
Формат 84 × 108¹/₃₂. Бумага тип. № 1. Гарнитура «Плэтин». Печать высокая 23,1 + вкл. 0,052 = 23,152 усл. печ. л. 25,304 усл. кр. отт. 18,914 + 1 вкл. = 18,967 уч.-изд. л. Тираж 300 000 экз. Заказ № 1498. Цена 1 р. 80 к. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Художественная литература», Ленинградское отделение, 191186, Ленинград, Д-186, Невский пр., 28. Ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени Ленинградское производственно-техническое объединение «Печатный Двор» имени А. М. Горького Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 197136, Ленинград, П-136, Чкаловский пр., 15